

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Кемеровский государственный институт культуры»

На правах рукописи

Алексеева Анаргуль Григорьевна

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ
ОТНОШЕНИЙ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ**

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры

Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии

Научный руководитель:
д.культурол., профессор Кужугет А. К.

Кемерово - 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	с.3
Глава I. Теоретические и исторические аспекты изучения семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири	
1.1. Методологические подходы к исследованию семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири: социокультурный и ценностный аспект	18
1.2. Традиционно-патриархальные основы семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири в период конца XIX – начала XX в.....	35
Глава II. Трансформация семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири конца XIX – начала XXI в.	
2.1. Культурно-историческая динамика семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири	64
2.2. Семейная десоциализация и социально-правовая профилактика семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири	118
Заключение	170
Список литературы и источников.....	173

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Актуальность изучения семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири определяется ситуацией, когда семья, семейно-брачные отношения являются одним из ведущих трансляторов духовно-нравственных, национально-культурных и культурно-исторических традиций. При этом в современном мире подвергается изменениям структура семьи, характер внутрисемейных отношений, с которыми связан самобытный традиционный уклад жизни, сохраняющий духовное и материальное наследие этносов. Согласно концепции нашего исследования, семейно-брачные отношения коренных народов Южной Сибири приобретают характер традиций, а затем трансформируются в социокультурный институт семьи, который обеспечивает его стабильность и упорядоченность, закладывая в каждое новое поколение важнейшие ценности и нормы, а также детерминируемый комплексом условий и факторов в культурной эволюции общества.

Социально-экономические изменения, обусловленные глобализацией, вынуждают коренные народы Сибири выбирать между сохранением самобытных традиций и принятием ценностей современных обществ. Экономические, социальные выгоды и льготы, занимают сегодня нишу традиционных ценностей, исконно определявших значимость многодетной семьи.

В современной России виден заметный рост незарегистрированных браков, и это в российском обществе становится нормой. Более того, разрушаются природные силы жизни - инстинкт родительской заботы о потомстве. В современной практике это выражается в таких явлениях как репродуктивный туризм и суррогатное материнство. Также массовым явлением современности становятся дети - «отказники», воспитывающиеся в детских домах и родители, оставленные в домах престарелых. В настоящее время наблюдается рост неблагополучных, неполноценных и больных детей.

Более того, смертность превышает рождаемость – все это представляет угрозу генофонду, свидетельствует о дегенерации в социальном и духовном механизме жизни. Сейчас все понимают, что человек не может безоглядно «господствовать» над природой, но еще не все осознали губительность разрушения социального и духовного бытия человека. Другими словами, опасно разрушать первичные механизмы жизнедеятельности социума.

Указанная ситуация определяет деформацию традиционного комплекса ценностей в среде коренных народов Южной Сибири. В этой связи, актуальным представляется исследование их семейно-брачных отношений, в период конца XIX – начала XXI в., которое позволит осмыслить в более полном объеме не только специфику предмета исследования, но и необходимость выработки мер, способствующих адаптации коренных народов Южной Сибири к новым социально-экономическим условиям.

При этом, в последние десятилетия у коренных народов Южной Сибири наблюдается рост национального самосознания, с пониманием ими необходимости сохранения и возрождения семейных ценностей, образцов материальной и духовной культур, что определило своеобразие их социокультурного развития в современном историческом времени. Специфическая роль традиционных норм и ценностей актуальна как для городского, так и сельского «аборигенного» населения, в одинаковой степени затронутого современными процессами десоциализации, потерей субъектом по разным причинам, общественного (социального) опыта, которая отражается на его жизнедеятельности и потенциале самореализации в общественной среде.

Вне поля зрения данной работы остаются общемировые демографические изменения. При этом, внимание концентрируется на конкретных факторах, связанных со вхождением рассматриваемых нами коренных тюркоязычных народов Сибири в состав СССР, и соответствующих цивилизационных влияниях Советского государства. В

соответствии с заявленной целью, советский этап рассматривается нами как нечто цельное.

Степень научной разработанности проблемы. Данная тема имеет междисциплинарный характер и находится на пересечении различных исследовательских полей: философии, истории, религиоведения, культурологии, криминологии, психологии, этнологии, этнографии, этнодемографии и других наук. В связи с этим, междисциплинарная специфика работы предполагает обращение к результатам различных школ. Многоаспектному анализу подвергались базовые этнологические категории в работах Базарова Б.В., Биче-оол С. М., Енчинова Э. В., Исаковой Н. В., Кагана М. С., Кенин-Лопсана М. Б., Ламажаа Ч. К., Патачакова К. М., Тарбастаевой И. С., Тутарковой Н. В., Функа Д. А. и др. Авторами данных исследований отражен полисемантический характер процесса интернационализации всех сторон жизни общества, в том числе и духовно-нравственной.

Своеобразие социальной сущности культуры обнаруживается в комплексе ценностных ориентаций, что отмечали Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, М. К. Петров, В. Ж. Келле, В. Виндельбанд, Г. Риккерт, М. Вебер, В. М. Межуев, Т. Парсонс и др., обращая внимание на личностный характер существования культуры как способа социально-исторического бытия индивида.

Проблемы развития теории культуры общего философского и культурологического характера были рассмотрены в трудах российских ученых А. И. Арнольдова, А. С. Ахиезера, П. С. Гуревича, Б. С. Ерасова, М. С. Кагана, Э. С. Маркаряна, В. М. Межуева, А. С. Панарина, В. С. Степина, В. Г. Федотовой, которые рассматривали человеческую деятельность, лежащую в основе культуры, как систему и предложили в своих работах многоаспектный культурологический анализ проблем общения, теории эстетического и художественного воспитания, размышления о роли культуры в жизни человека, о ее личностно-формирующих возможностях.

Ценнейший вклад в изучение этнической истории народов Сибири, проблем брака и семьи аборигенного населения в XVIII-XIX вв. внесли В. Томсен, Г. Ф. Миллер, В. В. Радлов, Н. Ф. Катанов, Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, А. П. Щапов, П. С. Паллас, Н. Я. Бичурин, В. И. Вербицкий, в исследованиях которых рассматриваются принципиальные различия в вопросах степени родства при заключении брака у аборигенов Сибири и европейцев.

Социокультурные аспекты формирования ценностного отношения к культурно-историческому наследию коренных народов Сибири, в том числе семейно-брачной обрядности исследуются в работах А. В. Анохина, В. П. Дьяконовой, Н. П. Дыренковой, Л. П. Потапова, С. В. Киселева, С. С. Суразакова, С. С. Шашкова и др.

В работах Л. П. Потапова излагаются этнографические материалы по семейно-брачным отношениям тувинцев, как описательные, так и сопоставительные, с интерпретацией свадебных циклов и обрядов ряда районов Тувы.

Укрепление ценностных оснований семейно-брачных отношений коренных и малочисленных народов Сибири, на фоне противоречивых процессов межэтнической интеграции анализируются в исследованиях современных ученых Ю. Л. Аранчына, С. И. Вайнштейна, К. М. Герасимовой, Д. В. Кацюбы, В. М. Кимеева, Г. Г. Котожекова, А. К. Кужугет, Л. Р. Кызласова, Н. О. Тадышевой, С. П. Тюхтеновой, Н. Т. Ултургашевой, Д. А. Функа, Н. И. Шатиновой.

Анализу традиционных систем жизнеобеспечения (в том числе и как основы устойчивого существования семейных ценностей) посвящены работы А.Н. Садового, М. В. Белозеровой, В. В. Поддубикова, Д. А. Функа, О. В. Нечипоренко и др. Междисциплинарный подход к исследованию проблем малочисленных этносов, позволил им определить перспективы дальнейшего развития прикладной этнологии и смежных с нею научных дисциплин, сориентированных на научное сопровождение государственной политики в

отношении этнических меньшинств. И здесь необходимо отметить, что, круг ученых, занимающихся ценностными аспектами традиционной культуры коренных народов Сибири, в последние годы заметно расширяется. Так, Г. Т. Бакиева, К. Б. Клоков, П. А. Куринских, И. И. Назаров, З. А. Тычинских, А. П. Чемчиева, А. П. Ярков рассматривают различные аспекты современных этнокультурных процессов. В работах названных ученых рассматривается традиционная духовная культура, семейно-брачные отношения и обряды жизненного цикла, верования и культы в контексте общечеловеческих ценностей коренных народов Сибири – алтайцев, тувинцев, телеутов, хакасов, шорцев и др.

В XX веке возрос правоведческий интерес к семейно-бытовой сфере. Так, проблемы семейной криминологии, противоречия семейно-брачных отношений разрабатываются Д. А. Шестаковым, А. А. Ахматовым, В. Д. Ермаковым, Г. М. Ильяшенко, Г. Л. Касторским, О. В. Лукичевым, О. В. Старковым, В. С. Харламовым, А. В. Чураковым и др.

Для проведения исследования структуры традиционной свадебной обрядности и семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири были изучены архивные материалы рукописных фондов, центров народного творчества и краеведческих музеев республик Алтай, Хакасия, Тыва, Кемеровской области, а также работы таких исследователей в области этнических культур, как: В. И. Вербицкий, Л. П. Потапов, Л. Р. Кызласов, С. И. Вайнштейн, Т. Будегечи, Д. В. Кацюба, К. М. Герасимова, Г. Р. Галданова, Г. Н. Очирова, Н. Т. Ултургашева, А. К. Кужугет. При этом до настоящего времени обобщающих исследований закономерностей развития ценностных оснований семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири не проводилось.

Дореволюционные исследования семейно-брачных отношений у тувинцев носят характер освещения отдельных сведений и сообщений. Данная тенденция прослеживается, в частности у М. И. Райкова, В. Ф.

Ладыгина, А. М. Африканова, Г. Е. Грумм-Гржимайло и др. Более полными данными отличаются материалы Е. К. Яковлева и Ф. Я. Кона.

Работы Е. К. Яковлева, заслуживающие особого внимания, включают в себя весьма ценные данные, но, при этом, некоторые из них не лишены противоречивых сведений и толкований. Возможно, это связано с тем, что Е. К. Яковлев представляет материалы, записанные со слов других, которые оказались не совсем точными. Так, например, это можно отнести к данным о степенях родства, о добрачных и брачных отношениях тувинцев [159, с. 90-91].

Исследование Ф. Я. Кона, основанное на данных исследовательской экспедиции в Туву по поручению Восточного отдела Русского географического общества в 1902-1903 гг., представила весьма существенные данные по брачно-семейным отношениям тувинцев. При этом, материалы Ф. Я. Кона отразили также неоднозначность отношений, существовавших в брачно-семейной практике тувинцев [70, с. 84-88].

Огромный интерес представляют исследования ученых по семейно-брачным отношениям коренных народов Сибири советского периода, в том числе, С. М. Биче-оол, Потапов Л. П., Г. Н. Курбатский, А. К. Кужугет.

В 20-е годы XIX в. впервые было научно зафиксировано деление населения Горного Алтая на следующие этнотерриториальные группы: кумандинцы, тубалары, челканцы - северные алтайцы; алтай-кижи, телеуты, теленгиты, телесы – южные. В данном аспекте необходимо отметить исследования таких ученых, как: В. П. Дьяконова, А. С. Суразаков, С. С. Каташ, В. И. Вербицкий, Л. П. Потапов.

Семейно-брачные отношения и семейная обрядность хакасов и шорцев рассматривались следующими учеными: В. В. Радлов, Л. Р. Кызласов, Л. П. Потапов, К. М. Патачаков, В. Я. Бутанаев, И. П. Чебодаев, Т. Н. Медведева, А. И. Чудояков и др. Однако в работах вышеперечисленных авторов, не представлен обобщенный анализ ценностных оснований и эволюции

современных тенденций семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири.

Проблема данного исследования заключается в противоречии между патриархальной (традиционной) формой семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири и современными тенденциями в ее функционировании. Это ставит вопросы о вариативности форм адаптации традиции к изменениям социокультурной среды и о различных следствиях подобных процессов.

Объектом исследования являются семейно-брачные отношения как социокультурный институт.

Предмет исследования – динамика механизмов регулирования семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири.

Цель исследования заключается в выявлении ключевых закономерностей и проблем функционирования семейно-брачных отношений коренных тюркоязычных народов Южной Сибири в конце XIX – начале XXI века.

Для реализации данной цели поставлены следующие **задачи**:

1. Определить методологические подходы к изучению семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири;
2. Конкретизировать роль и значение самобытно-патриархального уклада семейно-брачных отношений как социокультурного института культурной среды коренных народов Южной Сибири;
3. Исследовать условия и факторы культурно-исторической динамики семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири;
4. Охарактеризовать этнокультурную специфику динамики семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири;
5. Проанализировать морально-правовое регулирование особенностей конфликтных и десоциализирующих семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири;

6. Осуществить анализ современного состояния и путей сохранения социокультурных аспектов семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири.

Теоретико-методологическую основу исследования составил комплекс различных взаимодополняющих теоретических и эмпирических подходов к исследованию этнических культур, которые представляют собой исторически выработанные способы деятельности. В связи с этим, историко-культурологический анализ семейно-брачных отношений проводился в рамках деятельностного подхода.

Важнейшим подходом является системный, подразумевающий изучение структуры традиционного общества коренных народов Южной Сибири. В работе используется принцип историзма, дополняющий системный подход в исследовании семейно-брачных отношений коренных народов в историческом развитии. Структурно-функциональный подход, приоритетом которого является исследование социальной реальности, установление структуры и функциональных связей, составляющих эту структуру и основных ее элементов, позволяет дать адекватную оценку процессам ценностных изменений в семейно-брачных отношениях.

Необходимость анализа социокультурных аспектов семейно-брачных отношений коренных народов во всей совокупности их проявлений обусловила применение нами комплексного подхода. Так, междисциплинарный характер исследования динамики традиционных семейно-брачных отношений определил привлечение данных взаимосвязанных наук – истории, этнологии, философии, социологии, фольклористики, криминологии. В рамках заявленной темы, мы рассмотрели бытующие у коренных этносов семейные отношения в качестве социального института, механизма адаптации к окружающей природной и социальной среде.

Ценностный подход, позволяющий рассмотреть самобытную культуру и духовную жизнь как социума в целом, так и отдельных его частей. Он важен для выявления глубинных ценностных трансформаций традиционного общества коренных народов Южной Сибири за исследуемый период.

Социокультурный подход дает возможность рассмотреть общество как единство культуры и социума, где каждая семья, род, племя как социальная группа нацелены на определение собственных культурных целей согласно характерным для них правилам, обычаям, установкам и законам традиционного общества. Данный подход позволил нам проанализировать традиционные ценности коренных этносов как основу бытования и трансформации семейно-брачных отношений, включая их роль в сохранении семейных устоев, в том числе в современных условиях десоциализации. Культура в целом рассматривается нами как условие возникновения и существования традиционных форм семейно-брачных отношений коренных этносов и связанных с ними ценностей.

Культурно-исторический метод позволил выявить общее и особенное, уровни изучаемого объекта, произошедшие изменения и определить тенденции развития в традиционной культуре коренных народов.

Из эмпирических методов были использованы изучение и анализ документов, методы сравнения, обобщения, наблюдения, интервьюирования, анкетирования, контент-анализа материалов средств массовой информации исследуемого исторического периода, которые позволили выявить проблемы и современное состояние семейно-брачных отношений коренных народов Сибири и духовно-практического освоения в социокультурном контексте.

Научная новизна диссертации заключается в следующем:

1. Актуализированы и проанализированы основные изменения в социокультурных аспектах традиционных семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири, что выразилось в толерантности к таким социокультурным институтам, как институт приемного (социального)

родительства, нетрадиционное партнерство, суррогатное материнство и репродуктивный туризм.

2. Выделены и раскрыты основные этапы культурно-исторической динамики семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири: досоветский, советский, постсоветский (с 1992 г.). Для досоветского периода, в условиях кочевничества семья у коренных народов являлась самым первым и важным социокультурным институтом общества, члены которого знали и чтили традиции семейно-брачных отношений, являлись носителями самобытного уклада семьи, рода и этноса.

В советский период, в ходе интенсивного промышленного освоения территорий, негативным явлением стали миграционные и ассимиляционные процессы, а также организация интернатов, пансионатов, где дети не имели возможности усвоить нормы и ценности традиционной культуры и самобытного жизненного уклада.

В постсоветский период коренные этносы находятся на распутье, выбирая и балансируя между сохранением и возрождением самобытных традиций, с одной стороны, а с другой – принятием ценностей современного общества. К характерным чертам последнего можно отнести вступление в брак в более позднем возрасте, снижение рождаемости, увеличение числа внебрачных детей, обращение к экстракорпоральному оплодотворению и суррогатное материнство. Это свидетельствует о неустойчивости динамики семейно-брачных отношений, при которых сохраняются лишь элементы патриархальности и традиционных форм. К негативным последствиям в семейно-брачных отношениях необходимо отнести устойчивое снижение уровня брачности, рост числа бессемейных одиноких людей, прогрессирующее нежелание образовывать семью, увеличение количества неполных семей, и размывание национальных семейных традиций.

3. Выявлена специфика обрядовой культуры в исторической эволюции семейно-брачных отношений, заключающаяся в том, что каждая культура создает собственную систему ценностей, в которой заключены традиционные

мироощущение, мораль и видение окружающего мира, в котором обрядовая культура выполняет не только присущие ей специфические конкретные функции, но и функции общекультурные – аксиологическую преемственность, коммуникативную, досуговую и др. Указанные этапы свидетельствуют об эволюции семейно-брачных отношений, обусловленных социокультурной детерминацией развития коренных народов Южной Сибири. Выявлено сохраняющееся до настоящего момента значение традиционной свадебной обрядности, семейно-брачных отношений, как сакрального действия с уникальным комплексом традиций, обычаев, обрядов, ритуалов, отражающих этническую самобытность, этническую картину мира в контексте традиционных культур коренных народов Южной Сибири. При этом, сегодня специфика обрядовой культуры определяется как традиционным образом жизни, так и негативными тенденциями в эволюции семейно-брачных отношений.

4. Раскрыта взаимосвязь теории и практики традиционно-патриархальных и инновационных аспектов семейно-брачных отношений в культурах коренных народов Южной Сибири, проявляющихся как в сфере общественного сознания, например, в существующих социальных нормах (самобытных и модернизационных воздействиях), взаимосвязи доминантного и обычного видов права, так и в сфере практики социально-правовой профилактики семейной конфликтности.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Методологическое значение социокультурного и ценностного подходов состоит в рассмотрении совокупности общественных и культурных оснований социума как результата деятельности многих поколений в контексте спектра общественных связей, в том числе их аксиологических аспектов. Семейные ценности складываются из общечеловеческих ценностей, берут свое начало в традиционном обществе, в том числе и у коренных народов Южной Сибири, и остаются неизменными на всем протяжении развития рассматриваемых этносов.

2. Анализ этнической культуры коренных народов Южной Сибири, ее самобытности показывает, что она обусловлена кочевым способом производства, его кочевым характером. Соответственно хозяйственному укладу кочующего населения осуществлялось его социальное и культурное бытование, в том числе и семейно-брачная сфера жизни коренных народов.

В сфере семейно-брачных отношений наблюдается значительная доля патриархальных традиций, например, такие:

- при выборе будущей невесты (жениха), при определении формы брака, семьи коренных народов Сибири учитывается не только богатство семей, но и их родословная;

- традиционный для всех народов обряд гостеприимства, как непреложное бытовое установление;

- незыблемость бытовых, семейных и морально-нравственных установлений, к примеру, тувинцы говорили: «ужур дурумден эртип болбас» - нельзя переступать свои обычаи; «ужур куштуг» - обычай сильнее (т.е. чему положено случиться, тому не помешаешь).

Указанные обычаи, ритуалы, традиции являлись духовно-практическими ценностями культуры коренных народов Южной Сибири.

3. Несмотря на специфику ассимиляции народов Южной Сибири Царской Россией – насильственную христианизацию, борьбу с язычеством, коренные народы сохранили в целом свои морально-этические нормы общежития, этнические особенности хозяйственной и духовной деятельности, в том числе запреты на браки между родственниками.

В современной ситуации как историческом итоге эволюции семейно-брачных отношений обнажились такие негативные следствия, как 1) ухудшение демографических показателей; 2) негативное отношение к институту семьи, поскольку именно в семье формируются и протекают демографические процессы; 3) семьи становятся малодетными; 4) растет число одиноких людей, высокой остается смертность населения; 5) растет детская безнадзорность, беспризорность, множество детей воспитывается в

неполных семьях или брошены родителями на попечение государства; б) рост внебрачной рождаемости, распад семей, что детерминировано современным состоянием материальной и духовной культуры коренных народов Южной Сибири.

В этом плане следует подчеркнуть функционирование семьи в качестве целостного элемента социальной структуры общества, социального института, механизма адаптации, способа производства будущих поколений, способа производства материальных благ. По отношению к окружающей географической среде хозяйственный уклад семьи, ее морально-правовой статус выступает в качестве ценностей и норм этнической культуры коренных народов Южной Сибири.

4. В семейно-брачных отношениях принято выделять внутрисемейную организацию как их содержательную основу – это с одной стороны, а с другой – взаимоотношения семьи с обществом и природой. Хозяйственный уклад семьи, ее морально-правовой статус выступает в качестве ценностей и норм этнической культуры коренных народов Южной Сибири. Связь этих двух сторон обуславливается традиционными установками этнических культур.

5. Традиционный самобытный уклад семейно-брачных отношений коренных тюркоязычных народов Сибири предполагал, что детей-сирот у них практически не было. Так, с досоветского периода отмечается широкое бытование традиции усыновлений, другими словами, – рационального «перераспределения» детей между многодетными и бездетными родственными семьями. Приемные дети почитались, их любили, ничем не отличали от родных. Отношение к усыновленным становилось даже лучше, когда в этой семье начинали рождаться родные дети. Бездетность в традиционном обществе коренных народов Сибири воспринималось как большое несчастье.

6. Негативные явления (алкоголизм, наркомания, токсикомания) внутри национальных обществ в современности приобретают массовый

характер. Распространенность данных отрицательных явлений в национальных регионах является фактором, в отношении которого должна осуществляться социально-правовая профилактика семейно-брачных конфликтов. Десоциализирующая семья – разновидность криминогенной семьи, в которой имеется эффект десоциализации.

Теоретическая значимость диссертации заключается в возможности применения результатов исследования при дальнейшей разработке аксиологических проблем семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири с позиций культурологических исследований. Полученные результаты диссертационного исследования могут быть использованы для разработки и чтения теоретических курсов лекций, в процессе дальнейших научных исследований различных аспектов традиционных культур и динамики семейно-брачных отношений, в том числе предотвращении конфликтных ситуаций и профилактики криминогенных семейных факторов.

Практическая значимость исследования определяется введением в научный оборот источников по заявленной теме. Это фонды Архива Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (г. Санкт-Петербург) – Ф. V, оп.1, № 526, Научного Архива ТИГПИ – Дд. 8, 1954, а также личного архива автора. Анализ указанных материалов позволил дать развернутую характеристику динамики традиционных ценностей, связанных с семейно-брачными отношениями коренных народов Южной Сибири, в указанный хронологический период. Также автором выявлен потенциал норм права на основе обычаев и традиций как источника для анализа особенностей родовых и семейных отношений. Данный аспект проблематики до настоящего времени относительно мало затрагивался исследователями коренных народов Южной Сибири.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации изложены в ряде публикаций, а также были представлены и обсуждались на Международных, Всероссийских и региональных конференциях: Международная научно-практическая

конференция «Этнокультурная деятельность в современных образовательных организациях и учреждениях культуры: опыт, проблемы, перспективы» (Москва, 2017); III Международный конгресс традиционной художественной культуры: проблемы фундаментальных исследований народного искусства (Ханты-Мансийск, 2017); Круглый стол «Историко-культурное наследие сибирских татар и коренных народов евразийского пространства: истоки и современность (Тобольск, 2017); Международная научно-практическая конференция «Этнокультурные центры: теория и практика взаимодействия и развития в современной поликультурной России» (Кемерово, 2016); Международная научно-практическая конференция «Традиционная культура и этнокультурное образование в современном мире» (Москва, 2016); VIII Международная конференция «Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов» (Горно-Алтайск, 2007).

Диссертация обсуждалась на кафедре культурологии Кемеровского государственного института культуры.

Объем и структура работы. Структура диссертационного исследования продиктована логикой исследования, подчинена целям и задачам работы и состоит из введения, двух глав, содержащих шесть параграфов, заключения, списка литературы и источников.

Глава I. Теоретические и исторические основы изучения семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири

1.1. Методологические подходы к исследованию семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири: социокультурный и ценностный аспект

Проблема данного исследования заключается в противоречии между патриархальной (традиционной) формой семейно-брачных отношений и современными тенденциями в ее функционировании в динамике культурной среды коренных народов Южной Сибири. Эта проблема многоаспектна. Для ее решения необходимо сформулировать ряд задач, выражающих содержание вышеприведенной проблемы. В качестве первой задачи ставится обоснование адекватности и эффективности ее методологического обеспечения с целью получения существенных конкретных результатов. Вторая задача – определить возможности использования социокультурного подхода для анализа процессов трансформации семьи семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири.

В контексте нашего исследования, наиболее значимым методологическим подходом является социокультурный, эффективность и адекватность которого в настоящее время признается современным научным сообществом. Исходя из принципов системного мышления, его основные характеристики определяются стремлением рассматривать социум в совокупности общественных и культурных оснований, являющихся результатом деятельности многих поколений. Впервые социокультурный подход был разработан и введен в научный оборот П. Сорокиным в 1937 г. В качестве исходного принципа динамики общества им была определена смена основополагающих принципов культуры в социуме: «Ибо самые важные и кардинальные изменения в обществе происходят тогда, когда оно переживает основательную и эпохальную революцию в человеческой культуре» [122]. На основе обобщения широкого круга фактических данных, ученый

иллюстрирует исключительный характер подобных эпохальных изменений. В целом, теоретически построения П. Сорокина основаны на тезисах о взаимозависимости индивидуума, социума и культуры как основополагающих принципах существования человечества. Также по мнению П. Сорокина, ценность служит основой и фундаментом всякой культуры.

Разрабатывая проблемы методологии социокультурного подхода Т. Парсонс представил три взаимообусловленных аспекта процесса взаимодействия культуры и общества. «Во-первых, культура передается, она составляет наследство или социальную традицию; во-вторых, это то, чему обучаются, культура не является проявлением генетической природы человека, в-третьих, она является общепринятой. Таким образом, она, с одной стороны, является продуктом, а с другой стороны, – детерминантом системы человеческого социального взаимодействия» [103].

На основе положений Т. Парсонса, дефиниция «ценность» рассматривается как средство для определения социальных связей, нормативный стандарт социального поведения личности, дифференции и интеграции социальных систем, поскольку любое сообщество предполагает существование неких разделяемых всеми общих моральных нравственных ценностей. «Ценности - это составные части социальной системы, общепринятые представления о желательном типе социальной системы» [103, с. 368].

Впервые определение понятию ценностей было дано Ф. Знанецким и У. Томасом в 1918 г., ставшим центральным для социальной психологии, которая была представлена как наука о проявлении культурных оснований в сознании человека. Согласно У. Томасу и Ф. Знанецкому, ценности можно понимать «как более или менее точные и формальные правила, с помощью которых группа старается удержать, регулировать, а также сделать более распространенными и частыми соответствующие типы действий своих членов» [162].

В этнологической науке одним из первых определение понятию ценностей, которое впоследствии перешло и в другие науки, дал К. Клакхон: «Ценности – это осознанное или неосознанное, характерное для индивида или для группы индивидов представление о желаемом, которое определяет выбор целей (индивидуальных или групповых) с учетом возможных средств и способов действия. Ценности представляют собой как бы точку пересечения между индивидуумом и обществом, а ценностный подход в целом направлен на изучение и объяснение межкультурных вариаций» [160].

Использование ценностного метода позволяет осмыслить сущность изучаемого явления, а также характер происходящих с ним изменений. На этой основе возможен анализ характера исторических и общественных процессов: 1) определение основных ценностей, находящихся в поле предметного анализа; 2) детальное изучение их структуры и классификация; 3) системный анализ данных, полученных в ходе эмпирического исследования; 4) определение содержания и социальной значимости ценностей; 5) анализ динамики (в том числе историко-культурологической) исследуемой системы ценностей; 6) рассмотрение механизмов ее взаимовлияния с различными сторонами жизни общества (политика, экономика, культура и др.) [159, р. 395; 49, с. 9; 56, с. 56.].

В общей системе ценностей значительную роль играют ценности семьи. Семейные ценности - это культивируемая в обществе совокупность представлений о семье, влияющая на выбор семейных целей, способов организации жизнедеятельности и взаимодействия. Они складываются из общечеловеческих ценностей, к которым относятся: жизнь, здоровье, мир, время, свобода, честь рода и личности, личное достоинство, истина, добро, красота, справедливость, благородство, милосердие и др. Указанные семейные ценности берут свое начало в традиционном обществе, в том числе и у коренных народов Южной Сибири. В своей основе они остаются неизменными на всем протяжении развития рассматриваемых этносов.

«Семья – группа живущих вместе близких родственников: муж, жена, родители, родители с детьми» [98]. «Семья» – «группа живущих вместе близких родственников» [35]. Под браком понимается «свободный, добровольный, равноправный союз мужчины и женщины, заключенный в государственном органе с целью образования семьи, с соблюдением установленных законом требований и порождающий между супругами взаимные личные неимущественные и имущественные права и обязанности. Родство – это кровная связь между людьми (родственниками). Различают родство по прямой линии (прадед, дед, отец, сын, внук и т.д.) и по боковой линии (родные и двоюродные братья и сестры, дядя и племянник и т.д.). Прямое родство может быть восходящим (от потомков к предкам) и нисходящим (от предков к потомкам)». [100, с. 69].

«Семья – это основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью» [82, с. 47].

«Брак – семейный союз мужчины и женщины, порождающий их права и обязанности по отношению друг к другу и к детям. В большинстве современных государств закон требует соответствующего оформления (регистрации) брака в специальных государственных органах; наряду с этим в некоторых государствах правовое значение придается также браку, заключенному по религиозным обрядам. В некоторых государствах (напр., во Франции) при оформлении брака нередко заключается брачный контракт. В Российской Федерации признается только брак, заключенный в государственных органах записи актов гражданского состояния (загсах). До 1944 к зарегистрированному приравнивался т. н. фактический (незарегистрированный) брак» [16, с. 68].

«Семейно-брачные отношения – это отношения, заключенные с соблюдением определенных правил, добровольного и равноправного союза мужчины и женщины, направленного на создание семьи и порождающего взаимные права и обязанности супругов» [100, с. 31].

В научной литературе семья рассматривается как объединение людей, основанное на браке или кровном родстве, связанных взаимной ответственностью и общностью быта. Термин «семья» раскрывается в различных аспектах: с позиции философии семья - это «основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью, отношения между мужем и женой, родителями и детьми. В социологии семья определяется как социальный институт, характеризующийся определенными социальными нормами, санкциями, образцами поведения, правами и обязанностями, регулируемыми отношениями между супругами, родителями и детьми. При этом под браком в социологии понимается социально подтвержденный и иногда юридически заверенный союз между мужчиной и женщиной, порождающий права и обязанности по отношению друг к другу и детям» [93, с. 430].

В юридическом аспекте понятие семьи можно определить, как «круг лиц, связанных правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления или иной формы принятия детей на воспитание и признанными способствовать укреплению и развитию семейных отношений на принципах морали» [137, с. 576].

В связи с тем, что в данном исследовании понятие «семья» является достаточно широким, к ее членам можно отнести (независимо от факта их совместного проживания):

- лица, состоящие или ранее состоявшие между собой в юридическом или фактическом браке, в состоянии родства независимо от его характера, степени и свойства;
- дети, как родившиеся в конкретной семье, так и усыновленные на условиях, установленных законодательством;
- иные лица, в силу комплекса причин, находящиеся в зависимости от других лиц, например, при отсутствии возможностей бытового самообслуживания, неспособности защитить свои права из-за

несовершеннолетия, преклонного возраста, инвалидности, болезни или по иным причинам.

Обобщая материалы различных исследований, необходимо отметить, что семья выступает как социальная система с определенной структурой разных типологических вариантов, с главными функциями производства человека, воспроизводства этносов в моно- и полиэтнических средах, экономической и экспрессивно-рекреационной функций. Исходя из этого, семья как социальная система, определяется межличностными отношениями, которые в большей или меньшей степени управляются как законами, так и традиционными нравственными нормами и ценностями.

Иными словами, подытоживая различные интерпретации социально-культурного феномена семьи следует подчеркнуть, что семья как основанная на браке или кровном родстве – это малая социальная группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью на основе нравственно-психологических отношений, репрезентирующих потребности в производстве детей и половые отношения [137, с. 602].

Приведенная интерпретация семьи и семейно-брачных отношений выражает как ее содержание (производство и воспитание детей, удовлетворение половых потребностей, культуру нравственно-психологических отношений), так и форму – свадебную и постсвадебную обрядность (поведение), социальные роли членов семьи и пр.

Обратим внимание на свадебную обрядность. «Свадебная обрядность - совокупность установленных обычаев действий, в которых воплощаются какие-нибудь религиозные представления или бытовые традиции, связанные с семейно-брачными отношениями» [92, с. 121]. Свадебная обрядность выступает в качестве внешней формы – первичной модели связующего звена между семьей, культурой и обществом. Применяя понятие семьи к традиционному обществу, можно выделить род как первичную форму трудовой и бытовой общности людей, культура которой являлась средством

адаптации к окружающей природной среде. Свадебная обрядность здесь выступает в качестве внешней формы модели семейно-брачных отношений.

Модель семьи основывается на содержании семейно-брачных отношений, включающих социокультурный и физиологический аспекты. Так, к социокультурным характеристикам относятся общность быта, взаимная моральная ответственность, взаимопомощь и др. К физиологическим относятся различия полов и потребность в продолжении человеческого рода. Таким образом, в совокупности данные аспекты составляют и реализуют ценности социокультурной формы семьи. Содержание семейно-брачных отношений выступает функциональным ядром по отношению к традиционной обрядности, которая, в свою очередь, является их внешней формой.

В этнической истории народов, относящихся к тюркской языковой группе (алтайской семьи) исследователями отмечается ряд основополагающих факторов. Это, в частности, этнокультурное взаимодействие тюрко-монгольских и индоевропейских этнических групп, интенсивные миграционные процессы на территории Евразии, образование кочевых этнополитических объединений [3, с. 12]. Таким образом, этническая культура коренных народов Южной Сибири формировалась на основе традиций народов Северной Евразии, различных по своему происхождению. Сюда относятся кочевое и полукочевое хозяйство, фиксируемый археологически погребальный обряд, украшения и военное снаряжение, пища, социальная организация, фольклор [57, с. 5].

Коренные народы Южной Сибири – народы, которые обитали на своих землях до прихода туда переселенцев из других мест. Традиционная семейная община включала в себя несколько близкородственных поколений по мужской линии. Они вели свое происхождение от единого первопредка, обладая неделимым имуществом внутри общины. В дальнейшем, данная форма родственных отношений трансформируется в большую семью, где отец обладал неограниченной властью.

Обратимся к свадебной обрядности как внешней форме становления семьи у коренных народов Южной Сибири, изменение которой является индикатором содержания семьи. Свадебная обрядность коренных народов Сибири оказалась весьма живучей и сохранила много элементов, раскрывающих традиционное мировоззрение, характер семейно-брачных и родовых связей в прошлом.

Изучение этнодифференцирующих особенностей традиционных культур коренных народов Сибири выявляет в этнических процессах общее и особенное исторического развития, явления интеграции и сегрегации этнокультурных традиций, тенденции эволюционных изменений традиционных культур коренных этносов. Синхронный и диахронный анализ структуры свадебного ритуала дает ценный и разносторонний исторический материал, поскольку ритуальный комплекс свадьбы сформирован особенностями социальной организации данного общества, историческими формами семьи и других первичных общностей родственников по крови и брачному союзу.

В названных источниках зафиксирована структура свадебной обрядности, особенности семейно-брачных отношений XIX – первой четверти XX в. Сравнение материала по различным коренным этносам позволяет выявить ранние элементы обряда и объяснить их значение. Однако, этих исследований пока явно недостаточно.

Огромна заслуга как исследователя природы и населения Центральной Азии Григория Николаевича Потанина (1835–1920). Будучи настоящим гуманистом, Григорий Николаевич относился с большой любовью ко всем народам и с интересом изучал их быт, обычаи, верования, сказания; необычайно трудолюбивый и скромный, он вместе со своей женой Александрой Викторовной, неизменной его спутницей и помощницей в путешествиях, собрал огромный материал. Достаточно отметить, что для составления списка растений и животных западной Монголии он использовал 33 языка и наречия народов, обитавших в Монголии и Сибири.

Г. Н. Потанин начал экспедиционную деятельность в Азии ранее Н. М. Пржевальского – в 1863 г. и закончил ее в 1899 г., совершив за это время восемь путешествий. В его отчетах имеются сведения о племенах тюркских (алтайцах, тувинцах, казахах, тангутах, дунганах, бурятах и др.).

Новизна этнографических сведений, собранных Потаниным во Внутренней Азии (в частности, быта, поверий, народного эпоса монгольской и тюркской языковых групп, проживающих в пределах России), определяют и важное значение его экспедиций для изучения социокультурных аспектов семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири [150]. Например, относительно свадебных обрядов он пишет следующее: «Свадебный обряд у телеутов (в Кузнецком и Бийском округах) сопровождается пением свадебных песен, “той сарын”; поют их сваты и сваты; девицы не поют. В числе обрядов, совершаемых во время свадьбы, одни состоят в том, что, когда невесту и жениха вводят в юрту к родителям последнего, между огнем и порогом протягивают занавес, “кожого”; края занавески укреплены у березок, которые держат два человека. Молодые и весь сопровождающий их народ, переступив через порог, останавливаются за занавеской. Когда “алкышчи” (читающий благословение) кончит “алкыш” (благословение), молодые кланяются родителям жениха, не выходя из-за занавески. Все присутствующие делают тоже и кричат: “ада, ене баш баттым!” Затем занавес убирают. В огонь выливают целую чашку масла; пламя взлетает до дымового отверстия; опять все кричат: “баш баттым!” Есть еще обряд во время свадьбы: водят молодых вокруг пустого места по солнцу. На свадебном “тое” – свадьбе бывает игра: “аил бузар” – “ломать дом”; для этого разбирают у юрты двери; в образовавшееся отверстие въезжает быстро кто-нибудь из родных невесты и старается выскочить из аила наружу, пытаясь даже проломить стенку юрты в целом месте; находящиеся в юрте люди стараются обобрать всадника; рвут стремяна и даже отпускают совсем без седла. Отобранное поступает невесте и называется “счастье невесты”» [126, с. 134-135].

Научные интересы Г. Н. Потанина были связаны с этнографией автохтонного населения Центральной Азии. В ходе полевых исследований ученым осуществлялся сбор эмпирического материала, в частности образцов народного творчества, материальной культуры. Так, в поле зрения исследователя находились условия быта, характер нравов жителей Центральной Азии, буддийская религия, а также жизненный уклад посещаемых им народов. Во многом, успех полевых исследований Г. Н. Потанина определялся его стремлением к эмпатии, глубокому пониманию исследуемых обществ, их ценностей и отношения к ним, выразившихся в сакральной сфере (религиозных верованиях, обрядах и обычаях). Это способствовало установлению адекватного диалога с представителями коренного населения.

Ученый являлся почетным членом целого ряда научных сообществ России, в том числе и Русского Географического общества, присвоившему ему в 1886 г. Константиновскую медаль [97, с. 7-19].

Одним из известных и выдающихся исследователей традиционной культуры коренных народов Сибири был алтайский миссионер, протоиерей Василий Иванович Вербицкий (1827–1890). Он четверть века служил миссионером в Кузедеевском стане. В 1858 году отец Василий открыл в Кузедееве первую миссионерскую школу в Горной Шории. Через два года на самом живописном левом берегу р. Кондомы на средства миссии были построены здание школы для инородческих детей, дома священника и церковнослужителя.

Жизнь помощника начальника миссии Томской епархии протоиерея В. И. Вербицкого – это пример того, как много может сделать один человек для пользы как окружающих его людей, так и науки. Отец Василий был не только известным пастором и духовным наставником, выдающимся миссионером, хорошим учителем, но и талантливым журналистом, публицистом, исследователем в области этнографии, истории, языкознания, ботаники и пчеловодства. Но особенно значительный вклад он внес в

изучение материальной и духовной культуры коренных жителей Кузнецкой земли – шорцев и телеутов. Трудно переоценить его вклад в этнографию. Это, прежде всего работа «Алтайские инородцы», являющаяся сборником этнографических статей, раскрывающих разносторонний характер исследований протоиерея В. И. Вербицкого. Данная работа не потеряла своего научного значения до нашего времени, а в тот период она была единственной работой, в которой подробно и всесторонне освещался быт алтайцев, шорцев, телеутов и других народов Западной Сибири.

С честью выполняя свою миссионерскую деятельность, В. И. Вербицкий собрал значительные сведения по этнографии, традиционной культуре алтайцев, в частности изучил нравы, обычаи и обряды алтайцев. Согласно наблюдениям В. И. Вербицкого, семейно-брачные отношения южных алтайцев отличались самобытностью и особым колоритом. В частности, он отмечает своеобразный обряд сватовства, включавший в себя ритуал уважительного обращения к отцу невесты: «Я пришел, преклоняя колени пред порогом твоим; я пришел, кланяюсь вере твоей; я пришел и радуюсь твоему житью-бытью; я пришел головы просить! Пусть сватовство будет подобно щекам не разлучающимся; пусть будет, как железная кольчуга с воротником неразрывным, пусть будет родство между нами, подобно слоям бересты, пусть будет, как шелковый шов! Я пришел просить черен для ножа, у которого его нет. Назад тому девять колен война была; я пришел заключить мир; пришел, радуясь твоему житью-бытью, пришел, чтобы сватовство было между нами. Какой ответ дадите?» «Говоря таким образом, первый сват, не вставая с коленей, держит пред отцом трубку, набитую табаком, обратив ее к нему чубуком; другой сват в тоже время держит зажженную древесную губку, чтобы тотчас же зажечь, когда отец протянет к трубке руку, чтобы взять ее. Это – всеми принятый знак, что предложение непротивно и что сватовство непременно состоится. Иногда случается, что этот знак подают и не так скоро: отец ссылается на мать невесты или на необходимость посоветоваться с братьями. Когда все родные изъявляют согласие, тогда

приступают к условию о количестве калыма (плата за невесту деньгами и скотом)» [25, с. 82].

Далее начинается традиционный обряд сватовства, переезда невесты к жениху с благопожеланиями «Агыш – сёзь» поклонения солнцу, луне, огню и т.д. [24, с. 99]. Необходимо отметить тот факт, что в свадебных обрядах коренных народов Сибири есть общие черты, а также этнические различия бытового уклада народов, влияющие на многообразие особенностей свадебной обрядности. Следовательно, данную проблему необходимо рассматривать в рамках конкретного этноса с учетом сословной структуры, географических условий, а также условий конкретной исторической эпохи.

Катанов Николай Федорович (06 (18.05). 1862 – 10.03. 1922) – крупный российский языковед, первый хакасский ученый-тюрколог, выпускник Императорского Санкт-Петербургского университета, был командирован Императорским русским географическим обществом и Академией наук в Сибирь, Северную Монголию, Джунгарию и Китайский Туркестан для изучения быта и языков тюркских племен (1889–1893) [58].

В своем дневнике путешествий «Очерки урянхайской земли» (подготовка рукописи к печати, вступительное слово и комментарии доктора культурологии, профессора А. К. Кужугет) Н. Ф. Катанов по вопросу семейно-брачных отношений 27 июня 1889 г. писал: «При женитьбе никогда не крадут невест, как у минусинских татар. Предварительно сватают девицу жениховы отец и мать, привезя просо и мясо, материй и водку. Потом один день пьют водку все. На другой день возвращаются домой. Подношение подарков называется «тадазын» (современное: дадазын – белая полоска выделанной козлиной кожи, преподносимая в качестве подарка. Позже вместо дадазын стали повсеместно использовать кадак – подношение в виде ритуального шелкового шарфа, завозимого из Монголии и Китая) при первом посещении родителей невесты. Невесту увозят к себе, в дом жениха, через какое угодно время (месяц и даже год). По традиции, невесте закрывают шелком глаза и верхом на лошади, которую ее ведут под уздцы родственники

жениха, привозят к юрте жениха. Согласно традиционному ритуалу, отец невесты трижды обводит лошадь вокруг юрты, в то время как родственники с обеих сторон окропляют их водой из священных источников. Затем, приглашенные гости и родственники также должны трижды объехать юрту по движению солнца. Жених вместе с близкими родственниками по материнской линии должен ждать невесту в юрте. При входе невесты в юрту для новобрачных, ее встречают родители жениха, которым она обязана поклониться в ноги [59, с. 144].

Ценный вклад в изучение традиционной культуры хакасов внесла Н. В. Тутаркова. В диссертационном исследовании «Положение хакасской женщины в традиционном и современном обществе: XIX–XXI вв.» Н. В. Тутаркова подчеркивает роль и значение сибирских экспедиций – Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, И. Г. Георги [152].

Ученые и авторы «губернской историографии» такие как И. П. Корнилов, Н. А. Костров, Г. И. Спасский, А. П. Степнов, в начале 19 века зафиксировали разные стороны жизни (быт, распределение по домашнему хозяйству между супругами, отношения внутри семьи, разные формы заключения брака и религиозные представления и др.) и культуру коренного населения. В их работах можно встретить очень ценные описания семейных отношений, которые содержат уникальный этнографический материал и рассматриваются учеными как источник.

Далее Н. В. Тутаркова подчеркивает, что описание быта хакасов XIX в. рассматривается в работах Н. С. Щукина, посвященных коренным народам, проживающим в Южной Сибири, в которых иллюстрируется численность данных народов. В частности, им подробно описан и проанализирован обычай «избегания»: «невестка не должна казаться свекру без покрывала или шапки, не ходить по той стороне юрты, где стоит кровать – вероятно для того, чтобы не подать мужу повода к ревности» [133].

С момента основания Русского географического общества (ИРГО) можно отсчитывать первый и серьезный этап этнографической науки,

который М. А. Кастрен после посещения Хакасии в 1845 – 1849 гг, назвал важным в изучении традиционных культур народов Сибири. Исследования ученого основывались на археологических, лингвистических и этнографических материалах. Имели огромную ценность в историческом плане, т.к. это касалось вопросов этногенеза древней истории народов Сибири [135, с. 7].

Алтайская исследовательница Н. О. Тадышева подчеркивает: «В традиционной свадебной обрядности тюрков Саяно-Алтая соблюдается экзогамный брак, то есть присутствуют ограничения к вступлению в брак по отцовской родовой принадлежности. Брак, экзогамия обладают сакральностью. В традиционном мировоззрении брак является обязательным, а безбрачие воспринимается как неполнота, неисчерпанность жизненного цикла. Про таких людей говорят куру (пустой). В брачном ритуале сильны представления о категории «свой–чужой» и о вере в негативное воздействие со стороны «чужого». В семейной обрядности проводятся последовательные церемонии, которые сопровождают переход будущих супругов из одного состояния в другое, из «чужого» мира – в «свой». Первоначально невеста «келин» предстает в качестве «чужой». Слово «келин» произошло от слова «кель – приходить», т.е. невеста – это «пришедшая». Ее «опасное» воздействие сильно по отношению к новым родственникам, и против нее принимаются меры магически религиозной защиты. В результате совершения обрядов происходят «отделение» ее от семьи родителей, от прежнего домашнего культа и постепенное включение в новую среду. Так, родители невесты на свадьбе не присутствуют и в течение года не имеют права навещать свою дочь. На этом промежуточном этапе совершаются обряды «отделения» от дома родителей и «включения» в семью мужа. Срок определяется периодом рождения ребенка, и невеста, став матерью, тем самым укрепляет свои новые родственные связи и присоединяется к семье мужа» [126, с. 133].

У всех коренных народов Южной Сибири в свадебной обрядности отмечается наличие обычая скрывать лицо невесты свадебной вуалью, платком или свадебным занавесом. Это связано со стремлением обезопасить как саму девушку, так и ее будущую семью до завершения свадебного ритуала по принятию ее в новом доме и семье. Так, например, у народов Алтая, невесту в дом жениха должны были привозить невестки – жене и племянники по женской линии, с целью защиты родичей жениха от «чужих». Здесь наблюдаются пережитки матриархата, согласно которому браки заключались по линии матери. Хотя в научной среде также бытует мнение что указанный обычай является пережитком от формы группового брака или обычая левирата [126, с. 133].

Это отражено и в обычаях хакасов. До обряда перехода невесты в положение замужней женщины с ней могли контактировать только жены братьев – абызыннар. В связи с этим на свадьбах супруга старшего брата брала на себя право прикрывать лицо будущей жены тканью (сукно или платок) [18, с. 87].

По мнению Н. О. Тадышевой, особое сакральное значение в свадебной обрядности придавалось чаше с молоком, которое рассматривалось в качестве оберега. Так, у алтайцев, впервые прибыв в аил жениха, будущая свекровь угощала невесту молоком, таким образом, признавая ее членом своего рода. Согласно тувинскому ритуалу, невеста, впервые войдя в юрту жениха, обязана была также испить молока, поскольку это подразумевало ее символическое очищение и стирало межродовую грань между молодыми [124, С. 134].

В советское время заметный вклад в изучение традиционной культуры (и в частности – семейно-брачных отношений) внес Л. П. Потапов.

«Прежде чем перейти к изложению материала и характеристике свадебного цикла, хотелось бы предпослать небольшое введение, – пишет Л. П. Потапов, – относящееся к семейно-брачным отношениям тувинцев. Необходимо несколько слов сказать о типе семьи. Семья была моногамной,

хотя отдельные тувинцы имели по несколько жен (в основном богачи). Н. Ф. Катанов, интересовавшийся этим вопросом, пишет, что по три жены одновременно имели редкие тувинцы. Хотя он отмечает, что будто бы по две жены сразу берут и бедные, и богатые. Каждая жена богача жила в отдельной юрте, которую она сама привозила к мужу на свадьбу. В сохранившихся преданиях, можно обнаружить существование в прошлом и левирата, то есть выдачи замуж вдовы за младшего брата покойного [107, с. 228-230].

Описание свадебного обряда как внешней первичной формы семейно-брачных отношений в становлении семьи различными авторами позволяет выделить важные его составляющие:

- а) сакральный компонент.
- в) преемственность поколений;
- г) природопользование;
- д) нормативный компонент, фиксирующий определенные культурно-исторические установления;
- е) в них фиксируется музыкальный компонент свадебного ритуала; игровой компонент;

Указанные компоненты свадебного обряда знаменуют не только внешнюю форму становления семьи и семейно-брачных отношений, но и те социальные роли, которые исполняли молодожены. Иными словами, позволяют при анализе внешней формы феномена становления семьи зафиксировать его определенное внутреннее содержание.

Таким образом, демонстрируемые «культурно проигрываемые» установления – нормы и ценности в процессе свадебного обряда свидетельствуют об устойчивости и преемственности семейных ценностей у коренных народов Южной Сибири. Уже первое обращение к внешней форме семьи и семейно-брачных отношений свидетельствует о взаимозависимости индивида, социума и культуры у тюркоязычных народов Южной Сибири, что требует применение социокультурного подхода. Ценности, описанные в свадебном обряде, утверждая ценности семьи и семейно-брачных отношений

у тюркоязычных народов, формируют сакральное, но в то же время практическое отношение к воспроизводству поколений, к сложившейся социальной структуре, к материальному богатству. Они служат условием сохранения культуры и социальной структуры.

1.2. Традиционно-патриархальные основы семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири в период конца XIX – начала XX века

Основными задачами параграфа являются:

- определение форм брака и семьи у коренных народов Сибири;
- эксплицирование этноконфессиональных факторов свадебного комплекса коренных народов Южной Сибири.

Важной специфической особенностью семейно-брачных отношений являлось то, что, семья группировалась по двум основным признакам – кровного родства или брачных уз. «Отношения внутри семьи, в пределах имеющейся автономии регулировались нормами обычного права» [78, с. 60]. Семейно-брачные отношения, в отличие от прочих общественных институтов, становились чуть ли не единственной формой развития личности (народное воспитание, обучение, отдых, игры и развлечения раскрывали богатство духовного мира, лучшие нравственные качества – все это совершалось в семье). В этих условиях ориентация личности на ценность семьи определялась обычаями и правилами, устойчивостью семейного уклада, всем течением жизни, причем ценность семьи, благополучие семейного коллектива обуславливали и индивидуальное благополучие. Семьи были многодетными, «детей много бывает, но лишних бог никому не посылает» – гласит тувинская пословица. «Увеличение численности семьи определяло ее благосостояние и могущество с точки зрения интересов семейного производства. Установки личности на многодетность в этих условиях укреплялись также благодаря авторитарной семейной структуре и обусловленности социального положения личности в общине родительским статусом. Основной заповедью нравственного воспитания было внушение детям почтительного повиновения старшим» [4, с. 74-75].

В хакасской семье женщина занимала подчиненное положение. Даже в обращении со старшими братьями мужа она имела ряд ограничений. Она должна была избегать встреч с отцом (хасты) мужа и его старшими братьями

(хастылары) и относиться к ним с особым уважением. Ей запрещалось называть их по именам. От нее требовалась абсолютная верность мужу. На нее возлагались вся домашняя работа и воспитание детей. Однако в пределах своей семьи она себя всегда чувствовала самостоятельной хозяйкой. Семья имела индивидуальное хозяйство. Только кое-где, в частности у бельтиров и качинцев, встречалась отдельная большая семья, семейная община. В такой семье отец и женатые сыновья вели общее хозяйство (пашня и скот). Жили они в отдельных домах, но питались вместе. Пищу для всех готовили женщины по очереди. Всеми доходами и расходами распоряжался отец, а после его смерти – старший сын. Такая патриархальная семья держалась на авторитете старшего в семье. Поэтому нередко возникал конфликт, если молодая семья стремилась иметь свое хозяйство. Уже в начале XX в. большие семьи часто распадались. Очень немногие такие семьи удержались вплоть до коллективизации сельского хозяйства.

Другим пережитком патриархальных отношений у хакасов было существование левирата (вдова выходит замуж за младшего брата умершего мужа) и сорората (муж женится на младшей сестре умершей жены). Эти обычаи объяснялись экономическими соображениями в условиях сохранения архаичных пережитков. Как результат тесного общения хакасов с русскими появились межнациональные родственные связи. Хакасско-русские семейно-брачные связи вели к изменениям семейных обрядов и обычаев в домашнем быту [57, с. 385-388].

«В хакасских семейно-брачных отношениях семья была моногамной. Невесту брали из другого рода. Внутривидовой брак запрещался. Но брак между детьми родного брата и сестры, а также родных сестер допускался. Их дети, несмотря на близость родственных связей, считались принадлежавшими к разным родам. Выбирала невесту и выступала инициатором женитьбы сторона жениха. Судьба молодых решалась их родителями. Брак заключался путем сватовства и похищения. Похищение совершалось по предварительному согласию невесты, но иногда и без него.

Существовали калым и приданое, левират и сорорат. Система родственных связей была классификационной» [4, с.76].

Рассмотрим некоторые особенности семейно-брачных отношений тувинцев. Семья была моногамной, хотя отдельные тувинцы имели по нескольку жен (в основном богачи). Н. Ф. Катанов, интересовавшийся этим вопросом, пишет, что по три жены одновременно имели редкие тувинцы [59, с. 448]. Возможно, что многоженство среди богачей было распространено довольно широко. Каждая из жен богача жила в отдельной юрте, которую она сама привозила к мужу на свадьбу.

Следует обратить внимание и на существование в прошлом экзогамии (у тувинцев-тоджинцев она сохранилась почти до середины XX столетия). «Нельзя было жениться мужчинам внутри своего рода (кости) и не только рода, но и своего сумона. Здесь нужно заметить: либо в то время сумон совпадал с родом, что весьма сомнительно, все сумоны у тувинцев были в родовом отношении смешаны, либо сумон и род уже отождествляли» [43, с. 58]. По данным информантов, запрет браков внутри родовых групп признавался только в пределах первых трех поколений. Если же родство было более далеким, чем в трех поколениях, то оно уже не являлось препятствием для брака.

Допускался и кузенный брак между детьми родных сестер, но не между детьми родных братьев, что также вполне понятно, если иметь в виду, что род (сеок) у тувинцев был основан на счете родства по отцу. Разрешался и брак двух родных братьев на девушках, приходящихся друг другу родными сестрами [13, с. 447].

В литературе о тувинцах имеется сообщение как бы о предпочтительных браках. В одной из полевых записей Ф. Я. Кона «За пятьдесят лет, кн. 3, стр.422», в которой он отмечает, что тоджинцы берут жен у сальджаков (вероятно это род – салчаков) и платят калым оленями, а сальджаки берут у тоджинцев и калым платят лошадьми. К сожалению, конкретного материала по этому межплеменному обмену девушками

обнаружить не удалось, есть только мнения стариков-тувинцев, касающиеся этого факта. Они объясняют эти браки как обмен женщинами между хошунами, т.е. между жителями смежных по территории проживания двух разных административных единиц, вызванный экономическими интересами населения различного хозяйственного профиля. Оленеводы-тоджинцы, обитающие ближе к горной лесостепной зоне, нуждались в лошадях как в средстве транспорта, в то время как представители Салчакского хошууна, проживающие в восточной Туве, ценили оленя также как средство транспорта, ибо в ряде районов расселения жителей Салчакского хошууна олень был весьма необходим в охотничьем промысле [108, с. 149].

Подобные представления бытовали у многих коренных народов Сибири, например, у алтайцев, хакасов [109].

«В традиционной системе ценностей коренных народов Сибири дети считаются главным богатством, – отмечает К. М. Герасимова. Отсутствие детей в семье воспринималось как огромное несчастье. Для предотвращения бездетности с просьбой чадородия посещали священные места, особенно с целебными источниками. С этой же целью совершали различные обряды религиозного характера, в частности обряд моления духу домашнего очага. Желание иметь детей, сознание необходимости продолжения рода, «чтобы всегда горел огонь очага», породило обычай усыновления детей. Усыновляли обычно детей своих родственников в младенческом возрасте. Причем родители отдавали своего ребенка на воспитание без колебаний и сомнений, так как чувство единой большой семьи было развито чрезвычайно сильно. Если семья, имеющая достаточно детей, отказалась бы отдать одного из них своим родственникам, их поступок оценили бы как безнравственный» [31, с.64].

Во время полевых экспедиций в Республику Хакасия, в Алтайский район, с. Аршаново, диссертант записала историю усыновления: «Сергея передали из родной семьи, где было восемь детей в возрасте 3-х лет в другую семью, где не было детей. Приемная семья и родная семья были

родственниками. Приемная семья была уважаемая, зажиточная, но детей не было. Через два года у него появилась сестренка, тоже удочеренная. «Жили мы хорошо. Отец зарабатывал хорошо, был шофером (по тем временам это была редкая специальность), его уважали все односельчане. Но мама наша частенько бывала «навеселе». У нее было много родственников: то свадьба, похороны, поминки, дни рождения и т.д. И видимо, где-то меня недоглядела. За мной погнался бык, «на рога» приподнял. В результате больница, травма глаза, ноги. Вскоре умер отец. Мать вообще запыла с горя. Я был в ответе за свою сестренку. При встрече с «биологическими» родителями всегда испытывал чувство обиды, досады, вплоть до ненависти. На все слезы матери («прости, сынок») отвечал: «Что поделаешь, ненужным я оказался тебе. Почему ты именно меня отдала? Лишний был вам? Братья и сестры тоже испытывали при встрече со мной чувство неловкости, попеременно с чувством особой любви, жалости, ласки, особенно сестры. Я понимал, что их вины здесь нет. Но эти обычаи мне очень не нравятся» [1].

«Одним из кардинальных моментов в системе нравственного воспитания коренных народов Сибири считалось внушение детям почтительного отношения к старшим. 2-3хлетнего малыша приучали здороваться и вставать, когда в дом входили старики. Детей постарше учили подносить гостям чай, подавать людям что-либо или принимать от них следовало только правой рукой, при необходимости ни в коем случае нельзя было проходить перед сидящим, только позади него. При входе в юрту следовало сначала пропустить старших. Гостей встречали у коновязи, принимали и привязывали лошадь. Если гости ночевали, расседывали коней, поили, кормили, а утром снова седлали. Детей учили, что от приема гостей, от помощи другим людям никогда не обеднеют. Отдавая другим – становишься богаче сам, уважишь другого – уважишь себя. Человек, не помогающий другим, не имеет друзей, а без друзей – не имеет силы. С малых лет детей приучали знать своих предков, своих родственников по материнской и отцовской линии. Знание своих предков до 7-го колена по

мужской линии считалось обязательным и жизненно необходимым для подрастающего поколения, поэтому у коренных народов Сибири (алтайцев, бурят, хакасов, тувинцев и др.) было в традиции заучивание наизусть генеалогических таблиц своего рода» [31, с. 8].

Правила поведения, соблюдавшиеся изо дня в день, превращались в норму, стереотип поведения людей, который передавался из поколения в поколение. Ребенок приобщался к нормам традиционной жизни, постигал существующую культуру поведения, общения, следуя примеру взрослых. Взрослые наставляли детей не только словами, но прежде всего личным примером, поведением утверждали на деле свои поучения.

«С малых лет детям внушалось, что они обязаны отплатить родителям долг за то, что они их вырастили, воспитали, сделали людьми. Оставить родителей в старости без внимания считалось величайшим грехом. Благодаря традиционному воспитанию, среди коренных народов Сибири не было случаев, чтобы родители были оставлены детьми. Как правило, лучшая еда, лучшая постель предоставлялась родителям. С малых лет на примере родителей учились гостеприимству. Каждый человек, независимо от религиозной и национальной принадлежности, находил приют и покой в семье коренных народов. Дом, который был посещаем, считался хорошим, поэтому на свадьбе молодоженам высказывали пожелания, чтобы у них всегда в доме были гости» [4, с.76]. «Яхші айльчи кельгендэ, ээзі тойор – При хорошем госте и хозяин сыт будет» [31, с. 7-8].

Как подчеркивает Г. Н. Курбатский, «...Гостеприимство отнюдь не добродетель, а непреложное бытовое установление. Гостю, тем более дальнему, отдавали должное как члену своего рода, его одаривали, согревали теплом очага и пищи: в дальней дороге без еды не останешься. Если приезжий (пришедший) останавливался на ночлег, считали, что у него нет дурных намерений, злоумышленник в юрте не ночует. Гость должен был помнить оказанное ему гостеприимство» («не забывай человека, что тебя

угощал, и отвечать на него взаимностью: «кара аяк харыылыг» – каждой чашке соответствует чашка, букв.: «черная пиала ответа требует» [74, с. 280].

В прежние времена у коренных народов Сибири существовал обычай: как только родились дети, их родители нередко заключали между собой договор о том, через 12-15 лет их дети должны пожениться. После этого в религиозные праздники, в день рождения девочки родители жениха ежегодно приносили подарки. Когда она была маленькой, дарили ей платки, серьги, кольца, материал на платье и т.п. Позже, когда девочка подрастала, стали дарить баранов и другой скот. Чем богаче был жених, тем дороже делались подарки. При этом учитывалось не только богатство семей, но и их родословная, наличие в родне больных, людей с дурными наклонностями, привычками. Из таких семей женихов и невест остерегались брать. Ценились девушки и юноши из здоровых семей в физическом и нравственном, духовном отношении. Мать жениха (свекровь) ни в коем случае не принимала в дом невесту без эмегендер (кукол). Последних было 12, они передавались из поколения в поколение и являлись хранителями семейного очага, его благополучия и достатка.

Вызывает интерес история возникновения кукол «эмегендер». Известный алтайский ученый С. С. Каташ по этому поводу пишет: «История возникновения кукол эмегендер весьма примечательна. Из народных преданий и легенд мы узнаем, как и для чего они появлялись, с какой целью они изготовлялись. У телеутов куклы связываются с преданием об их легендарном Шуну-хане. Вот она в кратком изложении: «...Когда жене Кантайчи пришло время родить сына – будущего богатыря Шуну-хана, – она попросила прислать ей куклы, которыми играла в детстве. Присланные отцом куклы оказались живыми. Она развлекалась ими, и это облегчала ее природовые муки. В конце концов с помощью этих кукол она безболезненно произвела на свет сына – богатыря Шуну-хана ...Вот почему теперь все женщины, собираясь родить первенца, берут из родительского дома «эмегендер» в память оживших кукол матери Шуну-хана...» [63, с.66].

В русле исследуемой проблемы представляется необходимым подчеркнуть следующее. В семейно-брачных отношениях коренных народов Сибири возраст не имел особого значения. В XIX – начале XX века чаще невеста была старше жениха. Это объяснялось, прежде всего, экономической стороной: нужен был работник в хозяйстве. Д. В. Кацюба, исследователь духовной культуры телеутов, пишет так: «...Абушкиной Ульяне Алексеевне было 16 лет, а ее мужу, за которого выдали насильно, – 9 лет. Потом она выходила замуж второй раз. У Варвары Тыдыковой первый муж был моложе ее на 10 лет, а второй – Тыдыков Степан Алексеевич больше чем на 20 лет. Почему? А потому, что она была богатая, а Степан остался сиротой [65, с. 17].

«Период взросления, социализации детей и подростков, их участие в домашних делах, в производстве с ранних лет поощряли потребность в многодетности, поскольку польза от детей явно перекрывала семейные издержки. Основной социально-хозяйственной ячейкой общины коренных народов Сибири была большая патриархальная семья, представляющая единый хозяйственный и общественный коллектив. Несколько не разделившихся братьев со своими женатыми сыновьями и их потомством составляли большую семью трех поколений женатых мужчин. Часто в большую семью входили три поколения: отец с матерью, женатые сыновья и их дети. Со временем из большой неразделенной семьи при женитьбе внуков стали выделяться новые семьи, им было свойственно общее ведение хозяйства, нераздельное владение землей, скотом и орудиями труда» [4, с. 76].

В данном параграфе рассматривается система самобытных особенностей традиционно-патриархальных основ семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири (хакасов, алтайцев, шорцев, телеутов, тувинцев).

Досвадебные обряды. Чарас – Мирение (Мировая). Акт примирения происходил в доме жениха или в доме невесты или даже в нейтральном доме.

От невесты обычно приходил отец с родственниками. Собравшиеся договаривались о калыме. Торговля была яростная, размер калыма вычислялся очень подробно. Нередко доходило до драки, а калым принимал символический характер. Так, кроме скота, от нескольких штук до нескольких десятков голов, назначенного отцом невесты, жених должен был дать выкуп ее матери за то, что она вскормила ее своим молоком. Обычно за это полагалась дойная корова. За кости и тело невесты – ружье, за саму невесту в одежде и убранстве – оседланного коня и др. Деньгами платили от 30 до 150 рублей [123, с. 225-226]. Примирение отца невесты и родственников с женихом, а теперь уже с зятем происходило после похищения через несколько месяцев, а у шорцев даже через несколько лет. Это зависело от возможности у жениха выплатить калым. Последний, возник ранее приданого. В доме жениха приданое передается после получения калыма [65, с. 25-26]

Известный этнограф профессор В. Я. Бутанаев описывает наиболее распространенные и интересные свадебные обряды хакасов. «Заключение брака в хакасском языке выражается понятием «хыс алысханы» (букв, «обмен девушкой»). Бытующее название подчеркивает первостепенное значение мужчины и его рода при определении брака с женской стороной. Смысл жизни определялся в вечном человеческом бытии на Земле, чтобы не прервался род людской. Обычное право запрещало двум братьям проводить свадьбу в один год. В случае нарушения этих жизненных принципов хакасы верили, что один из них долго не проживет. Исключение делалось для братьев-близнецов, которым свадьбу делали в один день. Души близнецов, согласно религиозным верованиям, представляют единую субстанцию и имеют магическую связь между собой. Перекрестные браки - двух родных братьев на двух родных сестрах и обмен невестами запрещались. Согласно поверьям, если один из них будет жить хорошо, то другой непременно станет несчастным. До тех пор, пока старший брат не женится, младшему не разрешалось обзаводиться семьей. В один год устраивать свадьбы дочери и

сыну не разрешалось (только через год). Если сначала женится сын, то в этот год дочери выходить замуж нельзя. Если она все же выйдет, то считали, что супружеская жизнь будет несчастная. Однако если дочь выйдет замуж раньше, то сыну тогда можно жениться в этот год» [18].

До настоящего времени сохраняются основные элементы свадебного комплекса (праздник волос – «сас тойы», поклонение невесты луне и солнцу, ритуальная пища «поча потхы», бросание голени «чода», суд над женихом и т.д.). Издревле, молодым на свадьбу шили национальные костюмы из одной материи. Это было связано с мировоззрением этноса, где человек и окружающий мир рассматриваются как единое целое, сохраняющее единство и гармонию этнокультурного мира, обеспечивающий гуманные и нравственные ценности.

Свадебный наряд свахи до настоящего времени сохраняет нарядные элементы национального декора. Современные девушки не носят свадебный головной убор «сахпа», косичек – сурмес. В свадебном обряде «сас тойи» производится только имитация заплетания волос в две косы, а также, ушли в прошлое погоня - «сургун», уплата калыма и «башата», дарение «парги», полностью исчез обычай сватовства малолетних. Но остался до настоящего времени обычай «торг!н» - поездка к родителям невесты сразу же после большой свадьбы - тоя. В целом свадебные обряды значительно упростились, оставаясь смысловые элементы. Обряд «хат хосханы» (букв. «отвержение женщины») означает развод. Инициатива развода всегда принадлежала мужчине, иных способов развода у хакасов не практиковалось. Однако, жена после развода, имела право вторично начать брачные отношения. Также необходимо учесть, что при отчуждении женщины, учитывалась и виновность стороны. Так, при расторжении брака из-за жены, ей возвращалось ее приданное, включая скот, за исключением приплода, полную стоимость калыма и затрат на свадьбу. При этом, согласно обычаю, дети оставались с отцом. В противоположном случае, жене полагалось получение, помимо скота и имущества, своеобразного подарка в качестве

акта извинения, шубы, около десяти овчин и одной лошади в полной амуниции. В таком случае калым не возвращался, но дети также оставались в семье отца.

Хакасская семья являлась самостоятельной хозяйственной ячейкой, общего названия для нее не существовало ни по кровным, ни экономическим, ни иным признакам и связям. Женатому сыну и невестке ставилась отдельная юрта, в пределах отцовского домовладения, поскольку совместное проживание с родителями категорически воспрещалось согласно обычаям. Этого обычая придерживались независимо от количества сыновей. Из данного обычая следуют и понятия: «ибленерге» (букв. «обзаводиться домом») – жениться; жилище отца «улуг иб» – «большой дом»; сыновей – «кічіг иб» – малый дом, это выражалось и в обычае разведения домашнего очага в малых юртах углями из большого дома [142, с. 45]. При этом, крупнорогатый скот не был разделен внутри семьи, соответственно питание было общим, хозяйственные занятия осуществлялись совместно.

Приоритетным назначением семьи было появление потомства и его социализация. Рождение детей называется «пала табарга» (букв. «найти ребенка»), а воспитание – «Кізі идерге» (букв. «сделать человека»). То есть, исходя из традиционного мировоззрения хакасов, новорожденный не является полноценным человеком, таким он становится путем воспитания в семье. Дети экономически зависели от родителей.

У сагайцев и кызыльцев на следующий день после привоза невесты проводили праздник «Сас той» (кічіг той). Обрядовая часть заключалась в переплетении девичьих косичек в две косы – прическу замужней женщины. Во время праздника «сас той» отмечается интересный обычай – посаженная мать проводила по новой прическе невесты правую переднюю голень забитого скота и бросала в сторону собравшихся молодых парней. Начиналась борьба за овладение этим предметом. Считалось, что победитель, овладевший трофеем, удачно женится.

Следующим этапом свадьбы была мировая, на которой новосостоявшиеся родственники проводили трапезу и обсуждали предстоящую свадьбу, которая праздновалась в юрте жениха. В качестве обязательного обряда здесь отмечается поклонение Солнцу, Луне и огню.

Празднования продолжались в течение нескольких дней, после чего следовало испытание жениха в доме родителей невесты, что подразумевало завершающий этап свадьбы, оканчивающийся одариванием родителей невесты [19]. Одним из ярких зрелищных моментов на свадьбе была игра на национальных музыкальных инструментах, традиционные танцы, соревнования в силе и ловкости.

Автором данного исследования была записана свадебная обрядность хакасов – качинцев, проживающих в Алтайском районе сс. Аршаново, Сартыково Республики Хакасия в естественных условиях, на самой свадьбе.

До настоящего времени у северных хакасов, в частности у качинцев, сохранились элементы древней традиционной обрядности: на начальной стадии свадебный обряд проводился в доме новобрачного, силами его родичей как по женской, так и мужской линиям. Следующий этап проходил у родителей невесты, также при непосредственном участии всех ее родственников. В день начала свадьбы невеста находилась в доме посаженных отца и матери (где женщины облачались в праздничную одежду и традиционные украшения). Как правило, это были близкие родственники жениха по материнской линии. Подготавливаясь к свадьбе, украшали также конский убор и лошадей. Посаженная мать традиционно сопровождала новобрачную.

Весь комплекс хакасских свадебных обрядов мог быть проведен при условии выполнения обещаний по уплате калыма в полном объеме, а также внесении выкупа. В частности, у качинцев, свадьба, проведенная в доме жениха, рассматривалась как главная, тем не менее, празднество продолжалось и у родителей невесты [4, с.77].

«Со стороны жениха гости ехали за невестой с главной свахой – Пас Худа, которая несла ответственность за соблюдение этикета и обрядов свадебной церемонии» [4, с. 77]. Данный обряд был записан автором в естественных условиях, на свадьбе в с. Аршаново Алтайского района Республики Хакасия. Ехали за невестой на шести машинах, обратно возвращались уже на девяти машинах. Ехали за невестой к дяде жениха по материнской линии. От мастерства слова главной свахи – Пас Худа зависело очень многое, так как невесту выкупали. В составе данной «делегации» должны были быть также мастера слова, исполнители тахпахов – песенного жанра хакасов, причем экспромтом, отвечая на экспромт: тахпах-вопрос – тахпах ответ. Представители жениха с достоинством выполнили «задание». Приводим традиционное заключительное благопожелание хакасов:

Свадебный алгыс молодым. Свадебные благопожелания молодым:

«Койген одын ізіг ползын,
Аххан сун табырах ползын!
Пазырчам сага, Кун, Ай!
Чииттернін чуртазы
Часкалыг паза чахсы ползын!
Чуртаста оларга
хачан-даа ой ползын!» [1]

«От пазында пубай ползын,
От соонда тоге ползын,
Идеенер илбек ползын,
Хойнынар халбах ползын!» [1]

«Ах тізінер саргалганча чорінер
Хара пазынар хазарганча чорінер!» [1]

«Пала-пархаа пай полынар,
Хойга-малга илбек полынар,
Айна кірбес арыг чир ползын,

Чил кірбес ызых чир ползын!» [1]

«Улуг ырыстыг полынар,
Улуг хоныхтыг полынар,
Хадарган малнын ээзі полынар,
Хырых тубен чоннын пазы полынар!» [1]

Здесь исследователями усматриваются отголоски существовавшего ранее обычая похищения невесты и получения за нее выкупа. В доме родителей девушки проводили хыс тойы – небольшой праздничный пир, угощение, по окончании которого все участники свадебного торжества, во главе с посаженными родителями, направлялись в дом жениха, на главную свадьбу. Посажеными родителями могли быть родственники со стороны жениха, к которым предъявлялись довольно серьезные требования: уважаемые, достопочтенные, состоятельные родственники со стороны отца жениха [4, с. 77].

Исследователь И. П. Чебодаев в своей работе «Традиционная семейная обрядность хакасов» приводит обряд, практически забытый под названием «Потхы». Автору данного исследования удалось зафиксировать данный обряд в естественных условиях свадьбы. В сс. Аршаново, Сартыково Алтайского района этот обряд называется «Поча потхызын сегіртєрі». Суть этого обряда: происходило ритуальное кормление невесты кашей «потхы», совершавшееся невдовой старушкой, к подолю которой был подвешен колокольчик. В нашем случае в роли старушки была родственница старшего поколения по имени Кыка-чачан (хакасское имя) (Анисья Тихоновна Райкова, урожденная Таштандинова, во втором браке жила с Котожековым Федором Гавриловичем – Опик-чисте (хакасское имя). Старушка с кашей обходила вокруг огня три раза по ходу солнца, подпрыгивая и совершая эротические телодвижения. Два старца произносили при этом ритуальную формулу. Обойдя вокруг очага и угостив всех желающих, старушка с ритуальной кашей подходила к невесте и угощала ее вместе с младшим

женихом (кічіг оол), предварительно положив на щепку и дав съесть собаке. Затем старушка намазывала семь щепок ритуальной пищей и, говоря: «Это детский кал», клала их на передний подол халата (платья) невесты. Следующие три щепки с кашей она клала на задний подол и говорила, что это навоз скота. Старики произносили благословление. Вот одно из них:

Переднюю полу твою пусть топчут дети,
Заднюю полу твою пусть топчет скот,
Ездить в гости пусть будут у вас быстроходные кони,
Дорожите дружбой, живите счастливо!

Молодую затем уводили за занес или в шалаш, где она проводила остаток этого дня свадьбы [135, с. 19-20].

В процессе обряда заплетания кос присутствовали игровые элементы, такие как манипуляции с костью голени барана, которую выбрасывали неженатым парням, которые боролись за нее. Отвоевавший кость считался следующим женихом. Так становилось известно, у кого должна была состояться следующая свадьба. Этот обряд был посвящен демонстрации силы, ловкости, удали молодых людей – гостей, приглашенных на свадьбу.

«Проходили разнообразные состязания острословов, певцов – тахпахчи. «Чувство любви» в тахпахе раскрыто с тонким психологизмом. Свадебные тахпахи отражают отдельные моменты этого народного обряда: сватовство, сговор, свадебный пир, угощение гостей, чувства жениха и невесты» [135, с. 83]. В отличие от славянских свадебных песен, хакасские песни не включали мотивы горя, причитаний девушки. они были посвящены любви, верности, взаимопониманию [135, с. 84]. Это подтверждается записями многих известных ученых:

«Суга кірзен
Ізіг кунде чолеен полам;
Тага сыхсан
Таян турчан таян полам!

Коль в воду войдешь
Подпорой для тебя в жаркий день буду;

Коль на гору взойдешь,
Посохом для опоры тебе буду!» [60, с. 328]

«Второй день назывался «ахчалых той», - «денежная свадьба». Подарки молодым дарили только на второй день свадьбы. Застолье должно было быть еще богаче, чем накануне. Родители начинали дарить первыми, называя свои подарки. Это могло быть поголовье скота, дом (юрта) со всей внутренней обстановкой и хозяйственной утварью. В обстановке всеобщего веселья дарились подарки, загадывались загадки, например: «Муустіг мал сыйлапчам, ниме дыр ол?» – «Дарю рогатое животное, что за скотина?» Угадайте (ответы: корова, коза, пока угадают – под веселый смех, подсказка). Через некоторое время молодожены в сопровождении родителей жениха и близких родственников ехали в гости к родителям невесты» [135, с. 56-58].

Свадебная обрядность у южных хакасов отличалась своеобразием. Предварительная часть свадебной церемонии (сас той) – привод невесты и заплетание ее кос в прическу замужней женщины – сопровождалась небольшим угощением. Со стороны жениха к родителям невесты ездили, чтобы внести калым и договориться о сроке свадьбы. В день свадьбы первая церемония (оол тойы) проводилась в доме жениха. Ставился временный алачых – конусообразная юрта, на месте которой позже строилась юрта молодых. В алачыхе расставлялись на общее обозрение предметы домашнего обихода, выделенные новобрачным родителями жениха. Кроме того, им выделялся скот, затем молодожены в сопровождении другой молодой пары обходили старших родственников новобрачного с угощением. В ответ они получали подарки, в том числе скот.

Вторая часть свадьбы (хыс тойы) проходила в доме родителей невесты. К ним ехали жених с невестой, близкие им родственники, а также почетные и уважаемые гости. Встреча сопровождалась специальными церемониями вплоть до испытания знаний, силы и ловкости жениха. Его заставляли колоть

дрова, причем обрубок бревна – чурку он должен был расколоть одним ударом, приглашали принять участие в борьбе.

В обстановке взаимного гостеприимства и веселья обычные разговоры сопровождались импровизированными песнями – тахпахами. Приданое давали через год-два. Оно состояло из предметов домашней утвари, одежды, постели, различного рода украшений и скота. В составлении списка приданого принимали участие ближайшие родственники невесты. Они тоже выделяли скот. По своему размеру калым и приданое были почти эквивалентными. В зажиточных семьях размер приданого нередко превосходил размер калыма. Доля жениха и приданое невесты составляли материальную основу самостоятельной жизни молодых супругов.

«Семейно-брачные отношения, в частности алтайская свадьба, также состоит из целого ряда сценических (драматизированных), игровых, поэтических, магических компонентов и проводится как бы по давно сложившемуся сценарию. В драматизированном действии свадебного обряда занято много участников, каждому из них отведена определенная роль, которую участник этого действия должен знать. Ведущими действующими лицами свадебного обряда являются, прежде всего, жених и невеста, затем сваты, дружки, родители брачующихся, исполнители благопожеланий (алгышчи), исполнители песен (кожончи), исполнители сказаний (кайчи). К ним относятся также главный распорядитель свадебного тоя, его помощники, снохи жениха и невесты, друзья и подружки, участники обряда одевания невесты и заплетания кос» [4, с. 77].

По данным В. П. Дьяконовой, у алтайцев Кош-Агачского и Улаганского районов девушке, если ее хотели похитить, тайно от ее родителей подносили серебряный перстень. Принятие девушкой перстня означало согласие на брак, и тогда ей назначали день, когда за ней приедут. Подобные формы согласия на брак свидетельствуют о том, что предпочтительным браком являлся тот, что заключался путем экономической сделки, независимо от того, осуществлялся ли он через похищение или путем

сватовства. Все данные свидетельствуют о том, что именно экономическая форма брака господствовала у алтайцев еще в начале XX столетия [44, с. 224].

Важное место в семейно-брачной обрядности коренных народов Южной Сибири занимали устное народное творчество, соревнования в красноречии, заключающиеся в магических приемах благопожеланий (алт., шорс. – алкыш; тув. – алгыш; хак. – алгыс и т.д.).

В. И. Вербицкий, описавший свадебный обряд алтайцев прошлого века, приводит такие слова свата, обращенные к отцу невесты: «Я пришел, преклоняя колени перед порогом твоим; я пришел, кланяюсь вере твоей; я пришел и радуюсь твоему житью; я пришел головы просить! Пусть сватовство будет, подобно щекам, неразлучающимся; пусть будет, как железная кольчуга с воротником неразрывным, пусть будет родство между нами подобно слоям бересты, пусть будет, как шелковый шов! Я пришел просить черень для ножа, у которого его нет. Назад тому девять колен война была; я пришел заключить мир; пришел, радуясь житью-бытью, пришел, чтобы сватовство было между нами. Какой ответ дадите?»

Произнося эти слова, сват должен, не вставая с коленей, держать перед отцом невесты трубку, набитую табаком и обращенную чубуком к нему. Если отец невесты протянет руку, чтобы взять трубку, – это признак того, что сделка состоится. Когда все родные невесты после совещания между собой примут решение о выдачи невесты, начинается предметный разговор, т.е. об условиях свадьбы, количестве калыма и т.п.

Отец невесты, обращаясь к главному свату, говорит: «Глас мой глубок и живот мой широк!» После этого помощник свата подносит огонь для прикуривания трубки, и она идет по кругу. Спутники сватов, стоявшие доселе неподвижно, преподносят родне невесты ташауры с аракой и кумысом. По обычаю алтайцев, вино пьют из круговой чарки. Попировав, сваты возвращаются к жениху и сообщают ему, каков размер калыма. Лишь после этого в аиле жениха начинается подготовка к свадьбе – режут скот,

готовят яства, варят араку, сооружают жилище для новобрачных. Картина приготовления свадебных яств и вина отображена гиперболично во многих эпических сказаниях алтайского народа в качестве «общего места»:

Тайга кепту эт туурайт

Талай кепту аракы азат,

Горы мяса нарублено,
Море араки приготовлено.

Однако не всегда переговоры о помолвке заканчиваются взаимным согласием сторон. Бывает, что родители невесты отказывают, и тогда свадебный обряд принимает совершенно иной оборот. Вступает в силу обычай древности – умыкание невесты. У северных алтайцев, например, невесту «воруют» с ее согласия [49, с. 251]. Видимо, подобное умыкание связано с тем, что жених беден и не имеет возможности уплатить калым родителям невесты. По договоренности с невестой он приезжает за ней ночью в сопровождении своих друзей и увозит ее к себе. Затем с помощью товарищей же строит временное жилище – одах (оду) вблизи от родительского дома и устраивает в нем очаг. По истечении 5-10 дней молодожены в сопровождении родственников мужа с приготовленной для этой цели аракой едут мириться с родителями жены и договариваются с ними о калыме за похищенную дочь. Иногда исход примирения бывает выгодным для жениха. Родители невесты отказываются от калыма и сами наделяют дочь приданным.

В алтайской свадьбе, как правило, участвуют все жители села. Каждый житель считает себя причастным к этому событию и вносит свою посильную лепту в торжество. Обычно все готовят (варят) араку и пищу для общего свадебного пира.

Когда закончены свадебные приготовления, из друзей и родственников жениха снаряжается свита, которая должна доставить невесту в юрту жениха. Перед отъездом на новое место жительства невеста в своей юрте прощается с

соплеменниками, подругами, родным домом и с девичеством. Одной из существенных и даже кульминационных сцен всего свадебного обряда является церемония одевания невесте чегедека, расплетания девичьей косы и заплетания волос в две косы – тулун. Это признак замужества. В момент одевания чегедека и заплетания кос невеста как бы навсегда расстается со своей молодостью и девичеством.

После того как процедура одевания невесты и заплетания кос завершена, отец и мать напутствуют свою дочь алкышами (благопожеланиями) и благословляют ее на счастливую жизнь в замужестве. В своих алкышах они не ограничиваются одними пожеланиями, но и дают невесте советы, как жить в замужестве, среди родственников мужа:

«Аалды эдегин бала бассын!
Арт-кийниннен мал бассын!
Јаактуга айттырба!
Јарындуга бастырба!
Ичкен ажын аш болзун,
Ичкер-јиирин коп болзын,
Југурук атка мин,
Адын болзо терлебезин,
Колын, аркан оорыбазын
Колтыгын сыстабазын.

Пусть на передний подол
дети наступают,
Позади скот ходит!
Не давай себя оскорблять!
Не давай себя унижать!
Пицца твоя пусть будет сытной,
Еды твоей пусть будет много,
Езди на скакуне,
Конь пусть не потеет,
Руки, спина не болят,

Нравственная, психологическая и ритуальная обстановка свадебного обряда находит отражение и в самом поэтическом оформлении свадьбы – в песнях, алкышах. Они как бы подготавливают невесту к новой жизни, дают ей наставление, как жить.

Обряд прощания невесты с родительским домом и, следовательно, с девичеством хорошо описан В. И. Вербицким: «В юрту невесты входят специально приглашенные родителями невесты старики для совершения обряда «алкыш сос» – благословения невесты или для произнесения благопожеланий. Обряд состоит в следующем. При появлении стариков невеста кланяется, затем подходит к очагу юрты и коленоприклоненная прощается с родным очагом, после этого кланяется в ноги родителям и говорит: «Очи богатого Ульгения да видят меня; солнце и луна! Вам голова моя; семь старцев, благословите меня» [135, с. 85]. После этого все семь старцев поочередно произносят поэтические благопожелания невесте. Для примера приведем один алкыш из семи – первый.

Тен јерге уйин салгын.
Јаба болзо, јуртап јатсын.

Кирген уйин онду болзын,
Таш очогын бек болзун,
Одун чокту болзын.

На ровном месте поставь свою юрту.
Пусть плотно утвердится супружество твое.

Пусть жилье твое будет исправным,
Каменный очаг будет крепким,
Огонь в нем будет вечным!

[24, С. 82]

После каждого благопожелания невеста должна поклониться в знак благодарности. В заключение свое благопожелание высказывает седьмой старец.

Затем невеста в сопровождении своих сородичей и свиты жениха отправляется в путь. Поезд невесты сопровождают дружки. Невеста едет верхом на коне, челка, грива и хвост которого разукрашены лентами, сбруя также выглядит нарядно. По обе стороны от нее едут дружки, держа перед нею белое покрывало, прикрепленное к молодым березкам. Перед невестой держат покрывало с той целью, чтобы скрыть ее лицо от любопытных глаз и чтобы она не могла видеть дорогу, по которой ее доставляют к жениху.

По прибытии в юрту жениха невеста должна соблюсти обряд почитания нового очага, а именно: принести умиловительную жертву огню – бросить в очаг кусок мяса и кусок масла, а затем окропить огонь аракой. При этом произносится традиционный алкыш огню.

Аналогичен ритуал почитания в свадебном обряде казахов. По этому поводу Н. С. Смирнова пишет: «Как только женщины вводили закрытую покрывалом молодую, она трижды отвешивала поклон очагу и выливали ковш сала в горящий огонь. После этого ее сажали у двери, а приглашенный акын пел песню бет-ашар, т.е. «открывание лица» [120, с. 20].

В отличие от казахского свадебного ритуала привода невесты в дом мужа или свекра, в алтайском ритуале невесте не закрывали лицо, и не было надобности устраивать обряд открывания лица. Что касается умиловительного обряда огню, то он имеет много общего у многих тюркоязычных народов Сибири.

«По традиционному мировоззрению коренного населения предгорий Северного Алтая, вступление в повторный брак не запрещалось. Традиционно судьба вдов и вдовцов решалась во время «свиданий» с духами предков, «рекомендовавших» живым нового брачного партнера. Если муж (иже) или жена (абахай) умирали в течение первого года сожителства и у

них не было детей, то оставшийся вдовец (абахай унхан) или вдова (иже чок) не считались состоявшими в браке» [95].

У коренных народов Сибири в древних благопожеланиях (алкышах, алгысах, алгышах), связанных с культом огня, много общего и соответственно с этим традиционная обрядность. Как подчеркивает С. С. Каташ, «...огонь считался хранителем рода – символом счастья рода, семьи. Огню поклонялись, люди чтили свой очаг, с его культом было связано множество обрядов. Когда умирал последний представитель какого-либо сеока (рода), гасили огонь в очаге его юрты в знак того, что жизнь в этом роду угасла» [63, с. 53].

Огонь в очаге юрты коренных народов Южной Сибири поддерживается с того момента, когда складывается семья, поэтому огонь считался равноправным членом семьи. Когда семья собирается на трапезу, хозяева юрты должны, прежде всего, покормить огонь приготовленной пищей, которую бросают в горящий очаг. Только после этого можно приступить к еде самим, при этом необходимо произнести благопожелания - алкыши.

Для жилища молодоженов огонь брался из отцовского очага. Если сыновья женились и оставляли отцовский дом, то, уходя, они брали по горячей головне из отцовского очага. Огонь семейного очага в юрте молодых зажигался с помощью огнива. Этот огонь считался своим, семейным огнем. При свадебных обрядах в момент прощания девушки с родным очагом она должна была соблюсти ритуал прощания со своим родовым огнем и приобщиться к огню рода мужа, куда она переходила.

До начала свадебного тоя близкие родственники невесты и жениха роднятся, исполняя друг другу песни комплиментарного, хвалебного содержания. Во время свадьбы проводятся состязания на ловкость и силу: борьба – куреш, скачки – жарыш, стрельба из лука – танма адыш и т.п. Победители одариваются призами. Веселье и игры не прекращаются всю ночь до утра, но молодая семья не принимает в них участия. Это связано с тем, что они, по обычаям предков, по раннему утру готовили традиционное

угощение «баш кайнадыш» или «байтал бажы» из голов скота. После чего всех гостей приглашали к свадебному столу:

«Агарып тан атты,
Ак байтал бажы кайнады,
Ак байтал бажы кайнаганда,
Алтын столго жуулыгар!

Когорип тан атты,
Кок байтал бажы кайнады,
Кок байтал бажы бышканда,
Кумуш столго жуулыгар!» [125, с. 48]

Огромным уважением в семейно-брачных отношениях коренных народов Южной Сибири пользуются обычаи, связанные с родителями и родственниками жениха и невесты. Сватовья, то есть родители молодоженов, приглашают в друг друга в гости, исполняя свадебные тахпахи. Таким образом, большую роль играет магическая обрядность, заключающаяся в благопожеланиях, которые формируют морально-этические нормы, способствуя тем самым укреплению брачного союза молодых в традиционной культуре.

Свадебная обрядность шорцев. У шорцев заключение брака путем умыкания невесты отмечено В. И. Вербицким, подтверждено И. Д. Старынкевичем и др. В этом случае жених сговаривался со своими друзьями, родственниками о похищении девушки. Назначали день, седлали лошадей и вечером ехали к ее дому. Заходили в дом и просились переночевать, притворившись задержавшимися в дороге путниками. Гостеприимные хозяева предлагали свой кров. В это время похитители высматривали, куда ложится спать нужная им девушка. Затем ложились спать и притворялись спящими. Как только все засыпали, они вставали, подбирались к девушке, хватали ее и бежали к тому месту, где их ожидал жених с лошадьми [121].

Иногда, чтобы проснувшаяся родня не могла помешать похищению, их связывали всех веревками. Нередко у шорцев похищали девушек тогда, когда они ходили в лес за сушняком, собирала грибы, ягоды или шла на речку за водой, стирать белье. Жених похищенную девушку перекидывал через свое седло и увозил к себе в сопровождении товарищей. Чтобы девушка не кричала, ей затыкали рот платком. Похищение не всегда было удачным. Если догоняли похитителей, то обычно их избивали кнутами, отбирали девушку и привозили домой. Для жениха считалось величайшим позором, если похищенная девушка отбиралась у него назад.

Несмотря на то, что девушку похитили, существовал обычай: она должна была дать согласие на брак. В противном случае похититель не мог ее привозить домой в свой род. Не получив согласия, он продолжал ее везти и держать в неудобном положении до тех пор, пока она совершенно измученная, не даст своего согласия. По этому поводу есть небольшой нюанс. В Уголовном Кодексе РФ это рассматривается, как «похищение человека». Наше законодательство очень лояльно относится к подобным фактам. Если на Западе это однозначно трактуется как «похищение человека», то в России есть определенные лазейки, которые позволяют ускользнуть провинившимся. Но в последние годы все чаще звучат призывы ужесточить наказание за это преступление.

В целом похищение невест сугубо отрицательно сказывается на психологическом состоянии девушек. Чаще всего при похищении применяют физическую силу. А грубость вызывает отвращение. Более того, девушка может получить тяжелый эмоциональный стресс, который приводит к развитию комплексов – боязни и страха. Получается, что в душе она никогда не простит этого. За редким исключением, конечно же [1].

Но бывают похищения по взаимному согласию похищаемой и похитителя с целью вступления в брак вопреки воле родителей. Аналогичную ситуацию описывает исследователь Х. М. Хашаев как обычай символического похищения невест среди кумыков и чеченцев: «Взятие

женщины путем похищения считалось почетным для нее. В некоторых случаях на инсценировку похищения была согласна не только невеста, но и ее родители и родственники. Когда между мужем и женой возникал спор, она всегда подчеркивала, что она не сама к нему пришла, ее привели путем похищения, а если она плоха, то зачем ее похитил?» [102].

Для того чтобы получить предварительное согласие девушки на брак, использовали посредника – сваху или свата. Посредник шел к девушке и спрашивал ее: хочет ли выйти замуж за такого-то парня и когда ей удобно быть похищенной. Если она соглашалась, то в подтверждение этого через того же посредника передавали жениху в подарок кольцо, платочек или что-нибудь другое. Пришедшую девушку в условное место и в назначенный час подхватывали и увозили к жениху.

Если у шорцев предполагали, что девушку в скором времени могут украсть, или ее уже отобрали от похитителей, то укладывали на ночь спать в амбар и запирали на замок [141, с. 222-223]. Ни у телеутов, ни у шорцев, в отличие от других коренных народов Сибири, не было обряда наказания отца жениха отцом украденной девушки.

Раскрытие взаимосвязи общего и особенного в быту отдельных народов России, установление этнического своеобразия у каждого из них – одна из актуальных задач современной науки. В современном обществе семья является важнейшей микроячейкой воспроизводства общества, представляя собой коллектив людей, объединенных не только брачными узами и кровным родством, но и общностью хозяйства, жилища, моральной ответственностью перед обществом за поведение и образ жизни всех ее членов. Свадебный комплекс обычаев и обрядов отражает общественный строй, культуру этноса, его мировоззрение. Он является историко-этнографическим источником при изучении этнической истории народа, его этнокультурных, социальных и религиозных явлений [65, с. 14].

В целом сравнительный анализ структуры семейно-брачных отношений, свадебной обрядности коренных и малочисленных народов

Сибири показывает, что циклы свадебных ритуалов как: 1) выбор невесты; 2) сватовство; 3) определение размера калыма; 4) подготовка к свадьбе; 5) подготовка жилья (юрты) для молодых; 6) сторона невесты – внутреннее убранство юрты; 6) свадьба; 7) переезд невесты в аул жениха; 8) приезд молодоженов в гости к родителям невесты и др. в основном аналогичны, разнятся лишь обрядовые элементы, что объясняется этноконфессиональными традициями: проникновением ламаизма, бурханизма, шаманизма, насильственной христианизацией и др.

В отличие от других свадебных обрядов тюркоязычных народов Сибири, у селенгинских бурят отец жениха, главные сваты – родственники жениха привозили до свадьбы к родителям невесты мешок шкур для шитья одеяла новобрачным и совершали церемонию их передачи: главная сватья жениха торжественно передавала шкуры главной сватье невесты, при этом они сидели на белом войлоке лицом друг к другу. В этом обряде главными участниками были даже не матери жениха и невесты, а главные сваты, на роль которых чаще всего избирались сестры матери, родственницы по линии матери. Этот обряд имел целью – приобщение жениха к роду невесты [31].

Анализ традиционно-патриархальных основ семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири, их этнических культур, норм поведения, традиционного бытового уклада показывает, что данные сферы жизнедеятельности были непосредственно связаны с их самобытным укладом жизни. Схожие этнокультурные черты семейно-бытовой обрядности у рассматриваемых нами народов обусловлены общностью их происхождения и исторических судеб. При этом, в отдельных случаях в семейно-брачной обрядности могли быть изменения, согласно локальным вариантам.

При выборе будущей невесты (жениха), при определении формы брака, семьи у коренных народов Сибири учитывалось не только богатство семей, но и их родословная, наличие в родне больных, людей с негативными наклонностями, привычками. Из таких семей женихов и невест остерегались

братъ. Ценились девушки и юноши из здоровых семей в физическом, нравственном и духовном отношении. Обряд гостеприимства являлся не столько добродетелью, сколько непреложным бытовым установлением. Любому гостю оказывалось огромное доверие, поэтому к нему относились как к близкому родственнику, который не останется без пищи и ночлега.

В семейно-брачных отношениях коренных народов Сибири сохранялись значительные патриархальные пережитки. К примеру, тувинские пословицы утверждают незыблемость бытовых, семейных и морально-нравственных установлений: «ужур дурумден эртип болбас» – «нельзя переступать свои обычаи»; «ужур куштуг» – «обычай сильнее» (т.е. чему положено случиться, тому не помешаешь).

Таким образом, самобытный уклад, социальные ценности и установки в традиционном обществе коренных народов Южной Сибири во многом определялись функционированием исконных форм брака и типов семейных отношений. В историографии зафиксированы такие формы заключения брака, как умыкание и сватовство. По критерию состава, традиционные семьи являлись экзогамными (при наличии отношений левирата, сорората и заключении кузенных браков). По количеству брачных партнеров наблюдалась также ориентация как на моногамную, так и сложную многопоколенную патриархальную семью с частными проявлениями полигинийности. Практиковавшиеся в семье способы социализации и инкультурации подрастающих поколений способствовали сохранению духовно-нравственных принципов традиционного общества, выразившихся, в частности, в многодетности, гостеприимности, почитании старшего поколения.

Этноконфессиональный фактор (влияние ламаизма, бурханизма, шаманизма, насильственная христианизация и др.) определил нормы поведения и самобытный уклад жизни народов. Данное утверждение относится и к основным элементам свадебного комплекса, которые в целом являются аналогичными, при этом имея отличительные черты в обрядовых

элементах. В творческо-поэтическом оформлении свадьбы отражаются нравственные, психологические и ритуальные аспекты традиционной культуры. Так, в магической обрядности - песнях, алкышах-благопожеланиях содержатся морально-этические нормы, являющиеся духовной основой брачного союза.

Выводы по I главе.

В целом, для традиционной культуры коренных тюркоязычных этносов Южной Сибири характерна взаимосвязь индивида, социума и культуры, обусловленная системой родовых связей. В исторической ретроспективе следует отметить преемственность исконных семейных ценностей, несмотря на влияние внешней социально-культурной среды на протяжении рассматриваемого периода. Так, на фоне освоения Сибири русским населением происходила трансформация традиционных моральных и мировоззренческих установок коренных этносов. В этой связи, интерес представляет анализ закономерностей развития историографии данного процесса. Так, на протяжении XIX-XX вв. наблюдался переход от колониального взгляда на освоение региона, к трактовкам в рамках «мирного» продвижения переселенцев и диалога культур. Указанные взаимосвязь и преемственность ценностных установок определили применение нами социокультурного подхода, к исследованию динамики семейно-брачных отношений и традиционных форм брака коренных народов. При этом, термин «культурно-историческая динамика семейно-брачных отношений» определяется нами как траектория развития систем родства, внутрисемейных ролей и связанных с ними ценностей, морально-этических норм, общих и для других аспектов традиционной культуры коренных этносов.

Глава II. Трансформация семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири конца XIX – начала XXI в.

2.1. Культурно-историческая динамика семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири

Основные задачи данного параграфа:

- рассмотреть семейно-брачные отношения коренных народов Сибири как этнокультурный феномен традиционного общества.

- установить особенности семейно-брачных отношений конца XIX – начала XXI в. коренных и малочисленных народов Сибири.

Участник Второй Камчатской экспедиции (1733 г. – 1743 г.) академик Г. Ф. Миллер, впервые в российской научной практике осуществил сопоставительный анализ жизненного уклада аборигенных этносов Сибири по следующим позициям: происхождение и специфика формирования общности, лингвистические особенности, характер взаимодействий внутри общества, культурные традиции в материальной и духовной сферах. Свидетельством фундаментального и разностороннего интереса академика к объекту своего исследования является общий объем его полевых записей, составляющий около трех тысяч рукописных страниц. Следует отметить, что ценность собранных ученым сведений и материалов не утрачена и сегодня. Особое значение придается материалам, полученным в ходе непосредственных контактов с представителями обследованных традиционных обществ. Максимальная полнота коллекционируемых сведений, наблюдений достигалась как за счет охвата представителей различных социальных рангов и родов занятий, так и проявлений, со стороны Г. Ф. Миллера и членов его команды, исключительного внимания к обычаям и жизненному укладу коренных жителей в целом. При этом, наиболее обстоятельно исследователь затрагивает семейно-брачные отношения [86].

В главе «О браке» публикуются фрагменты из основательного рукописного исследования Г. Ф. Миллера «Описание сибирских народов» (в

2-х томах), который до относительно недавнего времени не имел издания и русскоязычного перевода, и не был известен широкой аудитории, включая специалистов в сфере общественных наук (этнографии и истории). Безусловно, данные цитаты далеко не полностью отражают научные позиции Миллера, его выводы относительно семейно-брачных отношений у проживающих в Сибири автохтонных этносов. Вместе с тем, на их основании уже можно судить о многих открытиях фундаментального характера, определивших значимость исследований академика. Среди них можно отметить как описание традиций межродовой экзогамии, так и вывод относительно ее универсального характера в культуре всех обследованных автором народов. Помимо этого, проведенные Г. Ф. Миллером наблюдения позволили ему сделать вывод о широкой распространенности и обычаев, связанных с сороратом (который он связывал с родовой экзогамией), а также левиратом. Так, согласно зафиксированному обычаю, женщина, в случае вдовства, повторно выходила замуж за своего ближайшего родственника. Истоки данной традиции академик усматривал в традиционном укладе жизни народов, населявших Древний Восток.

Один из важнейших выводов ученого состоит в повсеместном распространении приниженного положения женщины, во внутрисемейных отношениях. Миллер, описывая брачные традиции бурят, подчеркивал, что «муж может в любое время оставить жену, она его – никогда, как бы дурно с ней ни обходились. С женой, как и с любой другой собственностью, можно было обращаться, как заблагорассудится: мужу дозволено переломать ей руки и ноги без того, чтобы она могла защищать перед ним свои права» [86, с. 16]. Вместе с тем, бурятская женщина, став вдовой, имела права на имущество умершего мужа, в отличие от других обследованных академиком Г. Ф. Миллером народов, в основном практиковавших отношение к вдове как к собственности родичей супруга. Частным проявлением этого можно считать признававшееся в рассматриваемых обществах право мужчины на расторжение брака, в случае неудовлетворенности семейной жизнью (в силу

ряда причин). Это выражалось в возвращении жены ее родителям, и возврате калыма. Однако при нарушении супругой верности мужу, она фактически становилась рабыней, находясь, с момента осуществления наказания, в услужении одной из остальных жен. При этом, Г. Ф. Миллером был отмечен достаточно интересный факт, отражающий своеобразие традиционных моральных установок, бытовавших, на момент проведения экспедиции, в среде автохтонных этносов Сибири. В качестве влекущей жесткие санкции измены рассматривалась лишь связь замужней женщины с мужчиной, не имевшим отношения к родственникам супруга. В отношении же связи с последними, не предусматривалось сколько-нибудь серьезного наказания. Как отмечал путешественник-академик, спецификой брачных взаимоотношений у якутов являлась исключительно непримиримая позиция в отношении связей якутской женщины с русским мужчиной, показателем чего был характер предусмотренных санкций (перевод в разряд рабынь, либо изгнание из общины, без предоставления покровительства и поддержки в дальнейшем).

«Проблемы брака и семьи у коренных народов Сибири почти у всех заключаются при посредстве родителей или, если их нет, ближайших родственников, заменяющих родителей. Так, отец выбирает невесту своему сыну, старший брат – младшему, дядя – племяннику, и они должны быть довольны этим выбором. Брак заключают родители или ближайшие родственники, но при этом имеется в виду лишь первый брак. Как только сын женился, он уже не во власти отца, и при последующих браках он может поступать по своему усмотрению» [86, с. 21].

«У коренных народов Сибири сложилось твердое убеждение в непреложной ценности семейной жизни, статуса семейного человека. «Человек без корней подобен пню», – говорят якуты о холостяке, относясь к нему с презрением и насмешкой. На холостяка смотрят как на бродягу, бездельника, праздно шатающегося от стойбища к стойбищу. Семейный человек считается человеком большого племени, большой родни, уважаемым

основателем и продолжателем рода. Лишь после женитьбы взрослый человек выступает как лицо самостоятельное» [76, с. 194].

Экстремальные природно-географические условия Севера и Сибири определяли товарищеский характер в отношениях между супругами, сообща ведущими традиционное хозяйство. Так, этнограф В. Г. Богораз-Тан подчеркивал, что чукотский мужчина вступает в брак, прежде всего руководствуясь мотивом решения бытовых вопросов. При этом, и здесь отмечалось полностью зависимое и практически бесправное положение супруги в семье: отсутствие права выбора жениха, а также на самостоятельное владение хозяйством и бытовым имуществом. Это отражалось и в лексике коренных этносов. Например, юкагирское слово «нимэрэл», означающее «вступить в брак», буквально переводится как «приобрести чум». Слово «нимэтэл» (женить) – как «снабдить чумом». При выборе невесты руководствовались, в первую очередь, качествами характера и хозяйственными умениями девушки. В качестве других критериев, (также влиявших на размер калыма) выступали внешность и возраст.

Как и в любом традиционном обществе, молодое поколение достаточно рано включалось в повседневную трудовую жизнь своей общности и, как следствие, приобретало необходимые для жизни в социуме качества (независимость, инициативность, деловитость и дисциплинированность). Исходя из этого, начало брачного возраста определялось для мальчиков в пределах 12-13 лет, девочек – 10-11 лет. Следует отметить и приоритет социальной зрелости над физиологической, при заключении брачных союзов. Особое внимание уделялось степени овладения хозяйственными навыками, в соответствии с половозрастными ролями (в частности, добычи и приготовления пищи, изготовления одежды, ухода за домашними животными).

В традиционном мировоззрении коренных народов Севера отражен идеал большой и многодетной семьи, которой придавалось фундаментальное значение в повседневной жизнедеятельности. Это отражено в фольклоре,

устном творчестве, поверьях. Приведем частные примеры из устного наследия якутов: благопожелание - «Желаем чтоб люди размножились и скот плодился»; поговорка - «От опустевшего жилища остаются пни, от покинутого жилища остается память, от очага – яркие, теплые угли». Согласно поверью, бытовавшему в среде чукчей и эскимосов, бездетные люди обречены на гибель и в загробном мире [2].

В целом, комплексный идеал замужней женщины включал в себя хозяйственность и трудолюбие, обладание необходимыми в домашнем быту навыками, бережливое отношение к имуществу, способность поддерживать супруга в повседневных занятиях. Отсутствие перечисленных качеств давало основание для расторжения брака (решение о котором принималось исключительно мужчинами, главами семей), как и бесплодие женщины. Однако в последнем случае, взаимопонимание между супругами могло послужить в качестве смягчающего обстоятельства. При наличии материальной обеспеченности, бесплодие супруги могло быть и достаточным основанием для заключения мужчиной брака с другой женщиной (женщинами). При этом, его обязанностью было уделять всем женам равное внимание, несмотря на личные симпатии или привязанности. Это позволяло избежать конфликтов в отношениях женщин между собой, придавая им характер соревнования за благорасположение со стороны супруга [87].

Рассматривая семейно-брачные отношения коренных народов Сибири как этнокультурный феномен, необходимо отметить, что они являются одним из наиболее сложных комплексов традиционной культуры. Семейно-брачные отношения - это совокупность ритуальных действий символического, магического и игрового характера. Свадебные обряды представляют собой совокупность элементов материальной (одежда, головные уборы, украшение жилища, свадебные повозки, ритуальная пища, атрибуты магических действий) и духовной культуры (словесного, музыкального, танцевально-игрового фольклора, театрализованного действия). В то же время это явление несколько выходит за рамки восприятия

его исключительно как элемента культуры, так как в семейно-брачных обрядах отражались и тесно переплетались социально-правовые отношения, верования, мораль, этика, традиционная обрядность и др.

Семейно-брачным отношениям посвящено множество исследований с древности до наших дней. Рассматривая культурно-историческую динамику семейно-брачных отношений коренных народов Сибири, которые по своему историческому происхождению являются типичными представителями восточной кочевой цивилизации, и судьба их системы автохтонной культуры, на наш взгляд, представляет в настоящее время большой научно-теоретический интерес. Скотоводческое хозяйство как основа жизни коренных народов Сибири алтайцев, хакасов, телеутов, тувинцев, шорцев являлась основой самобытной культуры и традиционного уклада жизни [20, с. 76]. Необходимо подчеркнуть, что в условиях кочевничества для этих народов семья представляет огромную ценность – как один из главных социокультурных институтов общества. Семейно-брачные отношения, нравственная направленность особого микроклимата семейных отношений, имеют большое влияние на воспитание поколений, и как следствие сохраняют крепость семейных уз, преемственность поколений с сохранением традиционной свадебной обрядности.

«Еще античные мыслители Платон и Аристотель обосновывали свои взгляды на супружество и семью, критиковали тип семьи своего времени и выдвигали проекты ее преобразования. Наука располагает обширной и достоверной информацией о характере семейных отношений в истории развития общества. Изменение семьи эволюционировало от промискуитета (беспорядочных половых связей), группового супружества, матриархата и патриархата до моногамии. Семья переходила от низшей формы к высшей, по мере того как общество поднималось по ступеням развития» [137, с. 612].

Швейцарский ученый этнограф, религиовед Иоганн Якоб Бахофен (1815-1887) детально исследовал динамику семейных отношений в истории развития общества, выдвинув в работе «Теория материнского права»

следующие положения: «Первоначально существовали ничем не ограниченные половые отношения, которые он обозначает термином гетеризм для обозначения неупорядоченных половых отношений на ранней стадии развития человеческого общества (в современной науке – промискуитет) и группового брака. Современные ученые иногда называют гетеризмом пережитки группового брака, существовавшие у некоторых народов: искупительный гетеризм – право определенных лиц (напр., жрецов) на женщину перед ее вступлением в брак, гостеприимный гетеризм – право гостя на жену или дочь хозяина. Такие отношения исключают всякую возможность достоверно установить отца, и поэтому происхождение можно было определять лишь по женской линии (согласно материнскому праву), как первоначально это и было у всех народов древности. Вследствие этого женщины как матери, как единственные достоверно известные родители молодого поколения пользовались высокой степенью уважения и почета, доходившей до полного господства женщин (гинекократии)» [156, с. 76].

Один из основателей эволюционной школы в этнографии Джон Фергюсон Мак-Леннан (1827-1881), шотландский этнограф, юрист и этнолог, историк первобытного общества, несмотря на успех в области права, Мак-Леннан получал больше удовольствия от написания антропологических работ. Главные труды посвящены ранней истории брака и семьи, родства и связанных с ним обычаев. В работе «Первобытный брак» (1865) он предложил социальную эволюционную теорию брака, а также системы родства согласно естественным законам. Также он отвергал патриархальное общество на ранней стадии, становясь на защиту родни по отцовской линии, как более базовую в эволюции. Хотя эта теория и отвергнута сегодня, однако, имеет значительное влияние на сферу антропологии [157].

Известный американский ученый Льюис Генри Морган (1818-1881), являясь основоположником эволюционизма в социальных науках, внес огромный вклад в науку о родстве и семье. Заслуга Л. Моргана в разработке теории о едином прогрессивном пути развития человечества, включающей

три этапа периодизации истории: дикость, варварство, цивилизацию. Данная теория периодизации является основой для изучения доклассового общества и его перехода к классовому (цивилизованному).

В одном из фундаментальных трудов на обширном полевым материале Л. Морганом, впервые была доказана универсальность матрилокальных отношений, что опровергло теорию господства патриархальной семьи в развитии основ общественных отношений. Данный тезис был инновационным для своего времени в различных общественных науках.

Согласно классификации Моргана, была установлена четкая хронологическая последовательность форм брака, от беспорядочных половых отношений до моногамии. Таким образом, последовательно сменявшимися друг друга формами семьи были кровнородственная семья, пуналуальная семья, парная и моногамная семьи. Несмотря на то, что гипотезы Моргана о существовании кровнородственной семьи и семьи пуналуа были опровергнуты, в целом его идеи о материнском роде и общей логике развития семьи стали общепризнанными.

Рассматривая историю семейно-брачных отношений как ряд последовательно сменяющих друг друга форм, Морган заключает, что современный индивидуальный брак является исторической категорией, а «семья представляет собой продукт социальной системы и отражает ее культуру». При этом, появление моногамной семьи он связал с появлением частной собственности и определенным механизмом наследования имущества. Таким образом, в теории Моргана главными факторами, конституирующими семейно-брачные отношения, выступают объективные материальные причины, а их эволюция напрямую связана с процессом социально-экономического развития общества [90].

Работа Моргана «Древнее общество» легла в основу одного из базовых марксистских трудов – книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Опираясь на положение Л. Моргана об эволюционном характере развития семейно-брачных отношений, Фридрих Энгельс рассматривал семейные отношения с позиции материалистического понимания истории. Он показал зависимость семейно-брачных отношений от уровня развития производительных сил общества, содержания общественного труда и существующих форм собственности.

Работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи частной собственности и государства» была выполнена в 1884 году. И в настоящее время она не потеряла актуальности, связанной с мифом об избранности одних и неполноценности других народов.

Во втором разделе «Семья» на основе скрупулезного анализа большого материала Ф. Энгельс делает вывод о том, что в первобытном обществе существовало такое состояние семейно-брачных отношений как промискуитет. В дальнейшем из этого первобытного состояния развились следующие типы семейно-брачных отношений:

«Кровнородственная семья, – первая ступень семьи. Здесь брачные группы разделены по поколениям: все деды и бабки в пределах семьи являются друг для друга мужьями и женами, равно как и их дети, т.е. отцы и матери; равным образом дети последних образуют третий круг общих супругов, а их дети, правнуки первых, – четвертый круг» [156, с. 48].

«Пуналуальная семья. В ней из полового общения исключаются родители и дети, а также братья и сестры. Из пуналуальной семьи возник институт рода. Под родом понимают сообщества родственников, которые имеют одну женщину – предка. При групповом браке, естественно, родственность можно было установить только по женской линии» [156, с. 51].

«Парная семья. В ней мужчина живет с одной женщиной, однако многоженство имеет место, хотя и редко. От женщины на все время сожителства требуется строжайшая верность. Запрет браков между родственниками ведет к укреплению жизнестойкости и развитию умственно

способных людей. Женщина у всех дикарей и у всех племен, стоящих на низшей, средней и отчасти даже высшей ступени варварства, не только пользуется свободой, но и занимает весьма почетное положение. Эпоха варварства отличается наличием матриархата. Постепенно родовое богатство переходит в собственность глав семейств (стада, металлическая утварь, предметы роскоши и рабы). По мере того, как богатство росло, оно давало мужу более влиятельное положение в семье, чем жене, и порождало, с одной стороны стремление использовать это упрочившееся положение для того, чтобы изменить обычный порядок наследования в пользу детей» [156, с. 54].

«Моногамная семья возникает из парной семьи, как выяснено выше, на рубеже между средней и высшей ступенью варварства; ее окончательная победа – один из признаков начала цивилизации. Она основана на господстве мужа с определенно выраженной целью рождения детей, происхождение которых от отца не подлежит сомнению, а эта бесспорность происхождения необходимо потому, что дети со временем в качестве прямых наследников должны вступить во владение имуществом отца. Она отличается от парного брака гораздо большей прочностью брачных уз, которые теперь уже не расторгаются по желанию любой из сторон» [156, с. 60].

Согласно выводам Ф. Энгельса «первая появляющаяся в истории противоположность классов совпадает с развитием антагонизма между мужем и женой при единобрачии, и первое классовое угнетение совпадает с порабощением женского пола мужским» [156, с. 62].

Изменения, происходящие в современной социально-политической и экономической жизни России, затрагивают как все сферы жизнедеятельности общества, так и процессы формирования ценностных приоритетов. «В последние десятилетия четко просматриваются негативные тенденции в брачно-семейных отношениях среди молодежи: ухудшается нравственно-психологический климат в молодежных семьях; растет число разводов и количество матерей-одиночек; ухудшаются нравственно-половые нормы молодежи; наблюдается отрицание большинством молодых семей, в том

числе студенческих, принципов совместного проживания старшего поколения; происходит преобладание профессионально-карьерных ценностей над семейными; наблюдается распространение разнообразных форм брака: юридически оформленный, гостевой брак, повторный брак, фактический брак, групповой брак и др.» [41, с. 27].

«Крепкая семья – залог стабильности и процветания любого общества и его сила, что проверено веками. Существенное влияние в сохранении традиций семейной обрядности оказывают семейно-родственные отношения. На репутацию отдельного человека обязательно влияла репутация семьи, из которой он вышел. Мнение об индивидуальной семье было устойчивым и переходило из поколения в поколение. По одному из членов кровной родни нередко судили о ней в целом» [10, с. 13].

Основы самобытности, общность духовных интересов, прочность и теплота взаимоотношений присутствовали в семейно-брачных отношениях у всех народов Южной Сибири. Родители, то есть муж и жена, оставались непререкаемым авторитетом в морально-психологическом, нравственном климате семьи. Прочность семейного уклада зависела от степени сплоченности и распределения обязанностей внутри семьи. Правила общения между поколениями вырабатывались в строгом соблюдении обычая почитания старших и сохранялись в сознании детей. Старшие члены семьи играли важную этнопедагогическую роль в воспитании подрастающего поколения.

«Связующими элементами между старшими и младшими, родителями и детьми являлись родственные связи, которые даже после раздела семьи не прерывались. Во все времена к незнакомому человеку обращались «матушка», «отец», «дядюшка», «сынок», «доченька», что означало включение его в круг родственных отношений – высших ценностей правды и лада. Это создавало обстановку душевной теплоты, неизвестную, скажем, западноевропейскому обществу, помогало людям выживать при трудностях и испытаниях. Взаимопомощь была незыблемой нормой народной жизни» [52].

Издrevле, девочек с раннего детства обучали управляться по дому, это предусматривало освоение таких навыков как работа с материалом и изготовление одежды. Данные навыки влияли на возможность удачного и раннего замужества, таким образом, свадьба была для молодой девушки испытанием. В память об этом, женщины сохраняли свой свадебный наряд до самой смерти. Молодые люди также должны были иметь определенные навыки и умения, так как это являлось успешного выбора себе невесты и процветания его семьи в будущем.

До настоящего времени свадебные обряды автохтонных народов Южной Сибири предполагают целый ряд своего рода испытаний для жениха и невесты, показывающих и готовность к выполнению новых социальных ролей (мужчине - заарканить коня, разделать тушу барана, девушке – приготовить дьбörgм, то есть национальное блюдо из кишок барана, правильно подать чай и др.) [71]. И здесь следует отметить ориентацию традиционного общества, через институт брака, на воспроизводство и социализацию подрастающего поколения в рамках культурных ценностей своего этноса.

Традиции семейно-брачных отношений стали объектом пристального внимания российских историков и этнографов с середины XIX в. Первые исследования опирались на письменные источники, в частности летописные своды и литературные сборники. Это позволило, в частности, Д. Дубакину и М. Ковалевскому детально рассмотреть характер жизни древнерусской семьи. Одним из главных источников для изучения данного вопроса являлся «Домострой» (XVI в.), представлявший из себя свод правил по всем направлениям человеческой жизни, определяя свой фундаментальный характер. Домострой определял все базовые ценности семьи: уважение к людям и членам семьи, поощрение обустройства домашнего быта, осуждение сквернословия, распутства. «Осуждение людей значимых, уважаемых считалось страшным наказанием для семьи. Социальному окружению нужно было демонстрировать семейное благополучие и строжайше запрещалось

разглашать семейные тайны, т.е. существовало два мира – для себя и для людей» [42].

Как уже упоминалось, в «Домострое» – памятнике русской литературы XVI века, являющимся сборником правил, советов и наставлений по всем направлениям жизни человека, в частности, большое внимание уделяется распределению ролей в семье. Термин «семья» в его современной трактовке в «Домострое» не используется, обозначая его словом «дом». Традиционно, муж был обязан сохранять благополучие в семье, обеспечивая достойный уровень жизни, а также духовно-нравственное развитие и воспитание членов семьи. Домохозяйке, в свою очередь вменялось обязательное знание работы по дому, обучение домашнему мастерству своих дочерей. Воспитание сыновей было обязанностью домохозяина. Однако принятие решений, обсуждение семейных трудностей и текущих задач осуществлялось супругами единолично и ежедневно.

Жена в первую очередь налаживала эмоциональные связи в семье. Жене рекомендовалось мужу «уноровить», иными словами вести себя соответственно его устремлениям. Также в семейных отношениях не допускаются различные неподобные дела: гнев, злопамятство блуд, сквернословие, ярость и др. «Любовь к детям рассматривается как чувство вполне естественное, так же, как и забота об их телесном благополучии, менее распространенной считается забота о духовном развитии чад. Однако по своему положению в семье они ближе к слугам, чем к родителям. Главная обязанность детей – любовь к родителям, полное послушание в детстве и юности и забота о них в старости» [42, с. 235].

Кемеровская область, республики Алтай, Тува, Хакасия, как и вся Сибирь, в этнографическом отношении представляет значительный интерес. Достаточно сказать, что здесь проживают представители более ста национальностей мира: русские, украинцы, татары, немцы, мордва, армяне, грузины, азербайджанцы, поляки, греки, финны и другие народы, не говоря

уже о коренных жителях края – телеутах, шорцах, хакасах, алтайцах, тувинцах, чулымцах, бурятах, тофаларах и др.

В этой живой этнографической лаборатории можно наблюдать, изучать интереснейшие факты, процессы перекрестных влияний культур различных народов, живущих бок о бок столетиями [65, с. 3].

Отправной точкой комплексного историко-этнографического, археологического исследования автохтонных жителей Сибири принято считать Вторую камчатскую (Сибирскую) экспедицию 1733 г. – 1743 г. Изначально, идея сбора научных данных о Сибири и Дальнем Востоке принадлежала еще Петру I. Экспедиция руководствовалась специально предназначенным планом, подготовленным Российской Академией Наук, в соответствии с которым, основное внимание уделялось этнографическим и этноисторическим данным. Так, описывалось размещение сибирских этносов, предпринимались попытки выяснения их происхождения, вопросов исторической динамики развития. За время экспедиции был собран материал по фольклору, мифологии и другим видам устного творчества, а также празднично-обрядовой культуре, характеру принятых у автохтонных жителей ритуалов, сакральных установок и воззрений, а также хозяйственных практик [109].

Исследования ученых показывают, что «на юге Сибири существовал Саяно-Алтайский очаг цивилизации и культуры, включавшийся в общую историческую жизнь человечества еще в первые века новой эры, полный расцвет которого приходится на средневековый период» [77, с. 164].

VI в. н. э. датируется возникновение древнехакасского (кыргызского) государства, располагавшегося по р. Енисею. Это был период хозяйственного и культурного расцвета в Южной Сибири. Государственный строй данного образования, в период VI в. – VIII в., характеризуется Л. Р. Кызласовым как раннефеодальная монархия. Данное государство существовало около 800 лет, обладая крепкой социальной, экономической, культурной базой, рухнув лишь под натиском монголов в конце XIII в. [77, с. 167].

Следует отметить достаточно широкую известность древнехакасского объединения. Это, в частности, подтверждают сведения о нем, содержащиеся в поэме «Искандер-намэ» азербайджанского поэта XII в. Низами Гянджеви, и описывающие данную страну исключительно в категориях благосостояния, благополучия и равноправия, определяя ее географическое расположение в верховьях р. Енисей. Приведем соответствующий отрывок данной поэмы:

«И порядок, минуя и рощи, и пашни,
Встретил он (Искандер – Л. К.), и покой,
здесь, как видно, всегдашний:
Вся дорога в садах, но оград не найти.
Сколько стад! Пастухов же у стад не найти.
Сердце царского стража плода захотело.
К отягченным ветвям потянулся он смело...
...И, помчавшись, лугов миновал он простор,
И сады, и ручьев прихотливый узор» [57, С. 74].

Многое поясняется в последующем диалоге Искандера с жителями «земли Хирхиз»:

«Молвил царь: «Ваше мужество, - странно оно.
Почему осторожности вам не дано?
...Столько дивных садов, но они без оград!
И без пастырей столько кочующих стад!» [57, С. 74].

Он услышал в ответ:

«Сеем мы семена в должный день, в должный час
И вверяем их небу, кормящему нас.
Что ж нам делать затем? В этом нету вопроса.
В дни страды ячменя будет много и проса:
С дня посева полгода минует, и знай,
Сам-семьсот со всего мы сберем урожай» [57, С. 74].

«К великому сожалению, в XIII–XIV веках завоевания древнемонгольских феодалов оборвали закономерное поступательное развитие исторического процесса. Орды Чингизхана уничтожили государственную организацию, разрушили города, оросительные каналы, вырубали сады, сожгли селения. Но самое главное, было потеряно высшее

достижение местной культуры – енисейская письменность» [135, с.43]. «Самобытная енисейская письменность в бассейне верхнего и среднего течения Енисея, – отмечает Л.Р. Кызласов, – существовала вплоть до монгольского завоевания, т.е. до начала XIII века. Окончательная дата ее забвения пока остается не установленной». Несмотря на это, на протяжении 5 веков енисейская письменность активно практиковалась на территориях Хакасско-Минусинской котловины, Тувы, Алтая, Центральной Азии, Прибайкалья [94, с.164].

В период с 840 г. по 1293 г. разноэтничное население Саяно-Алтайского нагорья (включавшее, помимо тюркского, также самодийские, угорские и кетоязычные компоненты) находилось в составе могущественного древнехакасского феодального объединения. Исследователями отмечается, что полиэтничный состав являлся одним из значимых факторов подъема жизнедеятельности в указанное время, как в общественно-экономической сфере, так и в области культуры.

И с точки зрения этнической истории автохтонных этносов Южной Сибири, значение указанного периода заключается в процессах динамики указанных компонентов, их этнокультурного симбиоза, давшего толчок дальнейшему формированию алтайцев, тувинцев, хакасов, телеутов, тофаларов, чулымцев и шорцев. Общие исторические судьбы данных этносов, в первую очередь, связаны с указанной эпохой, когда их предки проживали в пределах одного государственного образования, перемещаясь по его территории.

По мнению Л. Кызласова, миграционными процессами обусловлен тот факт, что «в составе современных тувинцев, хакасов, алтайцев и тофаларов имеется значительное количество одноименных этнических групп, или так называемых сеоков («костей») [55]. Так появились общие сеоки современных алтайцев, хакасов и тувинцев: кыргыз, сарыг, хаас (хаазут), саин (соян), иргит, туба, чада (чооду), тиилег-сагай (телег) и др.; алтайцев и тувинцев: кыргыз, куу (куулар), телес (тюлюш), телек, иргит, соян, чооду, сарыг, тумат

и т.д.; хакасов и алтайцев: кыргыз, пюрют (прут), иргит (иркит), саин (саян), аарыг (аара), юс-сагай (юсь); хакасов и шорцев: харга, хобый, аба, очити пююр (четтибер), сор (шор); хакасов и тофаларов: хаас (хааш, хара, сары, хааш), чода (чогды); тувинцев и тофаларов: чооду (чогды), хаазут (хааш); хакасов и дархатов Прикосоголья: хыргыз (хиргис), хаас (хаасут), чода (зоот, чжота), саин (соян), иргит (эрхит); хакасов и окинских бурят (сойотов): иргит и хаас» [77, с. 112].

Следовательно, в пределах современных республик Тыва, Алтай, а также Восточных Саян и Прикосоголья, отчасти в районах проживания башкир фиксировалось постоянное присутствие кыргызского и хакасского населения. Несмотря на тесное этнокультурное взаимодействие с местным населением, хакасы сохранили свое исконное самосознание, выраженное в эндоэтнониме.

Роль древнехакасского государства в истории Южной Сибири определяется, в первую очередь формированием, в его пределах, предков аборигенных тюркоязычных этносов (например, алтайцев, тувинцев, тофаларов, шорцев, хакасов), проживающих в данном регионе и в настоящее время. Внутренние хозяйственно-экономические и культурные взаимовлияния способствовали становлению родственных, добрососедских связей. Лингвистические и этнокультурные особенности, специфические черты уклада жизни рассматриваемых этносов сложились уже в позднейшее время, в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV в. – XVIII в.), когда оформились условия, способствующие их относительному обособлению [29, с. 113].

Вхождение территории Сибири в состав российской империи, сопровождалось массовым насильственным крещением. Помимо насаждения христианства, негативными явлениями было распространение алкоголя, табака, азартных игр. Судя по количеству крещенных представителей тюркоязычных этносов, необходимо отметить неоднозначный характер этнокультурных контактов с русскими. Картину крещения на р. Кия в 30-е

годы XVIII в. описал И. Е. Фишер: «Церемония происходила зимой. В реке вырубалась большая прорубь, кандидаты стояли по брюхо в воде, а поп брал их за голову и трижды окунал в воду. После этого им навешивался крест, за который они, однако, платили, смотря по металлу». Достаточно показательными являются попытки государства ввести определенные меры, способствующие мотивации представителей коренного населения к принятию христианства. Так, согласно вышедшему 1 сентября 1720 г. указу Петра I, для крестившихся в православие «инородцев» предусматривалось 3-х летнее освобождение от уплаты налогов («ясака»). Далее, указом от 11 сентября 1740 г. был введен порядок одаривания новокрещенных, учитывая их социальный ранг. Среди подарков можно отметить деньги (от 50 копеек до 1 рубля 50 копеек), предметы русского костюма и церковной атрибутики, предусмотренные как для мужчин, так и женщинам. К примеру, в случае принятия крещения всеми членами семьи, они безвозмездно получали икону Спасителя, либо Богоматери [57, с. 244–245].

По сведениям сибирских этнографов, (Е. А. Бельгибаев, В. В. Николаев, Е. П. Кандараков, В. Д. Славнин) свадебные традиции автохтонных этносов, проживающих в районе предгорий Северного Алтая, были напрямую связаны с земледельческим циклом (при комплексном характере хозяйственного уклада, включавшего занятия как присваивающего, так и производящего характера). При этом, следует отметить суровые природно-климатические условия, определявшие достаточно сжатые сроки земледельческих работ и вынуждавшие население посвящать им максимум времени, в благоприятное время года. Исходя из этого, свадебные торжества, как правило, проходили в январе и феврале.

Семья у хакасов обозначалась терминами уйа – родовое гнездо; собіре – семья, семейная ячейка, маленькие дети. К терминам, обозначающим сферу семейных отношений также относятся слова сөп – дети, внуки, правнуки; төл – родовые поколения [19]. Данные формулировки наглядно иллюстрируют бытовавший в среде хакасского этноса взгляд на семью, прежде всего, с

позиций необходимости естественного воспроизводства каждого рода и общества в целом. Исходя из этого, в качестве основной ценности и цели любой семьи рассматривалось потомство. Это выражалось, например, в традиционных установках на многодетность, воспринимавшуюся как главный показатель благополучия и достижения членами семьи главнейших жизненных целей. Отсутствие детей трактовалось в прямо противоположных понятиях. В процессе хозяйственной деятельности (в ее традиционных формах) членами семьи вырабатывались и накапливались материальные ценности и иные предметы, составлявшие ее собственность. Наследование имущества производилось согласно нормам обычного права. Интересно отметить, что, согласно С. Токареву, к середине XX в. семья уже являлась основной ячейкой хакасского общества, обладая и достаточно сложной структурой. Так, исследователь выделял здесь «большие семьи», включавшие, по его наблюдениям, несколько однопоколенных, либо разнопоколенных парных союзов (например, совместно проживавшие женатые братья). Однако, зафиксировав данное явление, исследователь не представил его четкой классификации с позиций преемственности форм брака [128, с. 120].

Согласно гипотезе С. Токарева «большая семья и в XIX в., и раньше существовала лишь как подчиненная форма рядом с преобладающей малой семьей. Возможно, что неразделенная семья была характерна лишь для определенных классовых групп, в частности для байской верхушки, хотя и среди бедняков мы эту форму семьи отмечали» [130, с. 124].

К настоящему времени накоплен обширный материал по семейно-брачным отношениям коренных и малочисленных народов Сибири, которые регулировались в основном религиозными нормами и обычаями. При этом распространение регулятивной силы обычаев и религиозных норм было неравномерным. Исследователи отмечают, что на брачные соглашения большую роль оказывали традиционные верования, обычаи, родовые предания и культы. Коренные народы Сибири с большим уважением

относились к своим семейно-брачным отношениям, обычаям и обрядам. Но прежде чем рассмотреть развитие традиционных форм семейных обрядов, необходимо проанализировать как их традиционное бытование, так и изменения жизненного уклада, мировоззрения народов Южной Сибири с появлением русских в Сибири, которое повлияло на дальнейшее развитие их культур.

По мнению многих ученых-историков, в осмыслении истории Сибири до сих пор неверно интерпретируется главный исходный вопрос, а именно: каким образом рассматривать открытие Сибири: с точки зрения завоевания, покорения и последующей колонизации или мирного освоения и присоединения необжитой территории к Российскому государству?

В советской историографии вопросы, связанные с присоединением Сибири трактовались с позиций мирного освоения русскими переселенцами (и представителями других этносов, проживающих в Европейской части России) практически незаселенных территорий. Ермак, преодолев упорное противодействие со стороны хана Кучума, проложил путь в Сибирь, последующее освоение которой являлось, в основном, беспрепятственным. Согласно данной теории, проживающие здесь автохтонные этносы (алтайцы, буряты, хакасы, якуты, отчасти казахи) уже «по собственной воле» присоединились к России. В период сталинского режима данная интерпретация являлась единственно возможной, поскольку отвечала политико-идеологическим установкам государства. Стремясь найти ей обоснование, исследователи-историки того времени досконально изучали архивные материалы, относящиеся к эпохе освоения Сибири, однако недостаток фактических данных, в итоге, не являлся для них препятствием в продвижении официальной версии событий. В этой связи, необходимо обратить внимание на проблему «белых пятен» в истории освоения региона, ее оценок и характеристик, особенно Южной Сибири (территорий традиционного проживания казахов, алтайцев, бурят, хакасов, шорцев,

телеутов). В свою очередь, это повлияло на недостатки в освещении проблем этнических традиций коренных этносов.

Известный сибирский историк Н. М. Ядринцев отмечает: «Если открытие Америки было плодом пытливого знания, если оно сопровождалось переворотом в промышленности, дало толчок европейскому прогрессу и оказало влияние даже на всю мировую цивилизацию, то открытие русских в Азии имели весьма ничтожное значение и оказало слабое влияние даже по отношению к России» [157, с. 335]. Согласно исследователю, «при завоевании Сибири знание и наука не участвовали в открытиях на Востоке, да и не могли выдвинуть просвещенные знаниями силы, потому что в самой России просвещение только зарождалось. Не пыливый дух знания, не интересы мировой науки двигали открытиями в Сибири, а вторжение в нее было последствием безотчетной и слепой отваги, энергии, искавшей выхода из стесненных обстоятельств, в каких жил русский народ в XVI столетии. Большинство же дальнейших открытий и завоеваний в этом крае руководил дух наживы и погони за богатством. Начало сибирских поселений было положено людьми без всякого образования, неграмотными» [157, с. 336].

Таким образом, характерной позицией российских исследователей дореволюционного времени (главным образом, XIX в.) был взгляд на Сибирь исключительно с колониальной точки зрения. И здесь можно отметить Н. М. Ядринцева, С. С. Шашкова, Г. Н. Потанина, В. В. Радлова, Н. Ф. Катанова, посвятивших свои научные труды сбору и анализу данных относительно общественно-экономических проблем региона, особенностей культурной динамики. Однако в советское время их работы долгое время оставались не известными широкой аудитории, поскольку упомянутые колониальные позиции не соответствовали доктрине, разработанной И. В. Сталиным. При этом такие работы, как монография С. С. Шашкова «Исторические этюды» (1872 г.), исследования Н. М. Ядринцева «Сибирь как колония» (1882 г.), «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» (1891 г.) актуальны и в настоящее время.

Изучение историко-культурного наследия важно еще потому, что оно определяет наше прошлое, настоящее и будущее в большом многонациональном и многоконфессиональном государстве, каковым является Российская Федерация. Культурное разнообразие инициирует исследование культурного пространства как целостной системы. Культурное пространство, как подчеркивает В. Л. Кургузов, – это «сложнейший территориально-исторический и демографически обусловленный, естественно-научный, философский, социально-психологический, культурологический, этнологический конгломерат вещей, предметов, идей, ценностей, настроений, традиций, этнических норм, эстетических, политических и социальных взглядов в определенной культурной ситуации, проявляющейся в границах конкретного ареала и времени» [75, с. 24-28].

Рассматривая развитие межкультурных взаимодействий народов Южной Сибири с русскими, необходимо указать на то, что существенной особенностью их истории на начальном этапе явилось преимущественное развитие общего объекта деятельности вне сферы материального производства. Данная особенность обусловлена тем, что, во-первых, после присоединения Хакасии (начало XVIII в.), Горного Алтая (середина XVIII в.) царизм, обложив коренное население ясаком, не вмешивался в размеренный уклад их жизни. Во-вторых, необходимо было вначале сформировать общественное сознание на истинной христианской вере, а через общественное сознание выйти на материальное производство.

Однако, несмотря на притеснения, экономическое и политическое бесправие, между русскими и коренными народами завязывались самые добрые отношения. Южно-сибирские тюрки учились у русских секретам земледелия, пчеловодства, строительству изб и многому другому. Так, П. С. Паллас в начале 1770 года, проехавший по хакасским улусам, отмечает, что хакасы применяют русские формы хлебопашества и овцеводства; по части охоты распространены русские ружья и капканы; начала распространяться одежда русского покроя. В то же время русские у коренных жителей

перенимали опыт по разведению скота местной породы, сбору съедобных и лекарственных трав, искусству охоты, рыболовству и т.д. Эти связи не ограничивались только экономической сферой, они охватывали и разнообразные области народной культуры. В частности, шло активное взаимодействие и взаимообогащение русского фольклора с фольклором региона. Фольклорные связи, например, проявились в использовании алтайцами, хакасами, шорцами произведений отдельных жанров устной поэзии русского народа: пословиц, поговорок, частушек, песен, сказок. Вместе с тем русские обращались к алтайскому, хакасскому, шорскому фольклору. Особенно широко среди русского населения, осевшего в Южной Сибири, бытовали различные легенды, связанные с топонимикой, различными географическими названиями. Взаимообогащение шло не только в области фольклора, но и в области языков. Языки народов Саяно-Алтайского нагорья заимствовали много слов из русского языка. В свою очередь русские говоры, бытующие на Алтае, в Хакасии, обогащались за счет тюркизмов [72, с.96-98].

Интересы государства, природные богатства края и социально-исторические условия развития страны в целом обусловили относительно быстрое заселение Сибири в конце XVII и в XVIII веке. В XIX столетии в Восточной Сибири уже насчитывалось около двух миллионов русского населения.

Советские исследователи истории заселения Сибири указывают, что первыми засельщиками Сибири являются собственно казаки – выходцы из казачьих вольниц, «гулявших» по Дону и Волге, беглые крестьяне, стрельцы, служилые люди из поповичей и расстриг, крестьяне-переведенцы, поселенцы из пленных «черкасе» и литовцев, проштрафившиеся дворяне и дети боярские, ссылаемые в гарнизоны далеких сибирских острогов; раскольники, уходившие подальше от глаз государственной церкви; купцы, привлекаемые баснословными барышами от торговли мягкой рухлядью и при снаряжении «ватаг»; государевы крестьяне, присланные для «ямской службы», ратные

люди, пушкари, рудознатцы, «толмачи», гулящие люди, попы и дьяконы. Они пришли в этот далекий край из Ярославля и Калуги, Казани и Астрахани, Южной Украины и с Приуралья Севера, немало людей пришло и с западных рубежей Московского государства. Одни из этих засельщиков пришли в Восточную Сибирь добровольно, другие попали сюда по воле «злого рока царя-батюшки» [37].

Народное творчество русского населения Сибири разносторонне и богато. Сибиряки не только принесли с собой из России все лучшее, что было создано народом на протяжении многих веков, но и сами обогатили народную поэзию новыми произведениями, которые впитывали в себя все, чем жили люди на вновь освоенных местах. Трудовая деятельность, изменения условий жизни, быта, постоянное и тесное общение с коренными жителями, несомненно повлияло на развитие народного творчества. Занесенные из России песни, сказки и другие жанры подверглись переделкам, изменению. Иначе и быть не могло. Фольклор сопутствует истории, он отражает ее ход, и поэтому произведения не могут быть каноническими как по форме, так и по содержанию. Изменение содержания и формы старых, в том числе и более устойчивых текстов в новых условиях, не может считаться искажением, нарушением каких-то правил бытования народных произведений. Сама жизнь диктует степень варьирования конкретного текста народного произведения, это вполне закономерный процесс.

Несмотря на факты бытования высокохудожественной, подлинной народной поэзии, сибирские областники отрицали способность сибиряков к поэтическому творчеству. Они утверждали, что русское население Сибири вырождается вследствие специфики его жизни, и поэтому оно не способно оказалось сохранить традиционную русскую народную поэзию. А принесенные сюда когда-то первыми засельщиками старые песни, сказки, былины и легенды сибиряки якобы исковеркали до неузнаваемости.

Какова теоретическая основа сибирских областников, которая привела их к столь ошибочным выводам? Отцом сибирского областничества по праву считается А. П. Щапов, который начал изучать русское население Сибири в плане антропологии, затем перешел к этнографическим и другим особенностям. Русские люди, попавшие в Сибирь, говорит он, вступили в тесное соприкосновение с туземными племенами. В результате произошло смешение крови, славяно-русское население самовырождалось, и начал, по его мнению, складываться новый областной тип населения. Русские люди оказались в Сибири неустойчивыми в физическом отношении, поэтому они не выстояли против сильных туземных народностей.

Появление нового областного типа населения, как утверждал А. Щапов, есть переходный «период от славяно-русской народности к типу северных инородцев» [72, с. 63]. При этом, продолжает он, новый тип населения воспринял некоторые особенности инородческих племен и утратил многие коренные свойства русской природы. В умственном и нравственном отношении сибиряк (по Щапову, новый тип населения) во многом уступает коренному русскому человеку [72, с. 64]. Реакционность этих взглядов на сибиряков очевидна.

В своих доказательствах об изменении типа русских в Сибири Щапов использовал народную поэзию, хотя он ее не изучал подробно и с собранными в то время материалами едва ли был знаком. О распространении народной поэзии он говорит: «При ограниченном и видоизмененном усвоении верований русского народа, сибиряки, естественно, плохо усвоили и великорусский эпос... Среди великорусского народа, даже в сфере такой суровой такой неприветливой природы, как природа Олонецкого края, Рыбников и Гильфердинг находили множество «сказителей», любивших рассказывать старинные былины русского народа. А в Сибири едва ли есть где-нибудь такие сказители. Сибиряки, подобно бурятам, больше любят разговоры и рассказы о предметах современной материальной жизни, чем о русской старине» [155, с. 30].

Взгляды областников отрицательным образом повлияли на собирание и изучение русскую народную поэзию Сибири. Исследователи Сибири основное внимание уделяли собиранию и изучению народного творчества бурят, хакасов, алтайцев, якутов и др. Русский фольклор оставался большей частью вне поля изучения науки. По наблюдениям И. Белоконского: «У сибиряка нет ничего своего, оригинального: все наносно и, к несчастью, сюда занесено ссыльным элементом, большей частью худшее. Послушайте песню сибиряка. Вы услышите перевернутые романсы, изуродованные до неузнаваемости песни, малорусские, великорусские и «книжные», если так можно выразиться. Темные леса, реки широкие, степи необъятные не тронули души сибиряка. И он на берегу Енисея «орет» «Вниз да по матушке да по Волге». Говорим «орет», потому что сибиряк и петь-то хорошо не умеет» [155, с. 30]. Аналогичного мнения придерживался Н. Ядринцев: «Сибиряки ... режут песню. Может быть, бурный шум тайги и рев зверя, грубо воспитали их ухо» [157, с. 18]. Такого же мнения о пении песен в Сибири придерживался и Д.А. Клеменц [155, с. 31].

Крайние и резкие суждения Щапова, как видим, были подтверждены рядом высказываний авторитетных в дореволюционной науке сибиреведов. Свои утверждения они широко популяризировали и создавали мнение общественности о весьма низком культурном уровне русского населения Сибири. Последователи областников воскресили отрицательные взгляды на русский фольклор в Сибири и пытались доказать, как и их предшественники, что русские, поселившись в Сибири, потеряли связь со своей национальной культурой [155, с. 34].

Между тем, попытки облегчить участь коренных жителей предпринимались. Одной из таких попыток стала Сибирская административная реформа Сперанского (1822 г), составленная из ряда законодательных актов, таких как «Учреждение для управления сибирских губерний, уставы о ссыльных, сибирских казаках» и др.

По «Уставу об управлении инородцев» народы Сибири делились на три разряда: бродячие, кочевые и оседлые [134, с. 894]. В соответствии с «Уставом» были организованы инородческие управы, которые входили в степные думы, а думы, в свою очередь, подчинялись округам. Проведением «Устава» в качестве правительственного законоположения был сделан первый шаг по пути некоторого оживления самоуправления в жизни народов Сибири.

Таким образом, колонизаторская политика царизма в своей основе мало чем отличалась от сложившейся мировой колониальной политики. Тот же грабеж и насилие, попрание элементарных человеческих прав и расовая дискриминация. Вместе с тем выявилось и отличительное своеобразие, присущее только Сибири. Оно заключалось, во-первых, в географическом положении колонии. Если колонии Англии, Португалии, Испании и других европейских стран находились в разных частях света, в силу чего становились чаще всего сырьевым придатком метрополии, то Сибирь, как говорил Великий князь Константин, стала расширением государственной территории. Эта особенность колонии была подмечена в статье, посвященной 300-летию покорения Сибири, опубликованной в журнале «Новое время»: «Здесь наши «Соединенные Штаты», и ни одно государство не поставлено так выгодно, как Россия, в отношении возможности посылать своих эмигрантов не за моря, а селить у себя рядом» [67]. Во-вторых, в силу опять-таки географического расположения, Сибирь стала огромной тюрьмой для политических ссыльных, начиная от декабристов, заканчивая В. И. Лениным, а также местом отбывания наказания оголтелых преступников – отбросов метрополии. В-третьих, своеобразием рабства и экономической кабалой.

Исходя из вышеизложенного, предстоит рассмотреть национальную культуру, семейно-брачные отношения народов Южной Сибири, поскольку все явления культуры так или иначе между собой связаны, должны изучаться системно. При таком изучении могут быть поняты движущие силы, пути и темпы их развития.

Рассматривая в данном параграфе семейно-брачные отношения коренных народов Сибири, необходимо подчеркнуть тот факт, что ценностные основания семьи обуславливают устойчивость традиционной культуры. Согласно исследованию Н. Тадышевой, «обряды, оформляющие заключение брака, объединены по своему содержанию с другими переходными обрядами семейного цикла, но имеют и свою специфику: свадебная обрядность связана с изменением социального статуса человека. В свадебной обрядности коренных народов Сибири выявляются общие элементы торжественного церемониала, при этом отмечаются и локальные особенности, которые определяются тенденциями и закономерностями развития этнической религиозной картины мира этих народов. К примеру, для алтайцев характерно влияние комплекса бурханистских представлений, культовых предметов, обрядов. Тувинский традиционный свадебный обряд испытал сильное влияние буддизма (ламаизма) [28]. В Хакасии укреплялось двоеверие: в сознании народа христианство прекрасно уживалось с привычным шаманизмом. Люди почитали христианского бога и поклонялись небу, солнцу и месяцу. Но в целом свадебная обрядность коренных народов Сибири, несмотря на локальные варианты, типологически едина. Отдельные звенья, отсутствующие в системе свадебных обрядов у одних народов, сохранялись и выявлялись у других» [126].

Свадебный обряд происходил в несколько этапов: встреча свадебного поезда невесты, обряд поклонения невесты семейным покровителям семьи жениха, родовому очагу, обряд освящения новой юрты или временного свадебного жилища, переодевание невесты из девичьего костюма в женский, переплетение волос, свадебный пир. Интересно отметить, что у хакасов родители невесты не присутствовали на свадьбе.

Вряд ли великий Гегель, разрабатывая классическую систему искусства, реализующую идею прекрасного, предполагал, что традиционная эстетика, до недавних пор предпочитавшая европоцентристские мерки, наделяла народы правом иметь «настоящее искусство только в том случае,

если в их художественной истории были налицо следующие его виды – архитектура, скульптура, живопись, музыка, поэзия ... У кого не было одного или нескольких из них, те автоматически зачислялись в варвары или признавались отклонением от «естественного развития».

Благодаря ограниченному толкованию гегелевской эстетики, множество народов даже в XX столетии все еще числилось в варварах. ...В справедливости и бесспорности традиционной эстетической теории усомнились лишь недавно. То ли пресытившись классическим евроискусством, то ли почувствовав его вырождение в субкультуру, эстетика и искусствоведение сегодня все чаще и пристальнее всматриваются в сохранившую пока самобытность культуру вчерашних «варваров», в художественный опыт неевропейских цивилизаций. Этих исследований пока явно недостаточно, особенно в отношении художественной культуры кочевников. Целостной системы эстетических знаний об искусстве кочевников пока фактически нет. Но и того, что имеется, уже достаточно, чтобы понять, насколько ошибочно измерять уровень духовного развития одного народа какими-то достоинствами другого. Современная эстетика должна найти новый ключ к познанию духовного наследия этносов мира: у художественной культуры нет и быть не может единого исторического пути, по которому непременно должны пройти все народы, чтобы иметь право называться цивилизованными. Каждый этнос просто обречен на уникальность, на собственную художественную культуру и свое место в системе мировой цивилизации.

С этой аксиомой согласился бы и Каррутерс. И тогда, если он действительно искал у кочевников художественное чутье, нашел бы не только его, но и многое из того, что видел в Европе, – скульптуру, театр, высокую поэзию... Правда, не в том виде, к которому привык, поскольку иметь свой Акрополь или Гранд-Опера кочевнику не позволяли постоянные передвижения в поисках пастбищ и ограниченная грузоподъемность лошадей

[15]. В том и коренится исключительность и самобытность искусства кочевников, его различных видов.

К примеру, театр. В классическом виде он возник у тувинцев тогда, когда история мирового сценического искусства насчитывала уже более двух тысячелетий [113]. В качестве примера рассмотрим традиционную свадьбу древнего кочевника.

Невесте подвели лошадь, заседланную новым седлом, она садилась, и все трогались в путь. Впереди свадебного кортежа ехал старший по возрасту родственник невесты. Он вел в поводу вьючное животное (лошадь, верблюда или сарлыка) с имуществом, данным невесте. За ним следовали невеста и ее родители, затем остальные родственники невесты. По дороге в аал (стоянка из нескольких юрт, кочующих вместе) жениха их в пути трижды встречали родственники жениха. Первая встреча устраивалась на значительном расстоянии от аала жениха. Несколько родственников жениха раскладывали у дороги огонь, который добывали огнивом, а затем ставили очаг из трех камней, расстилали войлочный ковер - ширтек и, когда кортеж невесты подъезжал к этому месту, всех едущих на свадьбу угощали аракой (молочное вино), чаем, мясом и пр. Немного отдохнув и отведав угощения, кортеж невесты вместе со встречающими двигался дальше. Недалеко от аала жениха его ждала вторая такая же встреча. Наконец, третья встреча происходила у юрты родителей жениха. Свадебный кортеж невесты трижды объезжал по солнцу ту юрту, в которой в это время находился жених со своими родителями, а один из старших родственников жениха в это время брызгал вверх аржаном (освященная вода), смешанным с молоком, призывая благополучие на невесту. Объехав трижды юрту, все спешили и садились около юрты, где также были поставлены ширтеки и приготовлено угощение [17, с. 12-16].

Однако при всей сложности исторического пути, отмеченной трагическими событиями, коренные народы Сибири не исчезли, не растеряли бесценное достояние человечества – этническую культуру, традиционную

обрядность, устное народное творчество, музыкальное и инструментальное искусство и многое другое своих народов. Более того, заслуживает внимания высказывание Н. М. Ядринцева, утверждающее, что «народы Сибири внесут свой вклад в мировую цивилизацию и окажут великую услугу общечеловеческому прогрессу» [158, с. 20].

Эволюционность характера развития семейно-брачных отношений зависела от уровня развития производительных сил общества, содержания общественного труда и существующих форм собственности. Из первобытного состояния неупорядоченных сношений постепенно развились такие виды семьи как: кровнородственная, пуналуальная и парная. Запрет на заключение брака между родственниками ведет к укреплению физической и умственной выносливости людей рода.

В период освоения Сибири коренные народы Сибири не избежали общего закона колоний. В рамках колониальной системы представители российского самодержавия, обладая властью, выступали как хранители системы ценностей. В духовной сфере это выражалось в насильственной христианизации, борьбе с язычеством, шаманизмом. Тем не менее, коренные народы Сибири сохранили древние традиции, этнические нормы общежития, высокий уровень материальной и духовной культуры.

Интенсивное промышленное освоение, урбанизация на территории Сибири советского периода, стали объективной основой для деформации традиционного жизненного уклада коренных народов Южной Сибири. Создание и функционирование системы учреждений с круглосуточным пребыванием обучающихся (школ-интернатов) для детей коренных народов стали фактором их оторванности от традиционной этнокультурной среды.

Анализируя происходящие изменения в семейно-брачных отношениях коренных народов Сибири на современном этапе, подчеркнем: 1) ухудшение демографических показателей; 2) негативное отношение к институту семьи, поскольку именно в семье формируются и протекают демографические процессы; 3) семьи становятся малодетными; 4) растет число одиноких

людей, высокой остается смертность населения; 5) растет детская безнадзорность и беспризорность, множество детей воспитывается в неполных семьях или брошены родителями на попечение государства; 6) особенно настораживает факт, что традиционные нормы, существующие у народов России в сфере семейно-брачных отношений, трактуются в ряде средств массовой информации как пережитки прошлого, свидетельство отставания от «передовых цивилизаций»; 7) рост внебрачной рождаемости, распад семей и другие аномалии в данной сфере отношений.

Таким образом, на основе анализа опыта изучения традиционных форм брака термин «культурно-историческая динамика семейно-брачных отношений» определяется нами как траектория развития систем родства, внутрисемейных ролей и связанных с ними ценностей, в традиционном и современном типах общества. Одним из аспектов диссертационного исследования является рассмотрение влияния колонизаторской политики царизма в осваиваемом регионе на традиционный уклад жизни коренных народов, включающих в себя и семейно-брачные отношения. Для дореволюционной отечественной историографии был характерен колониальный взгляд на процесс освоения Сибири переселенцами из Европейской части России. Достаточно показательными являются труды С. С. Шашкова, Н. М. Ядринцева и др., в которых подчеркивалось определяющее значение эксплуатации коренного населения и природных богатств как основной цели освоения Сибири [144, 154]. В советскую эпоху данные процессы трактовались в основном как мирное продвижение переселенцев, сопровождавшееся диалогом культур.

Процессы глобализации определяют сегодня все стороны развития общества, которое в современных условиях приобретает новые черты, виды, горизонты. Так, по мнению С. Хантингтона, современный мир, раздираемый противоречиями, характеризуется столкновением глобальных цивилизаций. Однако, в этих условиях, особое значение приобретает развитие диалога культур. Несмотря на различные аспекты развития глобальных цивилизаций,

согласно нашего исследования, в связи со стремлением этносов к сохранению своего национально-этнического своеобразия, традиционных культур, в том числе и семейно-брачных отношений, необходимо сохранить доминантные основания как основополагающие механизмы, которые делают возможными сохранение самобытности этнических культур.

Характерными особенностями современной цивилизации является ее техногенное развитие, при котором происходит стагнация, деградация, упадок морально-этического развития социума, в том числе негативно влияющее на традиционные общества и состояние их семейного уклада. Ориентации в мировоззрении, во многом определяющие человеческое бытие, с 70-х гг. прошлого столетия, претерпели радикальные изменения, которые затронули многие сферы, но наиболее явно прослеживаются в сфере семейно-брачных отношений. Интенсивное преобразование социальных институтов традиционной культуры, тенденция формирования эгалитарных отношений оказывают воздействие на традиционные семейные ценности, которые теряют актуальность, в то время как новые еще находятся в процессе становления. Кризисное состояние института брака, его социальных функций сегодня обусловлено размыванием структуры ценностей, на которых изначально базируются семейные отношения.

«Глобальные тенденции эволюции семьи как малой социальной группы предстают как сменяющие друг друга типы семьи в следующем виде: 1) патриархальная семья; 2) современная семья, в центре которой находятся дети; 3) постсовременная семья (супружеский союз)». Утрата незыблемости традиционных морально-нравственных установок проявляется в изменении отношения к официальному оформлению брака, поддержанию семейных ролей, ответственности за потомство. Как следствие, наблюдается противоречивость современной модели семьи: с одной стороны, она выходит за частные рамки, с другой – становится менее зависимой от бытующих в социуме моральных установок, общественного мнения. В условиях отказа от патриархальных основ традиционной семьи, взаимодействие между

супругами приобретает индивидуалистский характер, что проявляется в потребительском характере отношения детей к родителям, а также между брачными партнерами. По мнению С. Голод, «существуют возможности для самореализации каждого индивида, происходит отход от зависимых отношений внутри семьи и возникновение богатых и разнообразных детско-родительских отношений между полами и поколениями» [30, с. 177-178].

Несмотря на специфику исследования функций института брака в среде автохтонных этносов Южной Сибири, здесь прослеживаются и общие черты. На этом основании, правомерной нам представляется трактовка семейно-брачных отношений как сформировавшейся в ходе исторического развития структуры, включающей отношения не только супружеской пары, но и представителей различных поколений родственников, членами семьи и родственниками, направленных на удовлетворение их потребностей и интересов. Но при этом во все времена традиционная свадебная обрядность, семейно-брачные отношения рассматривались как сакральное действие с уникальным комплексом обычаев и ритуалов, традиций и обрядов, отражающих этническую самобытность, этническую картину мира в контексте традиционных культур. При этом, современное состояние семейно-брачных отношений несколько настораживает и особого оптимизма не внушает.

В условиях социально-политических трансформаций XX века коренные народы Южной Сибири сохраняют традиционные ценности коллективизма как «стрезневую основу евразийской цивилизационной общности» [106], к которым относятся семейно-бытовые, празднично-календарные и обрядовые традиции. Рождению новой семьи в традиционных обществах придавалось особое значение, центральным идейным смыслом которого было продолжение рода, народа.

Согласно анализа исследований ученых, можно утверждать, что семейно-брачная обрядность коренных народов Южной Сибири в целом обладает едиными чертами, при этом имея этнические локальные различия.

Отдельные звенья, отсутствующие в системе свадебных обрядов или видоизменившиеся у одних народов, сохранились и выявляются у других коренных тюркоязычных народов Сибири, то есть могут изменяться названия обрядов, порядок их проведения, жанры обрядовой поэзии, костюмные комплексы. Но при этом, их главная ценность остается неизменной, устойчивой и незыблемой.

В традиционной культуре семейно-брачные отношения предстают как совокупность ритуальных действий символического, магического и игрового характера. Более того, они включали в себя обычное право, морально-этические основы, жанры фольклорных действий, которые отражают традиционные представления далеких предков [92, с. 126].

Однако традиции и обрядность не являются неизменными, так как в ходе развития общества формируется феномен неотрадиционализма, который сохраняет традиции, адаптируя их под современные реалии, сохраняя, развивая и транслируя этническую идентичность, в том числе семейно-брачные отношения, национальную культуру, этноконфессиональные представления.

Хакасский ученый К. М. Патачаков в своих исследованиях подчеркивал: «...Русскому влиянию в некоторой степени подверглись также семейно-брачные отношения хакасов. У хакасов семья была моногамной. Брак внутри рода был запрещен. Невесту брали из другого рода. Бытовал калым и приданое. Существовало три формы брака: брак путем сватовства между родителями жениха и невесты, похищение невесты без согласия ее и ее родителей, брак по соглашению невесты, но в тайне, от своих родителей. Свадебные процессы сопровождались различными обрядами, связанными с религиозными представлениями и обычаями семейной жизни. Женщина в семье занимала подчиненное положение, была зависимой от мужа. Ее деятельность ограничивалась домашним хозяйством и воспитанием детей. В общественной жизни женщина не участвовала. Но, благодаря тесному общению с русским народом, у хакасов постепенно исчезали такие

старинные обычаи, как принудительная выдача замуж вдовы за младшего брата покойного мужа (левират), браки несовершеннолетних, брак похищением (умыканием) и некоторые другие нормы патриархальной традиции в семье. Большое положительное влияние на улучшение семейно-брачных отношений и домашнего быта имели смешанные русско-хакасские браки. Однако, несмотря на некоторое прогрессивное влияние русской культуры, в семейно-брачных отношениях хакасов, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, сохранялись давно установившиеся патриархальные традиции» [104, с. 47-62].

Анализируя семейно-брачные традиции автохтонных этносов Сибири, в том числе обряды, сопутствовавшие заключению брака, нельзя обойти вниманием следующие, во многом исторически обусловленные обстоятельства. В первую очередь, сюда относится напряженная политическая ситуация в России первой половины XX века. Так, революционные события повлекли за собою борьбу различных политических течений за власть в государстве, в свою очередь, завершившуюся образованием Советского Союза. Последний, в указанное время активно распространял свое влияние на территории Сибири, а также в регионах Центральной Азии. Данные события оказали прямое влияние на дальнейшее культурно-историческое развитие автохтонных этносов Южной Сибири.

Культуру социалистического общества, формировавшуюся параллельно с социальными и политическими преобразованиями нового государства, можно оценить, как достаточно неоднозначный феномен. Так, с одной стороны, в ее рамках коренные этносы Сибири были приобщены к таким, например, сферам жизни общества, как образование, наука и медицина. В рамках советского государства были созданы и условия для исключительно быстрых темпов освоения данных областей автохтонным населением. И здесь следует подчеркнуть, что при иных обстоятельствах возникала бы угроза отставания данной группы населения в социально-экономическом и культурном развитии, и, как следствие, ее

неконкурентоспособность в масштабе мирового социума. В свою очередь, это не могло не сказаться и на устойчивом развитии всего государства.

Однако с другой стороны, распространение в среде коренного населения социалистического типа культуры ущемляло сферу бытования исконных традиций, опиравшихся на многовековой опыт. В частности, результатом нивелирующей политики, насаждения основанной на классовом подходе идеологии, стало искоренение любых проявлений религиозного мировоззрения, которое, однако, лежало в основе всей духовной сферы этнической культуры, существенный пласт которой был в значительной степени утерян. Постоянные гонения в отношении целых групп населения также истощили нарождавшуюся советскую нацию. В противоположность странам Запада, накопившим к XX веку солидный опыт идейно-политического противостояния, автохтонные этносы в Сибири находились лишь на этапе становления своей национальной интеллигенции, интеллектуальной и духовной элиты нового типа. И это обстоятельство повлияло на сравнительно узкий круг идей общественного развития [14, с. 6-7].

Такие этносы Сибири и Центральной Азии, как алтайцы, телеуты, хакасы, тувинцы, челканцы (тюркская языковая группа), а также буряты (монгольская группа) исконно относились к кочевому типу общественно-экономических отношений. Последние выражались, прежде всего, в правах на владение землей и домашними животными, а также в специфических формах неравноправия и подчинения членов общества. Основой мировоззрения кочевников являлось наделение окружающей природы духовными качествами. Их менталитет базировался на понятиях, связанных с подвижным образом жизни, и выражавшихся в таких ценностях, как обладание поголовьем мелкого и крупного скота, а также сезонными пастбищами. Значительную роль в номадном хозяйствовании играло и обеспечение водными ресурсами, как за счет естественных водоемов, так и искусственного орошения.

В тесной связи с традиционными формами хозяйствования находились и культурно-бытовые аспекты жизни кочевых народов. Естественно, все специфические черты брачно-семейной сферы целиком и полностью были обусловлены данными сферами жизни, представляя собою многообразные локальные варианты. В свою очередь, этим обстоятельством определяется и необходимость научного анализа данного явления, исходя из четкого понимания его пространственно-временных и социальных характеристик.

И здесь, на наш взгляд, целесообразно предварительно акцентировать внимание на этнически разнородном автохтонном населении Республики Алтай. Исторически формирование данного населения происходило в течение нескольких тысячелетий, и в основном было связано с территорией Горного Алтая. В 1920-е годы отмечалось отсутствие здесь общего эндоэтнонима [53]. Как правило, наиболее четко коренные жители осознавали свою принадлежность к этнотерриториальным группам, которые имели разное происхождение и, как следствие, специфические черты в языке, материальной и духовной культуре, образе жизни. Так, к северным алтайцам относятся тубалары, челканцы, кумандинцы. К южным группам специалисты относят собственно алтайцев (или алтай кижиги), теленгитов, телесов, телеутов.

Поскольку брак и семья у теленгитов до сих пор является не вполне исследованной темой, мы считаем целесообразным подробнее рассмотреть их свадебные обряды. Наиболее полно и всесторонне данная тема отражена этнографом В. Дьяконовой [46]. Так, в первой половине XX века был зафиксирован целый ряд способов и форм вступления в брак, с ориентацией на экзогамные отношения. В первую очередь, следует отметить зафиксированные исследовательницей воспоминания (лиц старшей возрастной группы, проживавших на момент ее обследования в Кош-Агачском и Улаганском районах) относительно обычая просватывания детей до их рождения. При рождении впоследствии детей одного пола, их матери считались родственницами, обозначавшимися как он торон (он – товарищ, с

которым производится дарообмен; торо – родить). Символом установившихся отношений было взаимное одаривание элементами одежды, а также преподношение скота (по традиции, это была лошадь). В случае рождения детей разного пола, впоследствии организовывалась свадьба, отчасти при этом в расчет принималось и их собственное желание (либо нежелание) вступать в брак именно с данным человеком. В среде имущественной элиты теленгитского общества частым явлением было сватание несовершеннолетних детей, либо при существенной разнице в возрасте (порою, невеста была старше жениха более чем на десять лет) [48]. Родичи юного жениха, выбрав невесту (согласно обычаю), пристально наблюдали за соблюдением ею целомудрия, до момента наступления его половозрелости. Определяющим критерием при выборе невесты считалось ее трудолюбие.

Зафиксированные у теленгитов случаи женитьбы младшего из сыновей на вдове своего старшего брата рассматриваются исследователями как сохранившиеся элементы левирата. Если повторный брак не заключался, вдова, вместе со своими детьми проживала в собственной юрте, ранее принадлежавшей покойному супругу, но под присмотром его родителей. Практически никогда не нарушался обычай, согласно которому, вдова не могла вернуться к своим родителям, либо родичам [46, с. 111].

В традиционной сфере брачно-семейных отношений у телеутов прослеживаются отголоски существования родовых связей патриархального типа. На примере телеутского свадебного обряда можно проиллюстрировать особенности брака и семьи автохтонного тюркоязычного населения Сибири. Телеуты – представители коренного населения, в настоящее время проживающие на территории Кемеровской области (в таких селах, как Беково, Челухоево, в деревне Верховская, в пределах г. Новокузнецка), Горного Алтая (в селах Мыйту, Улус-Черга Шебалинского района и в долинах рек Маймы, Иши, Катунь), а также и в Алтайском крае. [138]

В целом, с точки зрения антропологии, этнографии и культурологии свадебный обряд представляет собой многогранное явление, развивающееся в различных вариантах с эпохи древности. Основной задачей здесь является оформление семейных отношений. В прежние эпохи для заключения брака требовалось одобрение членов рода, общины (при экзогамном браке – представителей различных родов). То есть, отношения между супругами носили ярко выраженный общественно-экономический характер, поскольку каждый этап заключения брака проходил при непосредственном участии всей общины. Это и коллективный характер свадебных обрядов и сопровождавших их ритуалов, и материальная поддержка со стороны близких и дальних родичей, например, при подготовке и проведении торжества, а также выкупе невесты. Это выражалось и в различных вариантах традиции дарения и отдаривания, в строительстве жилища для молодых. Перечисленное до настоящего времени составляет специфику организации свадьбы у телеутов. Так, можно отметить участие в ее проведении не только родственников со стороны каждого из новобрачных, но, порою, и жителей всего населенного пункта (деревни, села). Данное обстоятельство во многом определяет сегодня сохранение морально-нравственных смыслов и значений, характерных для отношений в традиционном обществе.

Приведем здесь, в качестве примера легенду «Чегек и Кёрген» («Цветок и Зоркий глаз»), записанную в 1965 году в д. Шанда Гурьевского района Кемеровской области. Экспедицию возглавлял этнограф, доктор педагогических наук, профессор, специалист в сфере исторического краеведения Д. В. Кацюба. Информатором, от которого была записана данная легенда, являлся педагог местной школы Л. Н. Боярчин, представитель телеутского народа. В центре повествования находится взаимная любовь между девушкой и парнем. Чегек («Цветок») – имя легендарной девушки, имевшей состоятельного отца. Ее избранник Кёрген («Зоркий глаз») происходил из бедной семьи, жившей охотой. По легенде, оба они

отличались привлекательной внешностью, а также и своими духовными качествами. Однако, невзирая на взаимные чувства, отец молодой Чегек решил просватать ее за другого человека, который, будучи преклонных лет, обладал огромным богатством. По сюжету, молодые люди, сбежав вместе, спасались от преследователей, нанятых отцом девушки. Встретив на своем пути глубокое ущелье, они были вынуждены обратиться с молитвой к Богу любви. С его помощью молодой человек и девушка приняли облик животных, соответственно красной и белой окраски. Данная история послужила основанием для обычая изготавливать фигурки животных, перед свадьбой, из материалов соответствующей расцветки. Эти своеобразные символы мужского и женского начал, которые должны были подготовить молодожены, нашивались на покрывало их свадебного ложа. Следует упомянуть интересную деталь телеутского свадебного обряда, смысл которой заключался в клятве на верность между молодыми. В присутствии своих родичей и односельчан молодые люди одевали упомянутое покрывало на себя [62, с. 16].

Говоря о специфических чертах свадебной обрядности, и в целом семейных отношений коренных этносов, населяющих территорию Сибири, необходимо отметить наличие белых пятен в историографии данного вопроса, вплоть до настоящего момента. Этим обстоятельством объективно диктуется необходимость дальнейших исследований традиционной свадьбы как системы взаимосвязанных обрядов и обычаев, от сговора до ритуального пиршества. Исследователи дореволюционного периода отмечали, что свадебная церемония автохтонного населения Сибири имела общественное значение (а не только частное), что определялось уровнем социально-исторического развития данных традиционных обществ. Значимая роль родовых отношений обуславливала, например, активное участие в подготовке и проведении брачной церемонии, практически всех родственников и сородичей, со стороны жениха и невесты. Так, обычай предусматривал раздачу подарков собравшимся гостям, ответственными за

которую являлись именно родственники новобрачных. Дарили, в основном, одежду, головные уборы, специально изготавливавшиеся в течение года, к моменту свадьбы.

Как правило, решение о браке принималось родителями молодых, по достижении последними установленного традицией возраста. Так, молодой человек мог жениться с 18-20 лет. Девушка выходила замуж в 15-17 лет. Практиковалось и просватывание с детства. Остановимся здесь на некоторых результатах полевых исследований, проведенных нами в Республике Хакасия. Так, согласно данным наших информантов, Ю. К. Сарлина (1950 г.р.) и его супруги Е. В. Сарлиной (1954 г.р.), на момент опроса проживавших в с. Аршаново Алтайского района Республики, они были просватаны еще в раннем возрасте. В ходе бесед, нами были записаны их подробные рассказы о предсвадебной подготовке, длившейся практически в течение всего периода взросления будущих супругов. Это выражалось, например, в частых взаимных визитах между двумя семьями (проживавшими в селах Аршаново и Доможаково), причем взрослые обязательно брали с собою детей – будущих молодоженов. Посещали друг друга во время праздников, таких, как Крещение (Мылтых), Хызыл нымырха (Пасха), Тросин (Троица). В целом, данные информанты положительно оценивали, обусловленные традицией действия своих родителей, ссылаясь на свою благополучную жизнь в браке [1].

В числе наиболее значимых информантов назовем также А. И. Тараканову (урожденную Таштандинову), 1940 года рождения, на момент опроса проживавшую в г. Абакане Республики Хакасия. Ценность представленных ею сведений главным образом определяется возможностью проследить историю рода информанта (поколений, живших в XX в.). Помимо этого, рассказ А. И. Таракановой содержит упоминания отдельных поверий, практиковавшихся в семейно-бытовой сфере хакасского народа. Например, считалось, что после смерти мужа, вдова определенное время имеет магический контакт с его душой [1].

В свадебном обряде стойко сохраняются некоторые архаические черты, отражающие как определенные исторические этапы развития общественных отношений, так и этнические особенности, к примеру, тувинцев. С этой точки зрения, конкретный материал по свадебным обрядам и обычаям может рассматриваться как весьма ценный исторический источник. Семья у тувинцев была моногамной, хотя отдельные тувинцы имели по несколько жен (в основном богачи) [61, с. 448].

Исследователь Ф. Кон называет себя и некоторых своих товарищей «учеными поневоле», в целом же исследования тех и других носили серьезный характер, касались теоретических основ рассматриваемых проблем.

«Когда мы выясняли этот вопрос, то всегда в ответ слышали, что сразу по две жены не брали ни богатые, ни бедные. Бедняки вообще не имели двух жен. Каждая из жен богача жила в отдельной юрте, которую она сама привозила к мужу на свадьбу. Возможно, что по несколько жен могли позволить себе более обеспеченные мужчины, но это не относилось к рядовым тувинцам и тем более к беднякам. Следует обратить внимание и на то, что у тувинцев-тоджинцев экзогамия сохранялась почти до наших дней. В сохранившихся преданиях можно обнаружить существование в прошлом и левирата, т. е. выдачи замуж вдовы за младшего брата покойного. Такие браки фиксируются не только в преданиях» [70, с. 154].

У коренных народов Южной Сибири женитьба считалась обязательным этапом в жизни человека. Молодежь до пятого поколения не могла вступать между собою в брак, поскольку воспринималась как близкая родня. Согласно народной мудрости, отцы и матери стремились выдавать девушек замуж в другой район, кожуун, чтобы избежать кровосмешения. В основном, брачные союзы оформлялись между членами родов (сеоков), имеющих общие границы. Отсутствие репродуктивной способности воспринималось в традиционном обществе как отклонение, свидетельствующее о связи человека со сверхъестественным миром. Так, не

создавшие семью до преклонных лет члены рода не пользовались почтением со стороны сородичей. В соответствии с традиционными установками, им приписывались негативные человеческие качества и, как следствие, худшая судьба в загробном мире.

Для сравнительного анализа семейно-брачных отношений коренных народов Сибири рассмотрим исследования бытовой обрядности нанайцев (коренных народов Дальнего Востока) Евдокии Александровны Гаер, которая подчеркивает: «...Главным условием создания семьи являлось строгое следование экзогамным нормам. Внутри рода браки были запрещены. Несоблюдение экзогамии осуждалось сородичами и строго наказывалось. Нарушителей изгоняли из селения, рода. Таких людей называли особыми терминами, носившими оскорбительный характер: щука – гучэн, заяц – токса, ворона – гаки. Недозволенные брачные или добрачные связи карались вплоть до смерти, так как считалось, что они порождают самых страшных злых духов – сэккэ, или сатька, которые поедают в основном души родственников и их детей. Брак или сожителство с кровными родственниками – членами одного рода у нанайцев строго запрещались, так как это вело к вырождению» [27, с. 36].

Известная тувинская исследовательница, доктор исторических наук М. В. Монгуш, занимающаяся исследованием тувинских этнолокальных групп Монголии и Китая, рассматривая проблемы межнациональных браков пишет: «...Одной из наиболее значимых структур в системе воспроизводства и передачи этнической информации ее носителями, несмотря на все возрастающее действие таких факторов, как образование, средства массовой коммуникации, участие в общественном производстве, является семья. Именно семья, как считают исследователи, определяет формирование социальных и этнических характеристик индивида, его место в системе личностных и общественных связей» [88, с. 90]. Ориентированность тувинцев на заключение браков внутри своего этноса обусловлена, в первую очередь, переживанием о появлении нового инонационального члена семьи,

угрожающего традиционному социально-культурному укладу. Как следствие, данная тенденция приводит к смешению крови, влекущей за собой вырождение этноса. В качестве наиболее яркого примера можно рассмотреть ситуацию в районе Баян-Улэгэйском аймаке Монголии, где преимущественно проживают близкородственные представители тувинского народа: в последнее десятилетие у вышеуказанной группы наблюдается рождение детей с отклонениями как умственного, так и физического развития. Причиной тому явилось близкое родство родителей. По словам информантов, это выражается также в динамике успеваемости школьников, результаты обучения которых непрерывно ухудшаются. Как отмечает исследователь, это связано с ростом числа детей, рожденных в близкородственных брачных отношениях [88, с. 91]

Данное обстоятельство выходит за рамки существующих в среде тувинского этноса традиционных установок относительно брачно-семейных отношений. В целом, моногамный по своему характеру брак здесь сопровождается комплексом запретов, в частности, на заключение союза с родичами по мужской линии, в пределах нескольких поколений. Подобные ограничения являются составляющей внутриродовых отношений. Здесь же отметим и жесткую приверженность обычаям экзогамии, проявляющуюся в системе санкций, направленных против заключения браков между членами одного рода.

Вместе с тем, уникальность брачного поведения представителей локальной группы тувинцев, проживающих на территории Баян-Улэгэйского аймака Монголии, заключается именно в сознательном кровосмешении (и, как следствие, фактическом нарушении установленных обычаев). На наш взгляд, основным обоснованием данного феномена может являться только стремление избежать физической ассимиляции, в условиях иноэтничного окружения [89].

Как следствие снижения авторитета родственных и соседских связей (по мнению, например, Г. П. Васильевой, О. А. Ганцкой и Л. Н.

Тереньтьевой), имеют место отдельные прецеденты заключения межэтнических браков (при их недостаточной популярности в целом). Так, указанными исследователями был сделан вывод о прямой зависимости характера внутриэтнического общения и выбора брачных партнеров, как правило, из числа представителей собственного этноса. Также изучение данного вопроса на материале народов Средней Азии, позволило выделить отсутствие устойчивых родственных связей, как основополагающего фактора при выборе брачного партнера.

Возвращаясь к тувинцам, проживающим на территории Монголии, хотелось бы отметить, что даже в этносах крайне закрытого типа существуют прецеденты этнически смешанных браков. И принято считать, что лица, вступающие в вышеуказанные браки, занимают маргинальный уровень в социуме, для их обозначения в научной литературе применяется дефиниция «этнические маргиналы», которая при этом не содержит негативной окраски, предполагая лишь несоответствие общепринятым этническим нормам. В качестве частного примера можно привести достижение успеха в работе в отрыве от обычного уклада жизни своего этноса, становясь при этом чужаком для них [88, с. 92].

Далее считаем необходимым привести систему обозначения родства у тувинцев, так как они очень похожи и у ряда тюркских народов Сибири. Ее отличительным признаком было наименование одним термином целой категории родственников. Например, у тувинцев термин «угбам» означал «моя старшая сестра», но им же называли сестер моего отца (моложе отца), дочь моего брата (если он старше меня) и т.д. и даже мою мачеху; термином «акым» – моего старшего брата, брата моего отца (моложе отца), сына моего брата (если он моложе меня) и моего отчима. Приведем некоторые названия для основных степеней родства и свойств. Названия для родственников и сверстников большей частью даются от имени первого лица, с грамматическим окончанием, означающим принадлежность к первому лицу.

Ачам – мой отец.

Авам – моя мать.
 Оглум – мой сын (и просто парень).
 Уруум – моя дочь (и просто девушка)
 Акым – мой старший брат.
 Тунмам – мой младший брат.
 Угбам, увам – моя старшая сестра.
 Тунмам – моя младшая сестра.
 Таай – дядя по матери, т.е. брат моей матери.
 Кырган ачай – дед по отцу и по матери, дядя по отцу (если он старше отца).
 Акым – дядя по отцу (если он моложе отца), т.е. брат (младший) моего отца.
 Кырган авай – бабушка по отцу и по матери, тетка по отцу (если она старше моего отца).
 Угбам – тетка по отцу (если она моложе моего отца), т.е. сестра (младшая) моего отца.
 Чеен – сын или дочь моих сестер, т.е. племянники и племянницы.
 Келин – невестка.
 Пээм (пег) - отец моего мужа.
 Кунчу (кунджу) – мать моего мужа (свекровь)
 Кудээ – зять
 Катым – отец моей жены (тесть)
 Кат ием – мать моей жены (теща).
 Пажа (пача) – так называют друг друга мужья сестер (свояки)
 Катым – старший брат моей жены.
 Чуржу – младший брат моей жены.
 Кат ием – старшая сестра моей жены.
 Кунчу (кунджу) – старшая сестра моего мужа.
 Чуржу – младшая сестра моего мужа.
 Кудээ – муж моей младшей сестры.
 Чаа авам – жена моего старшего брата.
 Келин – жена моего младшего брата.
 Шаным – двоюродные братья, у которых матери родные сестры.
 Шаным – двоюродные сестры, у которых матери родные сестры.
 Акым – отчим.
 Угбам – мачеха.
 Таай авам – сестра моей матери (старше и моложе) матери).
 Пээ – общее название для мужских родственников моего мужа (если они старше мужа).
 Кунчу – общее название для женских родственниц моего мужа (если они моложе моего мужа).
 Катым – общее название для мужских родственников моей жены (если они старше меня)
 Чуржу – общее название для женских родственниц моей жены (если они моложе жены)

Из приведенных записей терминологии родства видно, что она несет признаки классификационной системы, при которой одним термином называется целая группа родственников. Для тувинской системы наименований родов, как и для соседних с ними алтайцев, хакасов, телеутов, шорцев и других тюркских народов, характерно различие в терминологии

для старших и младших родственников по отношению к говорящему или же различие в названиях одних и тех же степеней родства по линии матери и по линии отца, по линии женских и мужских родственников [109, с. 228-232].

При рассмотрении свадебных обрядов коренных народов Южной Сибири остановимся на свадебной обрядности алтайцев – теленгитов Улаганского района, на традиционный свадебный обряд которых заметное влияние оказывало христианство. В этом районе крещенных алтайцев было больше, чем в Кош-Агачском районе. Местные священники (а они были выходцами из коренного населения) требовали, чтобы брак был освящен церковью. Для совершения обряда венчания невеста должна была быть не моложе 18 лет и иметь соответствующий наряд. Но, хотя православная церковь действовала в Кош-Агачском и Улаганском районах до начала 1930-х годов и церковные браки совершались среди теленгитов, христианство никогда не определяло нормы поведения и традиционную обрядность здешнего населения. Случаи церковного венчания теленгитов свидетельствуют о своеобразном сплаве традиционной обрядности и церковного бракосочетания.

У северных алтайцев существует традиция кражи невест, при этом обряд Алгыш-сезь – благославления невесты здесь не отмечен. В течение трех дней молодые находятся в заранее подготовленном шалаше - одах. По завершении трех дней от супружеской одах снимают бересту с веревками, а основание из девяти длинных тонкоствольных берез оставляют рядом с деревом, где он остается до сгниения.

Свадебный пир называется байга. Главная байга празднуется у жениха вокруг одаха (зеленой юрты), и четыре – у родителей невесты. Первая байга празднуется через 5-10 дней до обряда похищения. Молодые, в сопровождении родных мужа, с большим количеством молочной водки (араки) отправляется к родителям жены для совершения обряда мирения и заключения соглашения о сумме калыма. Родичей жениха, причастных к

краже невесты, в доме невесты подвергают символическому наказанию. Чаще всего, это ритуальные удары плетьюми.

Схожий ритуальных процесс сохранился и наблюдается у хакасов, который называется «чарас» («примирение»). Особая суть этого обряда заключается в следующем: родители «украденной» невесты должны пригубить «араку», угощение, достаточно поднять бокал, чтобы мировая состоялась. Этому добивается противоположная сторона - опытные и уважаемые свахи своими речами и уговорами пытаются отвлечь, усыпить бдительность родителей.

Вторая байга – табачная, третья– мясная, четвертая – последняя, на нее приводится лошадь, которую закалывают для торжественного свадебного пира. На всех байгах царит атмосфера всеобщего праздника, спортивных соревнований, игр и состязаний, исполнение песен.

«По истечении семи дней молодожены в сопровождении многочисленных родственников и друзей направляются в гости к родителям молодой жены. Там проводится второй свадебный той, на котором родственники мужа должны произвести самое хорошее впечатление на родственников жены» [135, с. 87]. Алтайский ученый С. С. Каташ подчеркивает, что «они обязаны угощать их вином, быть очень внимательными. Последние могут принять чоочой – чарка почтения, при условии, если он будет сопровождаться алкышем или хвалебной песней («мак кожон»)» [63, с. 53]. В связи с чем, родичи мужа подавая испить чарку говорят благопожелание:

«Агаштан ойгон чоочойим
Алтын сурлу корунзин,
Алап келген бу ажым
Алама-шикир тадылзын.

Выдолбленная из дерева чарка,
Пусть покажется вам золотой,
Подносимое вам вино – пища
Пусть будет вам слаще сладостей» [63].

Бытовая обрядовая поэзия коренных народов Сибири алтайцев, тувинцев, хакасов и др. целиком и полностью была связана с патриархальным кочевым образом жизни. Русские ученые-этнографы В. В. Радлов, В. И. Вербицкий первыми дали описание свадебного обряда, упомянули о свадебных алкышах, отметив их высокие художественные достоинства. Алкыши являются неотъемлемым компонентом свадебного обряда.

Для жилища молодоженов огонь брался из отцовского очага. Если сыновья женились и оставляли отцовский дом, то, уходя, они брали по горячей головне из отцовского очага. Огонь семейного очага в юрте молодых зажигался с помощью огнива. Этот огонь считался своим, семейным огнем. При свадебных обрядах в момент прощания девушки с родным очагом она должна была соблюсти ритуал прощания со своим родовым огнем и приобщиться к огню рода мужа, куда она переходила. После договора о калыме жених из первой чарки окроплял огонь аракой (вином) в знак благодарности матери-огню и просил ее благословения. Культ огня существовал и у других кочевых народов, в частности у казахов, киргизов, тувинцев. По этому поводу Н. П. Дыренкова в своей статье «Культ огня у алтайцев и телеут» пишет следующее: «У алтайцев в то время, когда привозят калым, в очаг бросают мясо, льют сало и читают молитвы. К каждой ножке железного тагана привязывают белые ленточки и поливают жиром ... в то время, когда расплетают косы невесте, родные жениха льют конский жир в очаг так, что огонь огромным пламенем взлетает вверх юрты, и они с пением молитвы ходят три раза вокруг огня [45, с.68].

В описание обряда почитания огня, данное Н. П. Дыренковой, необходимо внести уточнение. Оно касается «пения молитв» ... Это не молитвы, а алкыши матери-огню. Вот одно из многих благословений огню, которые Н. П. Дыренкова ошибочно называла молитвами:

Одус башту от-эне,

Орбо чечен кайын эне
Ак-сары атту ар јалкын

Тридцатиголовая огонь-мать
Колотушка бубна – красноречивая теща,
На бело-желтом коне великое пламя и т.д.

Смысл благопожелания вполне определен: новый огонь – продолжение жизни рода, укрепление семейного рода; молодая хозяйка становится хранительницей огня. Согласно гипотезе С. А. Токарева, подобные воззрения, в первую очередь связанные с сакрализацией женского начала, восходят к эпохе древнекаменного века.

У народов Сибири известна также «хозяйка огня». Очень важно отметить, что культ домашнего очага почти везде в руках женщин, и поэтому в алкышах домашний очаг олицетворяется в женском образе «От-эне» – Огонь-мать. По поверьям и представлениям, например, алтайцев, а также по многим образцам устной народной поэзии можно сделать вывод о большом почитании огня и возведении его в культ. Функции огня чрезвычайно многообразны. Помимо духа-хранителя рода, очага, огню присуща очистительная функция. Огонь якобы не впускает в жилище злых духов, рассеивает злые мысли человека. Огонь отпугивает души покойников. С помощью огня окуриваются-очищаются предметы домашнего обихода, люлька для новорожденного, загоны скота, ибо огонь является хранителем семейного очага, посылает детей, дает приплод скоту, излечивает болезни и т.д. Поэтому в поверьях и обрядах существует множество предупредительных запретов при обращении с огнем. Например, нельзя шутить, нельзя напрасно проливать воду на огонь, плевать в костер, сыпать мусор и грязь, нельзя касаться острием ножа, ибо можно поранить голову «матери-огня». Даже дрова нужно класть осторожно, чтобы не причинить боли и не рассердить «Мать-огонь». По пламени костра древние люди определяли свою судьбу. По огню узнавали о скором возвращении хозяина, если он отсутствовал. Если с ним в пути случилось несчастье, то костер начинал гореть с треском и шумом, а таган-очок стучать, как будто по нему

кто-то ударяет. Огонь предсказывал и гостей. Если отвалившаяся головешка вставала вертикально, то жди желанного гостя. Огнем окуривали больного, для этого жгли можжевельник – алт. – «арчин», тув. – «артыш», хак – «ірбен оды». При всяком очищении огнем высказывались благопожелания. Наиболее древним и ставшим традиционным является следующий алкыш огню:

Одус башту от-эне,
Ойгон камыш кулакту,
Кырык башту кыс-эне,
Јети тушкун тушкунду,
Јети јакан јйканду,
Јайкаган бажы касканы,
Јети тушкун тушкунду,
Тушкун бажы алкышту!
Уч очоктын ээзи,
Орум талдын муузи,
Когорун кочо тушкен каан,
Узулбес тушкен каан.
Јажыл торко кийим ду,
Јажыл јалым кубатту,
Кызыл торко кийим ду,
Ада болуп чаккан,
Эне болуп камыскан,
Одус башту от-эне!

Тридцатиголовая мать-огонь,
С ушами из пробитого камыша,
Сорокоголовая девица-мать,
По семи спускам спускающаяся,
На семи зыбунах качающаяся,
Преклоняя (качая) голову, облетающая,
На семи спусках спускающаяся,
Спускающая голову, прославляемая!
Хозяин трех очагов,
Рога перевитого тальника,
Синеющая синева, спускающийся царь,
Чтобы не прерываться, спустившийся царь
В одежде из зеленого шелка,
Веселое, зеленое пламя.
В одежде из красного шелка,
Будучи отцом высеченная,
Будучи матерью зажженная,
Тридцатиголовая мать-огонь!

Таким образом, в алгышах, алкышах, алгысах прославляющих огонь, отражаются анимистические представления об «Огне-хозяине» и об «Огне-матери». Образы эти антропоморфны. Судя по благопожеланиям – алкышам,

огонь имеет отца и мать, которые его создают, т.е. высекают. К примеру, в алтайских алкышах говорится на сей счет: «Мой отец, высекший великое пламя, мать, сгребаящая каменный очок, искры искрящая ...». Огонь как божество в представлении первобытного человека рисуется «белой, светлой девушкой» («кыс-эне»). Образ огня всегда нежен, поэтичен, сравнивается с «ясностью неба», с «ленточками на голове». Языки пламени живые, они ведут разговор с членами рода и семьи. Мать-огонь освещает не только жилище, но и хребты самого Алтая, она ездит на бело-желтой лошади и т.п. Возникнув в эпоху материнского рода, культ огня с тех времен находит прочное бытование в народной поэзии и его древних обрядах. Во всех видах алкышей, посвященных матери-огню – «от эне», есть типичные, устоявшиеся формулы, которые своими корнями уходят в глубокую древность [63, с. 55-58].

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно сделать следующие выводы по параграфу. Необходимо подчеркнуть, что традиционная система ценностей номадов определялась их жизненным укладом. Сюда, в частности, относятся религиозные взгляды, нравственно-этические установки, разновидности жанров творчества. Как и другие хозяйственно-культурные типы, кочевничество трактуется как специфический результат приспособления человеческих коллективов к природно-климатическим условиям степной зоны Евразии. Социальные взаимоотношения у номадов в первую очередь определялись владением прав на землю и домашних животных, основываясь на принципах равенства в эксплуатации. Кочевой уклад основывался на ценностях уважения к природе, выражающихся в цикличности ведения традиционного хозяйствования с приоритетом сохранения поголовья скота и его грамотного перегона в зависимости от годового сезона. При этом, существенную роль играло обеспечение хозяйства водными запасами. Наблюдалось единство бытовой и хозяйственной составляющей самобытной жизни народа, относительно которых развивались и особенности традиционного института семьи и брака.

Исходя из этого, последний следует рассматривать исключительно в контексте конкретной культуры, временных рамок и территории проживания этноса.

Таким образом, этнокультурный феномен семейно-брачных отношений коренных этносов Южной Сибири определяется их сакральным характером, выражающимся как в ритуальных практиках, так и традиционных морально-этических установках, и нормах обычного права. Особенности семейно-брачных отношений коренных этносов Южной Сибири напрямую связаны с конкретным временным срезом. Так, в период конца XIX – начала XX вв. сохранялось значение патриархальных установок, связанных с традиционным мировоззрением и менталитетом. К факторам, повлиявшим на девальвацию семейных ценностей в XX веке можно отнести нивелирующий характер государственной национальной политики советского периода. Тем не менее, понимание и осознание базисных основ культурного кода привело к национальному возрождению коренных этносов, начавшемуся на рубеже XX-XXI вв.

2.2. Семейная десоциализация и социально-правовая профилактика семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири

В данном параграфе автором поставлены следующие задачи:

1. Интерпретировать понятие «десоциализация» традиционных семейно-брачных отношений.
2. Эксплицировать эффективные формы и методы предупреждения конфликтов и преступлений в сфере семейно-брачных отношений.

Исследователи коренных народов Сибири неоднократно обращались к теме семьи и брака, рассматривали функции парной семьи, семейную конфликтность и их социально-правовую профилактику. Под углом зрения данной проблемы важно отметить значительные исследования отдела социологии Института философии и права СО РАН (Новосибирск), а также исследования Г. Гончаровой, согласно которым «в современных условиях глобальных социокультурных изменений семья, оставаясь главным транслятором традиций, изменяется сама: меняется ее структура, а также характер взаимоотношений между супругами, между семейными поколениями. В то же время со структурой семьи тесно связан порядок и уклад ее жизни, ее обычаи и традиции, а также ее взаимоотношения с другими семьями и со всем обществом» [34, с. 119]. В условиях глобализации, техногенного развития происходят необратимые изменения в обществе, создающие опасность утраты исконных жизненных устоев, к важнейшими из которых относятся, в частности, этническое самосознание и традиционные семейные ценности. Их центральное место в этнической культуре обусловлено сохранением престижа традиционной семьи, как стержня социальных отношений. В связи с этим, актуальной научной задачей становится рассмотрение изменений аксиологических оснований в институте семьи и брака при учете возрастающего демографического спада в современной России в целом и Сибири в частности. Также трансформацией

ценностных ориентаций населения обуславливается уменьшение деторождаемости и количества заключаемых браков, рост таких форм брака как сожительство, увеличение числа неполных семей. Следует отметить, пристальный интерес к данной проблематике специалистами довольно широкой сферы общественных наук, в частности, социологии, которая фиксирует трансформацию традиционных ценностных ориентаций института семьи и брака в современном обществе. Это прослеживается в наблюдаемом несоответствии между традиционными ценностными установками относительно семейно-брачной жизни и нарушениями самобытных устоев поведения.

Результаты международных практик показали недостаток сложившихся к настоящему моменту финансовых и правовых механизмов, реализуемых в попытке разрешения проблем аборигенного населения. И здесь особо следует подчеркнуть такой фактор, как распад традиционных, родоплеменных институтов, являющихся наиболее удобными объектами политического воздействия со стороны государства. Потеря традиционных социальных институтов и ценностей объективно ведет к маргинализации представителей автохтонных общин, включая и их криминализацию. Все это создает условия для формирования и развития факторов, угрожающих социальной (в том числе и межэтнической) стабильности на территории Российской Федерации.

Обострению всего этого сложного переплетения проблем способствует и сложившаяся в постсоветской России ситуация, когда представители коренных народов (проживающих на территории Севера, Сибири и Дальнего Востока), в условиях разворачивания рыночных отношений, были вынуждены обращаться к традиционным формам хозяйствования, как единственно доступному для них источнику жизнеобеспечения. Как следствие, интенсивная практика присваивающих видов природопользования обусловила сокращение биомассы, поскольку к концу XX в. природные

условия ряда регионов Сибири уже не были в состоянии полностью обеспечить потребности людей.

Следует отметить, что отсутствие государственной поддержки коренным народам, после распада Советского Союза, наблюдалось на фоне кризиса социальной политики в целом. На сегодня, назрела необходимость выхода за рамки лишь запретов и ограничений хозяйственной деятельности (традиционной – охоты, собирательства и т.п.) со стороны государства. Как отечественный, так и зарубежный опыт указывает на необходимость выработки системного подхода, включая преобразования в самоуправлении, организации внутренней жизни автохтонных общин и анклавов. И здесь необходим научный подход к решению этносоциальных проблем, опыт реализации которого уже накоплен в регионах Сибири.

В различные исторические периоды семья выполняла множество разнообразных функций. С течением времени удельный вес тех функций, о которых мы будем говорить, естественным образом изменяется. Некоторые из них выдвигаются на первый план, а другие отступают или вовсе исчезают. К примеру, рождение ребенка выводит на первый план воспитательную функцию, а также бытовую.

Семьи, качественно и адекватно выполняющие большинство своих функций, имеют статус функциональных. Если же многие функции оказываются нарушенными, семьи считают дисфункциональными. Функции частично пересекаются, к примеру, обучающая и воспитательная, экономическая и хозяйственно-бытовая. Далее рассмотрим более подробно следующие функции.

1. Репродуктивная (биологическое воспроизводство населения). Данная функция занимается выполнением двух основных задач: воспроизводство общества и удовлетворение потребности индивидуума в детях. В социологических исследованиях отмечается, что для выполнения общественной задачи репродуктивной функции и гармоничного развития общества в семье должно быть трое детей [8, с. 176]. Но в последние

десятилетия в мировой и, в частности, в российской семейной практике, наблюдается снижение рождаемости из-за наличия различных социальных и экономических проблем.

2. Эмоциональная. Связанная с нуждами в психологической защите, взаимной заинтересованности, помощи и поддержке. Не выполнение данной функции приводит к негативным последствиям как внутри самой семьи, так и в обществе. Наиболее важной задачей данной функции является - сохранение психического здоровья семьи и социума.

3. Экономическая. Наиболее отчетливо прослеживается в традиционном обществе, так как в период аграрной экономики семья являлась основной производственной ячейкой общества. Характеризуется ведением общего хозяйства, организацией потребительской деятельности, помощью и поддержкой в случае экономических трудностей среди членов семьи, в том числе несовершеннолетние и нетрудоспособные.

4. Функция первичной социализации детей. Характеризуется поэтапным, поэтапным вовлечением подрастающего поколения в жизнь социума, разъясняя ему общепринятые нормы и правила, существующие в обществе. При этом первостепенным условием развития полноценной личности является близкий контакт ребенка со своими родителями, особенно в раннем возрасте. Воспитание в иных условиях приводит к социальной деприватизации и развитию синдрома госпитализма, поскольку воспитываемый индивид лишен возможности получения накопленных родителями навыков и социального иммунитета. Острота данного вопроса подтверждается тем обстоятельством, что дети, лишенные возможности воспитываться в семье, впоследствии испытывают затруднения, связанные с развитием навыков коммуникации, личностными нарушениями и расстройствами. Все это определяет их неприспособленность к жизни в социуме. Поэтому главное направление социальной политики в отношении воспитания детей-сирот в настоящее время – семейное воспитание.

5. Воспитательная. Существенно влияет как на младших, так и на старших членов семьи. Можно выделить следующие аспекты, определяющие данную функцию: воспитание личности ребенка в семье и обществе через динамично накапливающийся жизненный опыт, активное развитие его познавательных способностей и интересов; самовоспитание родителей через непрерывные педагогические и этнопедагогические воздействия на детей; новый социальный опыт личности каждого члена семьи, связанный с воспитанием и развитием ребенка. Сегодня воспитательная функция семьи существенно снижена.

6. Статусная (почти то же, что и «скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». К ребенку бизнесмена, например, некоторые будут относиться лучше, чем к ребенку дворника).

7. Хозяйственно-бытовая. Отвечает за обеспечение материальных и биологических нужд семьи – обеспечение питанием, одеждой и обувью, домашним имуществом, организация и эффективное расходование семейного бюджета. Также задачей данной функции является обустройство жилища и быта, создание в нем комфортных условий для проживания.

8. Духовно-психотерапевтическая. Данная функция призвана осуществлять эмоциональную стабильность как членов отдельной семьи, так и взаимодействующих с ними людей, обеспечивая реализацию потребностей, необходимых индивидууму. К таким потребностям можно отнести общение, понимание, уважение, эмоциональную поддержку. К задачам данной функции можно отнести также сохранение и развитие традиционных моральных и этических норм поведения человека в обществе.

9. Гедонистическая функция социального контроля. Отсутствие физиологического удовлетворения ведет к проявлениям тяжёлых психосоматических расстройств, влекущих за собой морально-эмоциональные волнения и стрессы. Регулярная половая жизнь является необходимым условием для поддержания семейных связей между супругами и ведет к гармонизации семейной жизни во всех ее сферах.

10. Досуговая. Представляет собой внепроизводственную деятельность, а именно, это то время, которое человек выделяет для смены видов активности, направляя ее либо к домашнему устройству, либо в сферу своих увлечений, что соответственно может влиять на укрепление связей внутри семьи. И здесь необходимо отметить потенциал сферы досуга для развития общекультурного, морально-эстетического, духовно-нравственного уровня семьи в целом.

В рамках темы исследования, направленного на формирование ценностей института семьи, пропаганду ответственного родительства и повышение социальной функции семьи, семейно-брачных отношений коренных и малочисленных народов Сибири, необходимо подчеркнуть, что функции парных семей заключаются в создании благоприятных условий для осуществления семьей своих функций по обеспечению благосостояния, воспитания, обучения и укрепления здоровья детей, развитию их способностей, обеспечению наилучших интересов.

В традиционных семьях коренных народов Сибири большое внимание уделялось нормам обычного права, основанных на обычаях и традициях народов, источниками которых послужили решения родовых обществ, решения совета старейшин, которые во все времена передавались устно от поколения к поколению.

На протяжении XIX в. региональная национальная политика Российского государства была направлена на сохранение традиционного образа жизни, обычаев и традиций коренных жителей Сибири. Так, «Устав об управлении инородцев» М. Сперанского предусматривал сохранение норм обычного права, в течение веков регулировавших порядок внутреннего уклада жизни общин автохтонных этносов. Следует отметить, что по этнографическим наблюдениям, многие элементы обычного права у коренных народов Южной Сибири практикуется и по сей день. «Изучение архаичных регуляторов позволяет рассмотреть закономерности развития права, влияние различных факторов на становление современных

институтов, а также особенности интеграции обычного права коренных этносов в правовую систему государства» [94].

В последние десятилетия характерен взгляд на обычное право, как на элемент правового уклада общества, практически на любом этапе его развития. В соответствии с этим, Ю. Семенов, анализирует обычное право, в качестве формы «общественной воли, наряду с табуитетом, моралью и собственно правом» [117, с. 152].

Согласно Д. Лаппо, обычное право коренных народов Северной Азии имеет длительную историю. «Материалы по обычному праву являются одним из важнейших источников не только для характеристики общественно-экономических и политических процессов у различных народов с древних времен, но и для решения проблемы развития мировоззренческих, религиозных и правовых установок у этих народов» [80].

Отправной точкой исследований в сфере обычного права можно считать 2-ю половину XIX в. В первую очередь, здесь следует упомянуть основополагающие труды М. М. Ковалевского и М. Ф. Владимирского-Буданова, которые вплоть до настоящего времени не утратили своего фундаментального значения [68].

Во 2-й половине XX в. вновь наблюдается повышение научного интереса к проблемам обычного права. Следует отметить характерное для российской науки данного времени стремление к комплексному рассмотрению указанных проблем, то есть, привлечению к научному диалогу как специалистов в сфере исторических наук, так и в области правоведения. На материале исследований традиций проживающих в России народов был сформулирован ряд выводов относительно проблем возникновения и формирования обычно-правовых систем, его особенностей и связанных с ними традиций, о месте обычного права в структуре социальных норм.

К примеру, Г. В. Мальцев определяет обычай как «сопутствующий развитию человечества от его древнего состояния до современности социальный институт, выполняющий регулятивные функции в человеческих

сообществах и группах в целях упорядочения отношений между людьми» [48]. Обычай представляет собой механизм саморегулирования группы, действующей как самоуправляющаяся, самоорганизующаяся и саморегулирующаяся структура. Он выступает как одна из форм, действующих в обществе нормативных регуляторов – правовых, моральных, религиозных и иных. Поэтому нет и не может быть абстрактных обычаев или обычаев вообще.

На сегодня, следует отметить недостаток комплексной изученности проблем функционирования обычного права в традиционных обществах, как с позиций исторических наук, так и иных дисциплин, объектом рассмотрения которых являются различные аспекты общественного развития. Исторически автохтонные жители Сибири практиковали специфические принципы обычного права, соблюдая их межпоколенную преемственность и неукоснительный характер для каждого представителя своих общин. При этом их соблюдение обеспечивалось в основном моральными санкциями (при отсутствии самостоятельных сфер права и морали). Функционирование рода в качестве целостной ячейки общества (в социальном и экономическом отношениях) обеспечивало и поддержание авторитета норм обычного права. Значительные изменения здесь наблюдаются в период XVIII-XIX вв., с усилением роли феодальных отношений в организации жизненного уклада. Это выражалось в социальной дифференциации общества и, как следствие, моральных норм, появлении механизмов давления со стороны элиты на основную массу населения.

Рассматривая обычное право хакасов, исследователь обычного права кочевников В.А. Рязановский условно подразделяет его на следующие элементы: «1) уголовное право; 2) семейное право; 3) земельное право; 4) наследственное право; 5) вещное право; 6) обязательственное право» [112].

Функционирование обычного права в обществе подразумевает и существование его субъектов, обладающих целостным комплексом этнокультурных маркеров своей этнической группы. И здесь следует

подчеркнуть значение института брака (включая брачные устои) как достаточно незыблемого элемента в структуре обычного права. Исходя из этого, анализ традиционных семейно-брачных отношений правомерно может рассматриваться как важнейшее условие детального, системного изучения культуры этноса. Ценность данного аспекта традиционных отношений определяется и тем обстоятельством, что семейно-брачные нормы коренных этносов практически не испытали инокультурного (в первую очередь, русского) влияния.

Рассматривая некоторые особенности семейных ценностей и трансформацию обычного права в современной культуре, исследователь Э. В. Енчинов анализирует семейно-правовые ценности, например, алтайцев, через отражение их в правовых обычаях и традициях. Он также подчеркивает роль и функции семейного права как регулятора общественных отношений и культурных процессов.

Исторически рубеж XX в. – XXI в. характеризуется кардинальными изменениями в жизненном укладе российского общества, повлекшими, в частности, пристальное внимание к этническим (этнокультурным и этнополитическим) проблемам, а также выработку новых исследовательских подходов к изучению функций обычного права [21]. В частности, ведущие позиции приобретает междисциплинарный характер исследований, а также концепция правового плюрализма. При этом, использование методологии и методики юридической антропологии, компаративный анализ известных науке форм общественных взаимоотношений определяет раскрытие их основополагающих механизмов. Это касается анализа внутренних структур как традиционного, так и современного типов общества. Следует отметить и значение обычно-правовых норм как источника изучения ценностных характеристик семейно-брачных отношений, а также показательного маркера этнической культуры в целом. Отечественные этнографы уделяют этому внимание с первой половины XIX в., однако сегодня заинтересованность целого ряда исследователей в изучении данной проблематики связана с

практикой включения обычно-правовых норм в структуру юридических отношений развитых государств. И здесь возникает необходимость анализа механизмов и последствий данного процесса [48].

В национальной политике дореволюционной России прослеживался курс, направленный на сохранение существовавших в среде коренных этносов норм и правил, закрепленных в обычаях и традициях. Следует отметить, что Сибирь была вовлечена в политические и правовые процессы, характерные, на тот момент, для империи в целом. Приращение национальных окраин, в частности Сибири, сопрягалось с административно-правовыми преобразованиями, которые на местном уровне включали в себя и элементы обычного права, интегрируя его в существующее законодательство империи. Интеграция основ нормативного уклада жизни автохтонных народов Сибири не влекла за собой коренной ломки регулятивной сферы их жизнедеятельности.

Серьезное внимание традиционным нормативным системам и способам судебного разбирательства автохтонных этносов Сибири уделяли в своих исследованиях А. В. Андрианов, Г. П. Сафьянов, Е. К. Яковлев, Н. Ф. Катанов, Ф. Я. Кон, Д. Каррутерес. В целом, их научная и просветительская деятельность относится ко 2-й пол. XIX в. и началу XX в. Однако такой вопрос, как правовое положение женщины в указанных традиционных обществах, не получил в это время детального освещения и анализа. Как следствие, наши представления по этому вопросу могут опираться лишь на разрозненные факты. Например, по данным этнографа Ф. Я. Кона, тувинцы не подвергали женщин серьезным истязаниям. В случае проступка со стороны женщины, пытали ее супруга. Как отмечал исследователь, «Пусть, мол, глядит и мучается. Авось это побудит ее к сознанию» [70].

В исследованиях обычного права последнего времени особо следует отметить тенденцию уделять меньшее внимание сфере семейно-родовых отношений, в пользу изучения динамики норм, регулирующих традиционное природопользование, системы жизнеобеспечения и экономическую сферу в

целом. Указанная ситуация, на наш взгляд, может расцениваться как научная проблема, поскольку ценность семьи как в традиционных, так и изменяющихся условиях определяется в первую очередь ее функцией социализации новых поколений, в том числе и правовой. И здесь мы сталкиваемся с необходимостью фиксации и анализа фактов, касающихся современной динамики правовых обычаев.

Мы рассматриваем семью как особым образом организованную совокупность людей, которая связана отношениями родства или семейными узами, ведением совместного хозяйства, а также социальной нуждаемостью. Уникальность семьи состоит в том, что несколько человек очень тесно взаимодействуют в течение длительного времени. На протяжении всей жизни семья регулярно сталкивается с самыми различными трудностями и неблагоприятными условиями – как внешними, так и внутренними. В такой системе интенсивного взаимодействия не могут не возникать конфликты и кризисы семейных отношений. Проблема конфликта всегда актуальна для любой семьи.

Роль семьи важна в продуцировании как нормального, так и отклоняющегося поведения. Именно семья определяет потребности, интересы, установки и другие характеристики личности, способствующие или препятствующие ее противоправному поведению.

Под семейным конфликтом мы будем понимать сознательное противостояние, с участием двух и более людей, имеющих различные несовместимые интересы и потребности, опровергающие приоритеты и цели поведения друг друга, а также отрицание установок, имеющих существенное значение для каждой личности и ее группы «Участники семейных конфликтов часто адекватно не осознают свои цели, скорее, они жертвы собственных неосознаваемых личностных особенностей и неправильного, не соответствующего реальности, видения ситуации и самих себя» [85].

Говоря о профилактике данных преступлений, некоторые ученые выделяют создание общей научной базы, в рамках которой разработано

большое количество «теоретических схем» по предупреждению преступности, а также классификаций по различным видам, категориям и группам преступлений [11]. Таким образом можно отметить, что наукой и практикой разработан богатый арсенал средств и методов профилактики преступлений.

Сфера семейно-брачных отношений имеет особые характеристики в отношении профилактики семейных преступлений. Под данным понятием рассматривается систематическое целенаправленное профилактическое воздействие как на членов семьи в отдельности, ведущих асоциальный образ жизни, так и на семью в целом. «Социально-правовая профилактика семейно-брачных отношений – это специфическая деятельность, особый вид социальной практики. Такая профилактика – это деятельность государственных органов и общественности, практически действующих в сфере семейных отношений: лично-семейных и общественно-семейных» [146, с. 69]. Реализуя профилактику такого вида преступлений семейные отношения видоизменяются, устраняя или нейтрализуя причины и условия семейной конфликтности. Функции социально-правовой профилактики ориентированы на каждую из семей, в которых обнаруживаются или потенциально возможны криминальные явления. Следует отметить, данная профилактика имеет воздействие исключительно на семью, что отличает ее от других видов социальной практики. В данной ситуации основой является работа с конкретными субъектами в условиях семейного окружения.

Формирование у индивидуума поведения, адекватно отвечающего интересам семьи и общества на современном этапе является одной из самых необходимых задач. При решении данной проблемы достаточно сложно отделить личность от семьи, так как работа с отдельным человеком в каждом конкретном случае подразумевает возвращение определенных качеств и привычек у индивида, которые не могут появляться и изменяться вне связи с семьей, семейной жизнью. Свойства личности являются результатом семейного воспитания, воздействия на личность семьи, социальной среды.

Поведение человека формируется под воздействием постоянно окружающей его семейной атмосферы. В связи с чем, выделяя основной объект профилактики семейно-брачных конфликтов, необходимо определить его как единство личности и семьи. Таким образом имеется в виду только личностно-семейные отношения.

Данные вопросы раскрывают не только с цели, задачи и основные направления данной практики, но и её содержание. Во-первых, это связано с выделением лиц, в отношении которых необходимо осуществлять профилактику путем постановки их на соответствующий профилактический учет, а также созданием классификаций, типологий и созданием информационной базы о таких лицах.

Во-вторых, касаясь органов общей системы профилактики (организации, службы и подразделения, а также имеющиеся в их ведении силы и специальные средства) необходимо принять меры для усиления действенной профилактики. В-третьих, содержание профилактики, её формы, средства и методы, определяющие суть работы, её направленность, пределы функционирования не имеют нормативной поддержки относительно семейных преступлений, так как в практике используются лишь общие принципы. При этом, необходим ответ на вопрос, каким образом возможно увеличение эффективности при профилактике семейных преступлений. Особое значение приобретает организация такой профилактики. Семейные преступления, однако, совершаются, стало быть необходимо повышать эффективность их предупреждения.

Предупреждение семейно-брачных конфликтов, и, как следствие, преступлений, с точки зрения его основополагающих принципов, по нашему мнению, возможно рассмотреть следующим образом:

- социально-бытовой контроль за подучетными семьями, а также за лицами, имеющими акцентуации за периоды своей жизни, а именно ранее судимые, рецидивисты, состоящие на психиатрическом учете, способные совершить преступление внутри семьи;

- «административный надзор за лицами, которые отбыли наказание в виде лишения свободы за семейные преступления» [50, с. 39];

- вычленение при регистрации преступлений, преступлений, совершенных в семье, с целью получения подробной информации о мотивах и формах их осуществления;

- виктимологическая профилактика семейных преступлений.

Все вышеуказанные мероприятия, способы и средства должны быть обеспечены путем реализации следующих организационных принципов: «информационное обеспечение, взаимодействие, правовое регулирование и т.д. Основой же начал организации является компетентное решение задач предупреждения, связанного с конкретной профилактической деятельностью, которой должны заниматься не только правоохранительные и иные государственные органы, но и общественность» [50, с. 39].

Семья является для многих основным и единственным инструментом помощи в жизни. Проблема насилия в семье в условиях краха практически всех остальных институтов поддержки человека со стороны государства и общества не позволяет оставаться равнодушными даже людям, привыкшим к регулярному чтению криминальной хроники, именно что порождает стремление всячески её укрепить и не допустить негативных тенденций в своей собственной ячейке общества.

Роль семьи важна в продуцировании как нормального, так и отклоняющегося поведения. Именно семья определяет потребности, интересы, установки и другие характеристики личности, способствующие или препятствующие ее противоправному поведению.

Для дальнейшего исследования необходимо рассмотреть следующие типы семей:

Криминогенная семья, по словам Д. Шестакова, - это семья, в которой допускается практика правонарушений кем-либо из ее членов. В расширенном понятии это вся семейная экосистема, подверженная наличию

криминогенных факторов, создающих условия для совершения преступлений любым членом семьи [148, с. 293].

Конфликтная семья является разновидностью криминогенной семьи, в которой наличие конфликтов может способствовать совершению того или иного вида преступлений, причем, как внутри семьи, так и за ее пределами.

Действие разработанного в постсоветское время «Семейного кодекса Российской Федерации» распространяется на территорию национальных республик Южной Сибири – субъектов Российской Федерации. В связи с этим, на наш взгляд, правомерно рассматривать федеральные показатели статистики как репрезентативные по отношению и к национальным республикам Южной Сибири. Во всех регионах Сибири в 1990-е гг. снизились показатели рождаемости. На фоне окружного и федерального показателей снижения рождаемости, относительно высокими были цифры по республикам Тыва и Хакасия. Изменения в формах брачного и репродуктивного поведения оказывают противоречивое воздействие на рождаемость: с одной стороны, уменьшается количество заключаемых браков, следовательно, сокращается доля брачных рождений; с другой стороны, растёт доля внебрачных рождений.

В первое десятилетие XXI в. наиболее высокие темпы прироста в СФО занимали Тыва и Алтай, особенно в период с 2007 г. и последующих нескольких лет. В эти годы в регионах Российской Федерации проводился достаточно активный курс государственной демографической политики. И здесь необходимо подчеркнуть существенную роль государственной программы материнского капитала, в повышении рождаемости населения. И здесь обращают на себя внимание более высокие показатели рождаемости в национальных регионах Сибири, по сравнению с преимущественно русскими по составу населения регионами. Так, в 2010 г. при среднесибирском коэффициенте рождаемости 14,1%, в Тыве он равнялся 26,9%, в Республике Алтай – 20,5%, в Хакасии – 15,1%. На фоне роста общих репродуктивных установок в стране, реализация потребности в детях у коренного населения

республик определялась и национальными традициями, испытывающими значительное давление со стороны глобализационных процессов.

По статистике, в современной России на 34 млн. супружеских пар приходится 3 млн. незарегистрированных браков. Увеличивается число детей, рожденных вне брака. Закрепляется тенденция роста числа внебрачных рождений детей, при этом каждый десятый ребенок рождается у матерей моложе 18 лет. Увеличение числа разводов, в комплексе с внебрачной рождаемостью приводит к росту неполных семей. Следует отметить, что 4,2 тыс. человек в возрасте моложе 16 лет состоят в браке, из них 2,3 тыс. человек – в незарегистрированном [96].

Достаточно показательна здесь ситуация, связанная с динамикой разводов в национальных республиках Южной Сибири. На основании проведенного нами анализа статистических данных за период середины 1990-х - второй половины 2000-х гг. была выявлена общая для всех республик волнообразная тенденция снижения количества разводов в 2000 году и затем возрастания к 2007 г. с незначительным превышением исходных показателей. Так, например, в Республике Хакасия в 1995 году было зарегистрировано 2601 развод, в 2000 г. – 2472, в 2007 г. – 2801; в Республике Тыва: 1995 г. – 590, в 2000 г. – 480, в 2007 г. – 603; в Республике Алтай: в 1995 г. – 759; в 2000 г. – 673; в 2007 г. – 911. Выявленная на основании статистических данных, ситуация напрямую указывает на процессы десоциализации, общие для всей Российской Федерации рассматриваемого периода.

У коренных этносов Сибири, согласно параграфу 16 «Проекта Степных законов»: «Власть родителей к лицу всех детей прекращается единственно со смертью их. Отношения между родителями и детьми, как имущественные, также личные отношения, пронизаны патриархальными порядками. Семейные отношения строятся по принципу полного подчинения младших старшему. Дети полностью зависят от родителей» [124, с. 100-101].

В последнее десятилетие XX в. появились новые тенденции в экономике и занятости населения, повлекшие за собой рост негативных социальных факторов, в частности сокращение производства и, как следствие, рост безработицы и усиление имущественного расслоения. При этом возникавшие на этой почве противоречия порою затрагивали родственников, в том числе в рамках одной семьи. В этих условиях резко возрастал уровень социальной напряженности, который определял и внутренние отношения как в семьях, так и в семейных локальных группах.

Коренные народы Сибири проживают в Российской Федерации по тем же законам, как и все народы России. Будучи весьма сложным общественным феноменом, семья выступает как индикатор социальных изменений, поскольку является зеркалом общества на определенном историческом срезе. Составляя первооснову человеческого бытия, семья обладает непреходящими ценностями, позволяющими выполнять специфические социальные функции. В ценностях выражается значимость тех или иных явлений, их роль в общественной системе. В процессе культурно-исторического развития общества в условиях семейного бытия формируются ценностные установки, нормы и поведенческие ориентиры личности [141, с. 63-67].

В современном российском государстве нормы семейного права не работают в должной мере. Несоблюдение прав ребенка является одной из ключевых проблем семейного права. По результатам многих исследований нормы Семейного кодекса Российской Федерации практически бездейственны в отношении защиты приоритетов государства, касающихся высших ценностей, закрепленных в Конституции Российской Федерации, где здоровье семьи и детей является приоритетом [6, 320]. Это подтверждается исследованием И. Дементьевой, содержащем статистику регулярных правонарушений в российских семьях. Так исследователь приводит данные о насилии в отношении детей со стороны родителей и близких родственников, в том числе, приводящем к их гибели [38, с. 104].

По оценкам ООН, «в мире насчитывается 150 млн. беспризорных детей в возрасте от 3 до 18 лет, и их число растет с каждым днем. Предполагается, что к 2020 г. число беспризорных детей увеличится до 800 млн.» [153]. На сегодняшний день в Российской Федерации количество беспризорных детей колеблется от 2 до 5 млн.: «В России – «третья волна» беспризорности, безнадзорности, неграмотности и преступности подростков» (статистика) [100].

Особо следует отметить и проблему нарушения прав приемных детей в современной действительности. Тысячи усыновленных детей были подвержены действиям насильственного характера, что во многих случаях повлекло за собой смерть [118].

Говоря о русской модели семьи, следует подчеркнуть ее патриархальную основу, сакрализацию материнского культа, присутствие символики женского и мужского, которая была заимствована и в советскую модель семьи. Необходимо отметить особую роль матери в воспитании и воспроизводстве молодых поколений. Приоритетная роль матери являлась фундаментом для укрепления института материнской семьи. Этим было обусловлено умаление роли отца в семейных правоотношениях, что не способствовало адекватному развитию отцовства [26, с. 102]. Л. Денисовой усматриваются причинно-следственные связи фактического видоизменения статуса женщины после объявления равенства полов после 1917 г. На протяжении XX столетия, государством осуществлялся поиск путей его практического применения, основываясь на формировавшейся социалистической идеологии, где в приоритете жизненных позиций у женщин был исключительно общественно-полезный труд.

Однако, при сохранении женских обязанностей в сфере воспитания детей и поддержания домашнего быта, провозглашенное равноправие на практике стало для женщины дополнительной нагрузкой [39, с. 57]. Так, С. Дармодехин оценивал семейную политику советского периода

исключительно с позиций ее несоответствия реальным потребностям людей [36, с. 24].

Следует отметить, для семейных отношений дореволюционной и советской эпох, преобладающей была культ матери и материнства. Он являлся стержневой основой модернизовавшихся семейных отношений, в которых, однако, главенство мужа и отца определялось его статусом кормильца. В соответствии с периодизацией советского общества, выделяются и этапы формирования семейной политики:

- 1917 г. – середина 1920-х гг.;
- середина 1920-х гг. – середина 1950-х гг.;
- 1954 – 1991 гг.» [111, с. 91-95].

Первый этап характеризовался послаблением в правах и свободах, закрепленных нормами семейного законодательства, находящихся под запретом в Российской империи второй половины XIX в. Также прослеживалась общая тенденция либерализации основ семейного права в целом. Социальная политика того времени выражалась в декларируемых нормах равноправия полов, предусматривавших, в частности, упрощенный порядок как регистрации брака, так и его расторжения. При этом развитию эмансипации способствовала акцентуация на нормативном закреплении возможности прервать беременность. Тем самым государство взяло на себя право контролировать и планировать общую рождаемость. Декларативность принятых норм на государственном уровне не являлась прогрессивным шагом в установлении равноправия женщин, поскольку финансово и морально женщина оставалась в полной зависимости от мужчины, с сохранением ее ответственности за заботу и воспитание детей. В случае получения развода, женщина была обречена на бедную жизнь, так как в соответствии с законом о раздельном владении супругами имуществом, жена не имела права на совместно нажитое в браке имущество [26, с. 105].

В связи с тем, что большинство советских женщин в 1920-е гг. не работали, они находились в прямой финансовой зависимости от супругов,

что приводило к минимизации развивающегося законодательства того периода. В течение последующего десятилетия, законодатель вынужден был разрабатывать проекты законов об общности совместно нажитого супругами имущества, таким образом формализм так и не возымел результатов в правоприменении. Существенной процедурой легализации прав женщин был нововведенный порядок процедуры расторжения брака через органы ЗАГСа путем односторонней подачи заявлений.

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что вырабатываемые советским государством правила общежития исторически настолько изменили институт семьи, что привели к формированию комплекса современных проблем в семейно-брачных отношениях.

Коренными народами Южной Сибири на протяжении долгого исторического развития был выработан комплекс сложных, а иногда и мельчайших правил, регулирующих взаимоотношения поколений, которые были основаны на принципе, который был известен со времен эпох древневосточных культур: «Горе и боль народу, у которого младшие перестают почитать старших». Обычное семейное право коренных народов неразрывно связано с историческим развитием народов, отражало в целом правовую систему патриархально-феодалных отношений с сильно выраженными родовыми пережитками. Многие юридические обычаи, к примеру, хакасов (калым, плата «за грудное молоко» матери и т.д.) имеют параллели в правовых системах других скотоводческих народов Южной Сибири, что свидетельствует об общих условиях их исторического развития. Обычное право разрешало брать вторую жену, если по истечении шести лет первая жена не родит сына или останется бездетной. Когда же и от второй жены были одни дочери, то еще через шесть лет можно было брать третью жену. Более трех жен иметь запрещалось [131, с. 155].

Многоженство практиковалось только у богачей. Наряду с баями по две-три жены имели некоторые шаманы – пугдуры [69]. Большим позором для девушки считалось рождение внебрачного ребенка – сураc, это

выражалось в плате за неё небольшого калыма. Обычно узнавали имя отца внебрачного ребенка и заставляли его жениться. Если парень отказывался, то должен был заплатить ады-тоны – коня и овчинную шубу – и за бесчестие 25 рублей. Кроме того, он обязан был передать в дар барана для матери ребенка с целью приготовления мунджук. Ребенку же, рожденному от него, дарился чергек – овчинный комбинезон. Если парень не мог заплатить указанные ады-тоны, то аальный суд в лице главы селения аал пазы наказывал его 25 ударами розог по обнаженному торсу [18, с. 165].

В последние десятилетия в России широко исследуется такое направление, как семейная криминология, которое изучает условия формирования деструктивных детерминант в семейной среде, а также социальное влияние в целях предупреждения преступности.

Известный советский и российский криминолог, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный редактор журнала «Криминология: вчера, сегодня, завтра», основатель российской школы криминологии (криминофамилистики) Д.А. Шестаков справедливо отметил, что семья в криминологии соотносится с личностью преступника, она рассматривается как сфера, в геометрическом центре которой находится нарушитель закона. Семья имеет двойное значение в совершении преступлений: она может влиять на совершение преступлений и способствовать их предупреждению. Так, В.А. Серебрякова и А.П. Сыров справедливо отмечают, что сфера семейно-бытовых отношений имеет особое место в жизнедеятельности человека и общества. Определяется это тем, что в зависимости от своих качественных характеристик она может в значительной степени снизить, или наоборот усилить антикриминогенную либо криминогенную силу воздействия общих социальных условий. Поэтому семейно-бытовая сфера заслуживает особого рассмотрения в рамках предупреждения семейной преступности.

Семейные конфликты могут происходить как между родителями и детьми, между родственниками (свойственниками), так и между супругами.

Конфликты, которые возникают в семье, могут формировать и агрессивное поведение, в том числе и насильственное. К самым тяжким преступлениям, совершаемым в семье, относятся внутрисемейные убийства (чаще всего это убийства детей или супругов). Д. А. Шестаков под внутрисемейным насильственным преступлением понимает преступное, которое совершается одним из членов семьи в отношении своих родственников [149]. Т. Сидоренкова приводит следующую неблагоприятную статистику по преступлениям, совершённым в семейно-бытовой сфере: ежегодно только семейным насилием обусловлены свыше 30% убийств, а количество погибших от рук своих партнеров-сожителей и других членов семьи женщин достигает в год 14 тысяч. На супружеские убийства приходится 65% всех преступлений в сфере семейных отношений, что составляет 25% всех совершаемых в России убийств. При этом Б.Г. Тугельбаева отмечает, что в России в составе семейно-бытовых преступников, совершивших убийство, удельный вес женщин почти в два раза выше, чем в целом по всему контингенту преступников. Но при этом убийства и причинение телесных повреждений женщины совершают в большинстве случаев в результате виктимного, провоцирующего поведения потерпевших, в числе которых обычно выступают мужья и сожители виновных [132, с. 56].

В правоохранительной практике также достаточно часто встречаются детоубийства, вызванные как семейными противоречиями, так и личными амбициями, а также другими фактами.

Значительную роль в изучение феномена супружеских убийств внесли такие известные криминологи, как Д.А. Шестаков и В.С. Харламов. Так, Д.А. Шестаков справедливо отмечает, что 37% семей, где впоследствии было совершено убийство, уже заявляли в ОВД о ссорах и драках. В связи с этим представляется, что существует необходимость уделять большее внимание ранней профилактике внутрисемейных конфликтов, что в свою очередь будет способствовать предупреждению внутрисемейных преступлений. Д.А. Шестаков под предупреждением понимает социальный процесс, систему

различных по уровню, масштабу и содержанию мер, направленных на правомерное поведение людей, на нейтрализацию причин и условий преступности [148, с. 23]. А. Ахматов, развивая научную школу Д. Шестакова, дает следующее определение: противодействие внутрисемейным преступлениям – одна из составляющих общей политики реагирования на преступность со стороны государства, которая состоит в обеспечении правомерного, позитивно направленного поведения, в воздействии на присущие институту семьи детерминанты преступного поведения, всю систему криминогенных семейных факторов, в предотвращении и разрешении конфликтных ситуаций, а также во включении семьи в процесс профилактики преступного и правонарушающего поведения любых видов [13].

Проблема внутрисемейного насилия глобальна. Члены семьи, прежде всего супруги, становятся жертвами агрессивных действий значительно чаще, чем посторонние преступнику люди. Это относится как к мелким эксцессам, связанным с незначительным причинением вреда здоровью, так и к более серьезным преступлениям, включая убийства.

Рассматривая семью как общественный институт, который воздействует на общество с точки зрения морали и социального предназначения, можно сделать вывод, что отсутствие позитивного семейного влияния на индивида влечет за собой развитие криминального поведения. Семья имеет дуалистический характер, в котором структурно она подразделяется на поколения (отец-мать, родители-дети, старшее поколение-младшее поколение). К основным характеристикам семьи также относятся: проживание на одной территории, ведение одного общего хозяйства, стремление к осуществлению единых целей, объединяющих всех членов семьи.

С каждым годом женщины-преступницы становятся более жестокими, что определяется условиями формирования конфликтных ситуаций в семейной среде и отсутствием видимых возможностей для их разрешения.

Конфликты, переходящие в неконтролируемые действия, провоцирующиеся чаще всего на бытовой почве, приводят к преступлениям, где на первый план выходит провоцирующее поведение потерпевших, в лице которых выступают мужья и сожители виновных [12, с. 54].

Обратимся к фактам. В Республике Алтай отмечается печальная статистика по поводу женской преступности. Так, в 2017 году было осуждено 12 женщин; в 2018 году – 25 женщин. На сегодняшний день в Онгудайском районном суде Республики Алтай находится 3 уголовных дела в отношении 3-х женщин. Следует сказать, что женщины наравне с мужчинами стали совершать преступления в состоянии алкогольного опьянения. Необходимо отметить, что отсутствие и недооценка предупреждения противоправного поведения женщин и низкий уровень профилактической деятельности могут привести к негативным последствиям, которые будут способствовать росту женской преступности [99].

В Хакасии возбуждено уголовное дело против местного жителя, который, желая отомстить супруге, расправился с тремя своими детьми. Убийство произошло в селе Зелёное Усть-Абаканского района республики.

В г. Саяногорске, (Республики Хакасия) завершено расследование уголовного дела в отношении мужчины, обвиняемого в совершении ряда преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также покушении на убийство несовершеннолетней.

Следователем Следственного комитета во взаимодействии с сотрудниками уголовного розыска ОМВД России по городу Саяногорску проделана значительная работа по сбору и закреплению доказательственной базы. Несмотря на то, что мужчина не признал своей вины, следствием собран комплекс доказательств, подтверждающих его вину: назначены и проведены судебно-генетические, судебно-медицинские, психиатрические экспертизы, допрошены потерпевшая, свидетели. Следствием собрана достаточная доказательственная база, в связи с чем уголовное дело с

утвержденным обвинительным заключением направлено в суд для рассмотрения по существу [119].

Приоритетную роль в предупреждении правонарушений и преступлений среди асоциальных матерей и малолетних преступниц реализовывают инспекции по делам несовершеннолетних, но при этом, в целях осуществления полноценного комплекса мер и действий по предупреждению роста женской преступности, деятельность данных подразделений, при всех вмененных им функциях, является неудовлетворительной. В целях предупреждения женской преступности весомую роль, на наш взгляд, следует отвести созданию особых служб, в структуре правоохранительных органов, которые бы специализировались на мониторинге семейно-бытовых конфликтов.

Вышеуказанные службы должны включать в свой состав специалистов в области психологии, криминологии, медицины. Для более продуктивной работы в деятельность таких подразделений также должны быть включены специалисты, работающие со специальными криминалистическими и оперативно-розыскными компьютерными базами учета преступлений, совершаемых женщинами. Данный аспект поможет правильно квалифицировать и организовать работу с потенциальными преступницами на индивидуальном уровне. Это также позволит успешнее раскрывать преступления.

Современные ученые в сфере криминологии и психологии фиксируют рост в сторону омоложения преступного возраста женщин. Главным образом они связывают это с неблагоприятными социально-экономическими изменениями в стране, что сказывается и на росте криминальной активности. Процент безработных женщин в общем числе неработающих составил 42%.

Исходя из результатов анализа вопросов, связанных с женскими правонарушениями в Республике Тыва, можно отметить, что «меры по эффективному предупреждению женской преступности должны осуществляться не только усилиями органов внутренних дел, но, прежде

всего, посредством целенаправленной деятельности государства, основанной на четко разработанной программной политике. Необходима разработка национальной программы, направленной на повышение системы защиты матерей в семье, оказание помощи женщинам, ведущим антиобщественный образ жизни, отбывающим наказание в виде лишения свободы» [51].

Новые программы по улучшению методов и форм борьбы с преступностью, несущие в себе огромное профилактическое значение, включают ряд конкретных предложений как специального, так и общего характера, непосредственно относящихся к организации жизнедеятельности женщины и защиты семьи в общечеловеческом смысле [7]. При этом, не все меры являются достаточно эффективными по предупреждению женской преступности. На современном этапе в республике сформировалась следующая обстановка, в которой полиция осталась единственной организацией, способной на практике противостоять угрозе нарастания преступности, в том числе и посредством ее профилактики. К таким документам относится принятая в 2014 году «Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года».

Семья в известной мере является моделью взаимоотношений индивида с обществом, она выполняет функцию социализации, т. е. приспособления человека к жизни в обществе. Можно сказать, что «всякое умышленное преступление свидетельствует о том, что семья данного преступника если не способствовала случившемуся, то, по крайней мере, не оказала этому должного противодействия. Общество в принципе ожидает со стороны семей облагораживающего воздействия на входящих в их состав людей» [151, с. 110-114].

Как известно, семейные отношения строятся в целях удовлетворения культурных и эмоциональных предпочтений семьи, что, в свою очередь, требует от каждого из членов семьи соблюдения определенных правил и норм, а также принятия в определенных случаях условий с целью реализации допустимых интересов членов семьи. Практически в каждой семье

существуют факторы, способные привести к конфликту, который в свою очередь может воплотиться в преступное деяние. Поэтому от умения найти правомерные способы в решении семейных конфликтов может зависеть как психическое состояние человека, так и его здоровье, а иногда и жизнь.

Представляется, что профилактика в криминогенных семьях должна ставить перед собой задачу предотвратить преступление посредством изменения межличностных отношений в семье. Семейная профилактика особенно актуальна и перспективна для предотвращения насильственных преступлений против членов семьи. Обычно семейные конфликты выражаются как в моральном насилии, так и в физическом. Причиной таких конфликтов обычно служит повод показать «кто главный в семье».

В предупреждении внутрисемейных убийств активную роль играют различные государственные и общественные институты, специализированные и неспециализированные субъекты профилактической деятельности, различные формирования граждан.

Заслуживает внимания и оперативного внедрения в практическую деятельность семейно-брачных отношений предложение В.С. Харламова о том, что целесообразно инициировать организацию при медицинских учреждениях обучающих курсов разрешения внутрисемейных конфликтов, преодоления отчуждения поколений и т.п. Также он отмечает, что следует нормативно закрепить обязанность социальных работников Министерства здравоохранения и социального развития вести учет одиноких матерей и проводить в необходимых случаях профилактику жестокого обращения с детьми. В школах, по его мнению, необходимо провести обследование подростков на предмет выявления у них повышенной тревожности, склонности к конфликтам, а также организовать обучение их различным методам самоконтроля и бесконфликтного поведения.

Таким образом, основным способом предупреждения семейных конфликтов и внутрисемейных убийств являются социальные меры. Так, по средствам деятельности различных социальных учреждений возможно

осуществление коррекции семейных отношений путем устранения или нейтрализации факторов, вызывающих преступное поведение. В связи с этим, рассмотрим некоторые из социальных мер противодействия внутрисемейной преступности и внутрисемейных убийств.

В Российской Федерации существует достаточное количество субъектов социально-правовой профилактики внутрисемейных преступлений, эффективность деятельности которых имеет различное значение. При этом следует согласиться с А.А. Ахматовым, который отмечает, что «социальные меры противодействия внутрисемейной преступности наиболее эффективны тогда, когда они происходят не «сверху», от властных органов, а «снизу», от «общины», от различных инициативных групп, от местного самоуправления, от так называемой коммунальной превенции преступлений» [13]. В связи с этим следует, что главенствующее значение в противодействии внутрисемейным преступлениям имеют социальные службы, кризисные и консультативные центры.

Для изменения сегодняшней ситуации в России важно использовать все положительное из уже разработанного, внедренного и апробированного в других странах. В качестве так называемой страны-ориентира эффективнее всего использовать США. Для этого есть ряд оснований: именно в США впервые в мире такое социальное явление, как насилие в семье было признано проблемой национального масштаба. Это произошло в 1962 г. после опубликования Г. Кемпом и его коллегами в журнале Американской медицинской ассоциации статьи «Синдром избиваемого ребенка».

Соединенные Штаты добились огромного прогресса в борьбе с насилием в отношении женщин. В марте 2013 года при подписании обновленного Закона о насилии в отношении женщин (Violence Against Women Act) президент Обама отметил: «Когда Джо (Байден) писал этот закон, домашнее насилие зачастую рассматривалось как частная проблема, которую люди предпочитали не выносить на публичное обсуждение. Жертвы

слишком часто молчали, понимая, что могут навлечь на себя позор ... И потому одним из великих достижений этого закона является то, что он не просто изменил правила поведения в обществе – он изменил нашу культуру. Он дал возможность людям говорить открыто ... И это ясно дало понять жертвам насилия, что они не одиноки, что у них всегда есть, куда пойти к кому обратиться за поддержкой и что люди всегда будут на их стороне» [84, с. 167-176].

В Германии предусмотрена уголовная ответственность за оставление ребенка до 14 лет одного даже на 10 минут. В России же родители, оставившие малыша без присмотра на детской площадке, практически никогда не оказываются на скамье подсудимых.

В Великобритании оставление детей в возрасте до 14 лет одних без присмотра взрослых считается уголовным преступлением. Создано специальное государственное Агентство по защите детей, которому поручено заботиться о том, чтобы несовершеннолетние британцы не испытывали финансовых трудностей, не голодали и не подвергались насилию ни дома, ни на улице. Большую роль играют также британские социальные службы, которые следят за тем, чтобы маленькие дети не оставались без присмотра взрослых [101].

Согласно данным Н. Ловинг, сегодняшний экономический кризис активизировал корыстную мотивацию, кроме того, обострились межнациональные конфликты, а внутри семей под давлением внешних обстоятельств люди стали как будто терпимее друг к другу, что может несколько понизить долю внутрисемейных преступлений в структуре преступности [161].

Согласно поставленным задачам параграфа, можно сделать следующие выводы. Традиционный самобытный уклад семейно-брачных отношений коренных народов Сибири предполагает, что детей-сирот у них практически нет, поскольку детей, оставленных без попечения родителей, берут на воспитание родственники, так как обычно широко бытовала традиция

усыновлений, другими словами, – рационального «перераспределения» детей между многодетными и бездетными семьями. Приемные дети почитались, их любили, ничем не отличали от родных. Отношение к усыновленным становилось даже лучше, когда в этой семье начинали рождаться родные дети.

В то же время отмечается, что негативные явления (алкоголизм, наркомания, токсикомания) в современности приобретают глобальный характер. Злоупотребление психоактивными веществами можно рассматривать как заболевание, распространение которого происходит внутри национальных обществ. Распространенность данных отрицательных явлений в национальных регионах являются факторами, в отношении которых должна осуществляться социально-правовая профилактика семейно-брачных конфликтов.

Профилактика семейно-бытовых конфликтов, связанных с домашним насилием, осуществляется органами прокуратуры, юстиции, судов, МВД, ФСБ. Мероприятия, реализуемые данными структурами, направлены на недопущение социальных конфликтов и преступлений в семейно-бытовых и брачных отношениях. При этом в национальных обществах большую роль играет обычное право, основанное на традициях, обычаях, культуре, выполняющих нормативные-правовые функции.

Профилактика семейно-брачных отношений у коренных народов Саяно-Алтайского региона регулируется общинными нормами и обычаями. Проблемы, возникающие в семейных отношениях, касается как самих членов семьи, так и окружающего их социума, так как деструктивные семейные отношения, влияя на поведение супругов и их детей, не могут не привлекать внимание общества.

Хотелось бы согласиться с Тугельбаевой в том, что семейные проблемы – это уже не внутреннее дело семьи, как считалось раньше, а вопрос, требующий вмешательства на государственном уровне. Основными средствами в их решении являются социальные меры, направленные на

укрепление семейных отношений. Поэтому в 2007 году в послании Президента России было указано о необходимости укрепления семейных ценностей, о необходимости выдвижения всех семейных проблем в самый центр государственной и общественной жизни для подготовки долгосрочной государственной политики в этой сфере [132].

Современные семейно-брачные отношения коренных и малочисленных народов Сибири в том виде, в котором они предстают в настоящее время, согласно историческим данным конца XVIII – начала XXI в. – это явление длительной историко-культурной эволюции.

Перемены в традиционной семейно-брачной обрядности коренных и малочисленных народов Сибири сложились в результате «бытовых контактов с русским населением и деятельностью христианской церкви на территории Сибири» [126, с. 133]. Христианство достаточно глубоко проникло в семейно-брачные отношения алтайцев, хакасов, шорцев, телеутов, чулымцев и др., становясь при этом элементом современной обрядности. Большой научный интерес вызывают исследования Н. О. Тадышевой (Томск, 2010); Е.М. Тоцаковой (Новосибирск, 1973); Л. И. Шерстовой, И. В. Октябрьской, В. Д. Славина (Новосибирск, 2005) и др. В монографии Ф. А. Сатлаева (Горно-Алтайск, 1974) анализируются материалы о религиозных представлениях и обрядах кумандинцев [145]. Наследие Ф. А. Сатлаева широко известно в научном мире. Он замечательный ученый, посвятивший свою жизнь изучению своего народа, его традиций и обычаев. Он первым поднял проблему исчезновения малых народов, населяющих республику Алтай. И это неспроста. Ученый с мировым именем, пользовавшийся огромным авторитетом среди своих коллег, был сыном маленького и в то же время почти забытого народа, населяющего север гор Алтая. Он был кумандинцем. Его сердце болело за свой народ [1]. Данные относительно трансформации национальной обрядности в результате христианизации представляют огромный интерес в этнографическом плане. Традиционные обряды и их бытование в алтайской семье рассматриваются в

исследовании Н.И. Шатиновой «Семья у алтайцев», где также выявлена динамика трансформации традиционных семейных обрядов. Изучение семейно-брачных отношений коренных и малочисленных народов Сибири в современном обществе рассматривались в контексте различных вопросов.

Для современных семей, в том числе семейно-брачных отношений, характерно такое понятие, как десоциализация. Десоциализация – это потеря субъектом по разным причинам общественного (социального) опыта, которая отражается на его жизнедеятельности и потенциале самореализации в общественной среде; это разновидность криминогенной семьи, в которой имеется эффект десоциализации.

Учитывая, что внутрисемейные отношения являются сложным элементом в сфере правового воздействия. В связи с этим оказание эффективной помощи по предупреждению семейного насилия можно возложить чаще всего на опытных специалистов: психологов, конфликтологов. В целях успешного предупреждения различных форм насилия в семье необходимо создавать экстренные и действующие постоянно, реабилитационные службы и центры социально-психологической помощи семьям с различной деструктивной деформацией. Такие службы будут содействовать устранению негативного психологического и эмоционального климата в семье, а также конфликтов между ее членами за счет анализа ситуации и корректировки способов взаимодействия между членами семьи. Существующие в системе профилактики пробелы в деятельности служб, оказывающих помощь жертвам семейного насилия посредством повышения эффективности в работе органов внутренних дел, позволят увеличить диапазон способов решения проблем в конфликтных, неблагополучных семьях.

Создание вышеуказанных служб необходимо учреждать при каждой районной администрации, либо при прямом соподчинении администрации области (на уровне субъекта РФ). На наш взгляд, в штате районной службы целесообразно наличие не менее двух психологов, ряда социальных

работников, а также медицинского работника. Также необходимо учитывать, что в случае сложных жизненных ситуаций целесообразным является предоставление квалифицированной юридической помощи (юрист по договору). Первоочередным является наличие «горячей линии» («телефонов доверия»), формирование приютов (убежищ) для временного пребывания лиц, подвергшихся насилию в семье.

Оказание психологической, медицинской, юридической помощи при работе данных служб могло бы осуществляться путем консультирования, проведения различного рода тренингов, бесед. Это позволит определить спектр возможных разновидностей работы с семьями, при сложных жизненных обстоятельствах, подразделяя их на социальные, к которым можно отнести различные формы материальной поддержки, помощь в решении проблем с получением образования, профессиональной переподготовки или с трудоустройством; и медицинские – анонимное лечение от алкоголизма, наркомании. Одним из эффективных методов в профилактике насильственных преступных посягательств на женщин и детей являются психологические тренинги, включающие в себя раскрытие необходимости обучения по самообороне, в рамках которых осуществляется подготовка к противостоянию самого факта насилия над обучаемым, либо членом его семьи, и обучение основным приемам самообороны.

В направлении контроля и профилактики насильственных действий в семье и их результатов существуют следующие формы работы:

- устранение и избавление от психологической травмы после насилия;
- формирование позитивного отношения к жизни;
- проработка перспектив по изменению взаимоотношений в семье, в том числе между самим субъектом и насильником;
- разработка и внедрение разнообразных программ психологической поддержки;
- реализация поддержки со стороны людей, испытавших внутрисемейное насилие.

Для формирования позитивного отношения при работе с конфликтными семьями, где в состав семьи входит неродной родитель, важным является выработка правильного, доброго и непредвзятого отношения у детей к новому браку родного родителя. В семьях, где есть мать и отчим (отец и мачеха), родителей необходимо обучать тому, каким образом выстраивать свои отношения с детьми, применяя различные действенные методы воспитания, применяющиеся в современной психологии. Важным в рекомендации при работе с неблагополучными семьями (характеризующимися низким материальным достатком, наличием лиц, состоящих на психиатрическом и наркологическом учете, постоянными конфликтными отношениями родителей и детей) является проведение в общеобразовательных учреждениях диагностирования, в целях выявления напряженных ситуаций, с перспективой предотвращения конфликтов, опираясь на основные методы исследования, путем анкетирования и тестирования как детей, так и их родителей, а также близких родственников. К примеру, братьев и сестер, в том числе сводных, старших членов семьи, проживающих совместно, с помощью специалистов, имеющих профильное образование и соответствующие навыки (например, психологов, семейных конфликтологов, юристов-криминологов). При разработке вышеуказанных тестов, анкет в целях выявления педагогической несостоятельностью родителей, деформацией их ценностной ориентации, необходимо привлекать специалистов в различных сферах человеческой жизнедеятельности: педагогов, социологов, медиков и др.

Среди современных исследователей проблемы семейно-брачных отношений хакасов рассматриваются в трудах этнографа, доктора исторических наук, профессора В. Я Бутанаева – в таких его работах, как: «Традиционная культура и быт хакасов» (Абакан, 1996), «Этническая история хакасов» (М., 1990) и др. Автор рассматривает художественные традиции семейно-бытовых праздников и обрядов, посвященных наиболее важным вехам человеческой жизни.

Динамика брачно-семейных отношений у хакасов сегодня является объектом достаточно пристального внимания со стороны представителей общественных наук, в частности, этносоциологического направления. Так, в первой половине 2000-х гг. был опубликован ряд монографических трудов таких авторов, как Ю. В. Попков, В. Г. Костюк, В. Н. Тугужекова, Г. С. Гончарова, Л. Я. Савельев и З. В. Анайбан. Опираясь на результаты собственных эмпирических исследований и анализ собранного в полевых условиях материала, авторы представляют системную характеристику социально-политических, этнических факторов, определяющих современные проблемы и дальнейшие перспективы развития коренного населения Сибири, включая брак и семью [133].

Рассматривая семейно-брачные отношения коренного населения предгорий Северного Алтая, В. Николаев отмечает кардинальные этнокультурные изменения, произошедшие за последнее столетие [95, с. 230]. В свою очередь Л. Шерстова, отмечает незаконченность процессов этнического развития и отсутствие сформированного самосознания в среде автохтонных этносов [147, с. 164]. Это подтверждалось и наблюдениями В. Вербицкого, который также не выделял отдельные этносы в среде населения предгорий Северного Алтая [24, с. 268]. При этом В. Радлов продолжал выделять челканцев, тубаларов, кумандинцев и другие группы, у которых усматривал признаки национального самосознания и схожий комплекс обычаев и обрядов [110, с. 122-123]. Исходя из вышеизложенного, необходимо учитывать неоднозначный характер межэтнических браков в среде автохтонного населения, включая проблемы, связанные с этноконфессиональными различиями и традициями. К примеру, на начало XX в. фиксировался неуклонный рост числа аборигенов, принявших христианство. Следует отметить, что данная ситуация определялась деятельностью Алтайской духовной миссии (АДМ) на всем протяжении ее существования. Так, если до 1830 г. было крещено на Алтае 300 язычников, то к началу XX в. несколько десятков тысяч [64, с. 17, 25, 56].

Современные семейно-брачные отношения коренных народов Сибири своеобразны и интересны, во многом сохраняют свои традиционные элементы, при этом имеются кардинальные различия по этому вопросу у мужчин и женщин разных возрастных поколений и этнических групп. Различия взглядов у поколений на семейные ценности дают возможность оценить динамику их формирования, а различия взглядов у представителей этнических групп позволяет составить представление о существовании и изменении традиций в сфере семейно-брачных отношений.

Анализируя происходящие изменения в семейно-брачных отношениях у населения Республики Тыва, исследователи М. А. Хольшина и Ю. В. Бутанаев подчеркивают ухудшение демографических показателей в республике, негативное отношение к институту семьи, поскольку именно в семье формируются и протекают демографические процессы. Семьи становятся малодетными, растет число одиноких людей, высокой остается смертность населения. Растет детская безнадзорность и беспризорность, множество детей воспитывается в неполных семьях или брошены родителями на попечение государства. Особенно настораживает факт, что традиционные нормы, существующие у народов России в сфере семейно-брачных отношений, трактуются в ряде средств массовой информации как пережитки прошлого, свидетельство отставания от «передовых цивилизаций». В то же время медиками и демографами установлена связь между подобного рода «рыночными трансформациями» таких ценностей как любовь, брак и семья среди молодежи и ростом заболеваемости СПИДом, сифилисом и другими болезнями, передаваемыми половым путем, а также ростом внебрачной рождаемости, распадом семей и другими аномалиями в данной сфере отношений [140, с. 55-58].

Как в условиях самобытного кочевого уклада, так и в рамках современной глобализации, несмотря на ее разрушительные воздействия, семья была и остается высшей ценностью традиционного тувинского общества. Кочевой образ жизни предполагает регулярное перемещение с

пастбища на пастбище, в связи с этим, каждый член семьи, состоящей из ряда поколений, постоянно задействован в хозяйственной деятельности в суровых природно-географических зонах. Согласно своеобразного морально-этического кодекса, характерного для кочевых этносов Южной Сибири, существовала традиция передачи знания родословной своих предков до девятого поколения [66, с. 52]. Далее, семья являлась сложной самоорганизующейся системой по своему составу, что служило механизмом защиты от кровосмешения в условиях сложной кочевой жизни. Сегодня данная традиция также практикуется, благодаря чему сохраняется структура родственных связей, которые, являются более предпочтительными, нежели профессиональные. Тем не менее, в среде отдельных представителей молодежи, проживающих, в основном в городских условиях, наблюдается отход от традиционного ценностного отношения к родственным связям. На наш взгляд, это можно оценить с позиций реальной потери значимости такого понятия как «род», в том числе на уровне традиционных установок и ценностных идеалов. Порою, это выражается, в стремлении использовать данные родственные отношения в корыстных целях, например, карьерного роста. И здесь задействуется традиционный механизм взаимоотношений между родичами, затрагивающий как сферу ценностей, так и психологических установок, которые тесно переплетаются между собой [83]. В связи с экономической обособленностью современной семьи все чаще проявляются установки на личное обогащение и благосостояние, в отличие от традиционных ориентаций, связанных с успехом, богатством, достоинством и честью всего рода. Клановость в обществах, во многом сохраняющих традиционный уклад, в том числе родственные взаимосвязи, сегодня подменяются нездоровыми отношениями, которые приходят на смену родовым обычаям предшествующих поколений.

Советская система образования, создавая школы-интернаты в местах компактного проживания коренных народов, в целом руководствовалась задачами повышения общего образовательного уровня. Но при этом

наносился огромный ущерб традиционному воспитанию: дети были оторваны от своих корней, теряли навыки традиционного природопользования и хозяйствования (например, охоты, кочевого скотоводства). Одним из негативных следствий этой системы стала детская безнадзорность и беспризорность, как новое явление в тувинском обществе. Дети, обучаясь в интернатах, не имели возможности тесного общения с родителями и родственниками, постепенно утрачивая семейные связи и навыки [79, с. 101].

В традиционном тувинском обществе и в настоящее время существуют такие деструктивные явления как семейное насилие, наркомания и алкоголизм, на фоне которых зачастую происходят несчастные случаи. Дети из таких семей вынуждены воспитываться в детских домах, интернатах. Тем не менее, отношение к детям в тувинском обществе выражается в традиционных установках на продолжение рода и трепетном к ним отношении [5, с. 52]. Согласно исследованиям, у тюркоязычных народов Южной Сибири, существовал такой обычай: если семья по каким-либо причинам не могла иметь детей, они брали ребенка на усыновление у многодетных семей [66, с. 58].

Нормой современного общества стало принудительное вмешательство государства в семейные отношения, когда по анонимным звонкам, письмам дирекций школ, многих родителей лишают родительских прав, не вникая глубоко в суть проблемы. Тувинское общество не стало исключением, хотя в традиционной культуре близкие и дальние родственники несли ответственность, брали на себя воспитательные функции [127, с. 185].

Особое внимание следует уделить взаимоотношениям между мужем и женой, в традиционной тувинской семье. Традиционно, семейный союз являлся сакральным понятием, что обуславливало и отсутствие разводов. Созданию семьи тувинцы уделяли огромное внимание, придерживаясь традиционных канонов и ориентируясь, прежде всего на воспитание нового поколения, в рамках всего комплекса традиционных ценностей. То есть,

основная идея заключалась в создании союза не для удовлетворения личных потребностей (как это принято в настоящее время), а для естественного воспроизводства этноса, со всеми присущими ему ценностями, стержневыми основами культуры и мировоззрения, путем преемственности накопленного на протяжении веков опыта.

Стабильность внутрисемейных отношений обеспечивалась во многом за счет рационального распределения социальных ролей в традиционном обществе. Так, к примеру, исконно мужским занятием у тувинцев являлась охота, где мужчина проявлял свое мужество, честь и отвагу. В настоящее время мужчинам сложно где-либо проявлять свою «мужественность». Как указывает И. С. Тарбастаева, сегодня тувинская семья, в особенности в условиях города, претерпевает значительные изменения, в связи с нарушением традиционных поведенческих, социальных ролей. Это выражается и в расплывчатом характере обязанностей супругов, что объясняется новыми формами занятости.

Традиционный образ жизни аборигенных жителей Южной Сибири подразумевал прохождение испытаний, связанных с исконными занятиями, такими, как охота, животноводство и земледелие. Одним из первых испытаний традиционно считалось умение противостоять холоду. Вторым испытанием являлось мастерство в управлении лошадью без помощи снаряжения. Далее можно отметить умение объезжать лошадей при помощи аркана, с расстояния не более девяти метров. Также мужчина должен был ориентироваться в следах, оставленных дикими и домашними животными. Это означало, что мужчина обязан был преодолеть девять опасностей, что служило своеобразным показателем достойного члена рода [66, с. 87]. Сегодня отход от традиционных занятий (которые всегда были сопряжены с изнуряющими нагрузками) во многом обусловил и размытость статуса мужчины в тувинском обществе, так как новые виды деятельности не предполагают подтверждения им своего ведущего положения в семье, на фоне искусственных удобств, созданных в рамках городской среды.

Специальные навыки, обусловленные ведением номадного хозяйства и передающиеся от стариков к внукам, от родителей к детям, в условиях современности абсолютно неприменимы и, следовательно, не представляют такой ценности, каковой они являлись в традиционном обществе. В новых условиях, наоборот, более четкий социальный статус женщин проявляется благодаря освоению ими таких сфер профессиональной деятельности, как образование, наука, медицина и др. При этом, сохраняя свою прежнюю роль хранительницы очага, женщина, в то же время обретая иной социальный статус, выходит за рамки общепринятых статусных установок, создавая серьезную конкуренцию мужчине. В традиционном обществе подобного смешения ролей, и попирания статуса мужчины произойти в принципе не могло [127, с. 263].

В современной семье коренных народов Сибири характер внутрисемейных отношений во многом зависит от социального статуса супругов, от их уровня образования, от вклада в семейный бюджет, от типа семьи. Так, например, в семьях с равными социальным, финансовым, образовательным и культурным уровнем, как правило, все семейные вопросы решаются супругами совместно. При этом, на сегодняшний день тенденции усиления роли женщины в семье, в первую очередь выражаются в материальной независимости женщин и, как следствие, в достаточно жестких требованиях при выборе супруга. Указанное обстоятельство во многом определяет сложности данного выбора. В отличие от женщин традиционного общества современные женщины коренных тюркоязычных этносов Сибири имеют возможность планировать появление детей, их количество, имеют право отказываться от материнства. При этом, одним из следствий естественного стремления к материнству является рост числа внебрачных детей, что связано с изменением отношения к статусу матерей-одиночек в последние годы.

Изменение взглядов современного общества на бракоразводный процесс проявляется в относительно толерантном отношении к процедуре

расторжения брака и к разведенным женщинам, которые в большинстве случаев, выступают на первых ролях, что противоречит установкам традиционного общества. Также, в традиционном обществе принадлежность детей к роду отца была абсолютной, а на сегодняшний день, в большинстве случаев, дети после развода родителей остаются с матерью. Все это свидетельствует о достаточной независимости и самостоятельности женщин, о перераспределении ролей в современной семье.

В настоящее время внутрисемейные взаимоотношения можно назвать демократическими, так как нередко статус главы семьи получают женщины. Это определяется как различиями в уровне образования, так и в социальном статусе в целом. В отличие от установок традиционного общества, современные женщины более ориентированы на самореализацию в профессиональной деятельности, постоянное повышение уровня образования, участие в научной и управленческой сферах. Следовательно, в современной культуре женщина выполняет более широкий спектр социальных ролей. В настоящее время социальные роли женщины не ограничиваются хозяйственной и репродуктивной функциями, но также включают в себя сферы, традиционно принадлежавшие мужчинам.

Исходя из изложенного выше, необходимо подчеркнуть, что глобализационные процессы и сопутствующие им изменения фундаментально изменяют структуру социальных отношений в традиционном обществе коренных народов Южной Сибири. Все это способствует деформации модели традиционного брака и кризису семьи в ее традиционном понимании. И в этих условиях, семья выступает как индикатор изменений в обществе, так и помощник в адаптации к современным условиям.

По оценкам исследователей на первый план в современной семье выходят межличностные отношения супругов, принимая уже новую форму супружеского брака. «Семейный союз – прежде всего союз мужчины и женщины, именно от этих двух начал рождается новая семья, и именно в их

руках содержится счастье друг друга и их детей, поэтому роль взаимоотношений мужчины и женщины неоднократно возросла. Меняется общество, меняются и представления, традиционно связанные с ролью и значением того и другого пола» [22, с. 51; 23, с. 63].

Муж в современной семье, требуя от супруги самостоятельности, независимости, инициативности, в то же время ждет от нее покорности, слабости, и принятия его главой семьи. Таким образом, традиционная патриархальная модель вступает в противостояние с современными условиями, при которых женщины и мужчины становятся равноправными. В качестве примера можно отметить текст распространенного сегодня объявления о поиске партнера для совместных отношений: «Светловолосый мужчина спортивного телосложения 35-180-80, в/о, предприниматель, для создания семьи познакомится с доброй, хозяйственной девушкой 23-30 лет, желательно яркой, эффектной брюнеткой». Следовательно, исходя из указанного, можно отметить замещение представлений об идеале современной женщины (яркая, эффектная) и патриархальных суждений об ее роли в семье (добрая, хозяйственная). Основанные на принципах равенства отношения супругов означают сегодня утрату исконного ценностного содержания мужского и женского начал. Американский психолог-гуманист XX века Эрих Фромм делает следующий вывод: во взаимоотношениях полов имеют место достаточно серьезные проблемы, которые определяют жизненные перипетии большинства людей [136].

В настоящее время проблемы института семьи, семейно-брачные отношения переживают сложные времена. Негативные тенденции в эволюции семейно-брачных отношений, такие как: снижение рождаемости, рост внебрачной рождаемости, бракоразводные процессы, малообеспеченные семьи и т.д. несут угрозу демографической безопасности России. В целом российская семья находится в состоянии кризиса. А. И. Антонов считает, что индикаторами современного кризиса в семейно-брачных отношениях являются сокращение естественного воспроизводства новых поколений, в

том числе учащение случаев сознательного принятия решения не рожать детей, а также оставление их родителями без поддержки [7, с. 18]. Здесь же исследователь отмечает семейное неблагополучие в целом, в том числе и его крайняя форма – насилие, провоцирующее расторжения браков, отказ от детей в пользу государственных, специальных учреждений, которые занимаются воспитанием и дальнейшей судьбой брошенных детей. 15 % - это та статистика семей, которые сегодня не имеют детей (бездетные) [9, с. 6].

Особо здесь следует отметить стремительное падение процента состоящих в браке граждан, с параллельным процессом увеличения количества детей, рожденных вне брака. С каждым годом начиная с 1990-х годов, снижается число браков. Исходя из статистических данных, в девяностых годах рождаемость, в целом, была ниже, чем смертность. Если обратиться к статистике и цифрам, то можно отметить, что на 1000 человек смертность составляла более 16 человек. В эти годы происходил процесс депопуляции населения (то есть, стремительное сокращение его численности) [81].

Для характеристики десоциализирующих тенденций в семейно-брачных отношениях необходимо прежде всего обратиться к основным дефинициям рассматриваемой в данном параграфе проблемы.

Социализация – процесс усвоения и активного воспроизводства индивидом знаний, социальных норм, образцов поведения. В ходе взросления индивидуум овладевает набором ценностных установок и культурных навыков, которые составляют основу социального поведения, то есть, одобряемые его формы, необходимые ему для нормальной жизнедеятельности в обществе. Под социализацией понимается, прежде всего, включение индивида в общество, в систему общественных отношений посредством надления его (индивида) общественными свойствами. При этом общество (через свои институты, в том числе семью) предоставляет набор социальных позиций; наделяет индивидов свойствами (знаниями, профессиональными навыками, умениями), необходимыми для занятия

имеющихся («предоставленных») позиций; определяет механизм распределения индивидов по позициям.

Десоциализирующая семья – разновидность криминогенной семьи, в которой имеется эффект десоциализации [148, с. 84-88].

«При отсутствии государственной программы адаптации семьи к переходному состоянию общества, семья сама методом проб и ошибок, ценой больших лишений «нащупывает» механизмы выживания. В современных условиях значительно изменяются социальные функции семьи. Например, большим преобразованиям подвергается экономическая функция семьи. Рыночные отношения значительно ускорили отказ от патерналистского, иждивенческого сознания семьи и понимание того, что выживание семьи – дело рук самой семьи (по принципу «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих»)» [139, с. 484.]. В современном мире семья и семейные отношения выступают как альтернатива разных видов собственности. Это фермерская семья как экономическая единица. Форма экономической деятельности семьи – это индивидуальная или кооперативная деятельность. В условиях утверждения рыночной системы и экономической нестабильности безработица может коснуться каждой семьи. И это способствует сохранению и разведению подсобного хозяйства, например, разведение мелкого и крупного рогатого скота, и других домашних животных. Также широко практикуется ведение приусадебного хозяйства, в рамках дачных кооперативов и сообществ [33].

Рассматривая данном параграфе современные тенденции и эволюцию семейно-брачных отношений коренных и малочисленных народов Сибири, необходимо подчеркнуть, что особенностью этих народов является то, что еще недавно они жили в условиях традиционного общества. Это значит, что на специфику семейно-брачных отношений оказывали решающее влияние естественно-природные условия: бесконечные просторы тайги и тундры, необъятность простирающегося над степью голубого неба, величественность Байкала, Алтайских и Саянских гор, внушающие жителям этих регионов

чувство благоговения и любви к природе, духам – хозяевам местности. Отношения людей с природой рассматривались, скорее с позиций уважения и почитания, чем подчинения и управления. Данный тип мировоззрения позволял тюркским, а также монгольскимномадам поддерживать экологический баланс в местах своего традиционного проживания [73, с. 268]. Традиционные для коренных народов Сибири вековые признаки многодетной семьи – рождение детей и межпоколенные связи постепенно утрачивают свою ценность. Кризис многими понимается по-своему, отдельные ученые отмечают, что само признание существования кризиса является весьма благоприятным признаком – оно свидетельствует о возможности восстановления «нормальных пропорций в современном сознании».

Национальные республики Сибири – Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия, а также Кемеровская область (компактное проживание шорцев и телеутов) не стали исключением. Кризисные перемены, происходящие в процессе социально-экономического развития республик, привели к постепенному изменению основ традиционного уклада жизни коренных народов Сибири [114]. В социально-психологическом плане эти явления можно рассматривать как изменения ценностных ориентаций, системы отношений человека к образу жизни, к внутренней и внешней среде, как степень психологической адаптации или дезадаптации, например, отношения в семье, к своему народу и другим национальностям, к здоровью, питанию, природе, культуре и этноконфессиональным традициям. Можно выделить определенный ряд общественных проблем, которые имеют отношение к смене социального строя и к кризисному расслоению общества, ведущему к ухудшению общественного климата, на фоне деструктивных проявлений наркомании и алкоголизма [105]. Также это проявляется в рецидивах поведения, отклоняющегося от общепринятых норм, вплоть до преступной деятельности, в формировании подростковых криминальных сообществ. Большинство исследователей усматривают прямую зависимость кризиса

института брака с указанными процессами. И это особенно характерно для традиционных культур народов, миновавших целые ступени социального развития.

В традиционной культуре воспитание личности происходит через призму системы ценностей, которая характерна образу жизни конкретного локального сообщества. Обладая комплексом знаний, умений и навыков в рамках жизнедеятельности традиционного общества, в то же время являясь творцом и хранителем культурных ценностей, личность перенимает опыт, выработанный предыдущими поколениями. В связи с чем, для своего времени он является гармонично развитым существом, находящимся под защитой своей культуры, и позиционируя себя биологически адаптированным к жизни в ареалах конкретной территории, ощущая духовную привязанность к ней, он становится поддерживаемым своей естественной средой. Традиционное сообщество обладает относительно ограниченным набором культурных практик, что облегчает, в известной степени, человеку овладение всем накопленным предыдущими поколениями опытом. Все это служит основой стабильного самоощущения человека в обществе, твердого знания своего места и роли в нем. Соблюдение принятых обрядово-ритуальных форм гарантирует гармоничное взаимодействия индивида и общества [54]. По словам Н. Исаковой в традиционном обществе культура становится, наряду с природой, как-бы заслоном для человека, от внешних негативных воздействий. Следует отметить двойной характер такой защиты, то есть, наличие двух ее сфер: как естественной, так и выработанной членами этнической общности [54]. Поэтому современная культура не может в должной мере выполнить роль защитного пояса для человека (точно также нарушилась и защитная функция природной организации человека). В этом заключается основной конфликт существования культуры во времени [54, с. 27].

Сегодня в процессе общественного развития, взаимовлияния и взаимообогащения культур возрос феномен духовно-нравственного развития

личности, стремящегося к свободе в соответствии с принципами демократии. Современная жизнь выдвинула перед каждым этносом на передний план общечеловеческие ценности, которые вырабатываются в семье и отражаются семьей. Эти ценности стоят выше любых интересов отдельных людей, отдельной семьи, социальных групп.

Специфика этнодемографической ситуации, сложившейся к настоящему времени в национальных районах Сибирского федерального округа, представляет особый интерес. В Кемеровской области проживают коренные малочисленные народы – шорцы (ареал расселения этнической группы не представляется единым территориальным массивом). В нем отчетливо выделяются два анклава: северный, охватывающий часть Новокузнецкого и Междуреченский административные районы, а также южный, укладывающийся в рамки Таштагольского района. Телеуты проживают в пределах трех муниципальных районов – Беловского, Гурьевского, Новокузнецкого и одного городского округа – Беловского [91].

Дисперсный характер расселения шорцев прослеживается и на уровне отдельных административных единиц, к примеру, сельских территориальных образований. Фактически сельское сообщество шорцев не представляют собой территориально сконцентрированной группы населения. Населенные пункты с их участием распределены на обширных территориях очаговым способом и нередко существенно отдалены от крупных административных центров и друг от друга. Зачастую мелкие поселки и села располагаются вокруг «центральных усадеб» с относительно высокой численностью и обычно смешанным национальным составом.

Часть коренных народов Сибири – алтай-кижи (общая численность 74, 2 тыс.чел, данные Всероссийской переписи населения 2010 года), буряты (461, 4 тыс), тувинцы (263, 9 тыс), хакасы (73, 0 тыс.), якуты (478, 1 тыс.) – являются титульными этносами национальных сибирских республик. Другие – долганы (7, 9 тыс.), кеты (1, 2 тыс.) манси (12, 3 тыс.), нганасаны (862 чел.), телеуты (2, 6 тыс.), шорцы (13, 9 тыс.), селькупы (3, 6 тыс.) и т.д. имеют

статус коренных малочисленных народов Севера. Они характеризуются численностью менее 50 тыс. человек [153].

На современном этапе процессы семейно-брачных отношений обследованных этнических групп в целом соответствуют общему направлению демографического развития населения России. Ярко выраженной этнической специфики воспроизводства коренных малочисленных этносов в настоящее время не отмечается. Это связано с широким кругом проблем, требующих совместного действия общества и государства.

Институт брака и семьи, вне зависимости от этнокультурной принадлежности является одновременно и общественным институтом, и социальной группой, обладающей специфическими чертами жизнедеятельности народа. Опираясь на результаты исследований целого ряда общественных наук, можно уверенно причислить семью к наиболее важным, с точки зрения выполняемых в социуме функций, социальным институтам [40]. На протяжении всей истории человечества наблюдается процесс изменений и преобразований в семейно-брачной сфере. Это относится и к современному периоду. Историческая перспектива изучения семьи в современной науке вызывает интерес к семейным и брачным отношениям, к традиционному семейному укладу и его трансформациям в контексте современной цивилизации [32].

Оценивая современное состояние семейно-брачных отношений коренных народов Сибири, необходимо отметить некоторые противоречия, имеющиеся в современных взглядах на положение семьи. Исходя из того, что институт семьи и брака находится в кризисном состоянии, тем не менее он не теряет своей актуальности в современном социуме. В связи с этим освещаемая тема подлежит дальнейшему, более углубленному изучению и подразумевает поиску новых, адекватных современности, путей решения обозначенных проблем.

В мире, насыщенном средствами коммуникаций, обнаруживается, что в «пространстве» сознания каждого индивида пересекаются, накапливаются различные духовно-культурные спектры. Оказывается, отмечает В. Библер, что восточный спектр ценностей, западный спектр ценностей, средневековый, христианский, нововременной, просвещенческий, возрожденческий смыслы бытия не уходят в прошлое, не распределяются по гегелевской «лестнице снятия» и «восхождения», в которой одно – ниже, другое – выше, одно – ступенька к другому. Эти культурные спектры одновременны и имеют смысл только по отношению друг к другу, находясь в диалогическом общении друг с другом, сопрягаются в повседневном сознании индивида.

Если в локальном мире традиционной культуры коренные народы Сибири, освоив нормы поведения, традиции и обычаи среды, могут обезопасить свое существование, то современный мир заставляет его сопоставлять спектры ценностей, осмысливать реальность, исходя из норм и традиций той культуры, носителем которых он является, совершать постоянно выбор, чтобы не отстать от темпа жизни и вписаться в колею культуры современного социума.

Таким образом, духовный мир индивида постоянно ищет надежную опору в разноликом, разноцветном мире. И здесь крепким фундаментом его духовного формирования призвана стать традиционная культура с ее общепринятыми традициями, обычаями, семейно-брачными отношениями, ибо, чтобы понять окружающий мир, чужую культуру, нет лучшего способа, чем познание через национальные образы, менталитет, вскормившие и воспитавшие человека.

Современные тенденции семейно-брачных отношений должны строить профессиональные отношения с различными государственными и общественными институтами, специализированными учреждениями профилактической деятельности, различными формированиями граждан. Так, социальные службы, кризисные и консультативные центры, убежища

для лиц пострадавших от насилия в семье, общественные организации, которые осуществляют работу с проблемными семьями, в которых были диагностированы акты насилия в семье, осуществляют информационно-просветительскую работу с правонарушителем о виде и сроках наказания за совершение различных правонарушений и преступлений.

Подводя итоги параграфа, можно отметить что функционирование традиционных обычаев и норм поведения в обществе коренных этносов Южной Сибири подразумевает существование его субъектов, обладающих целостным комплексом этнокультурных маркеров своей этнической группы. Это исторически сложившаяся система норм, зафиксированных в сознании, и позволяющая регулировать общественные отношения, в том числе и в сфере семейно-брачных отношений. Действенность данной системы обеспечивается общественным мнением и убеждением в ее правомерности. В обычно-правовых нормах коренных этносов Южной Сибири, относящихся к семейному праву, отражены решения традиционных институтов управления и власти, которые передавались устно от поколения к поколению.

Десоциализация традиционных семейно-брачных отношений – это потеря субъектом по разным причинам, общественного (социального) опыта, которая отражается на его жизнедеятельности и потенциале самореализации в общественной среде; это разновидность криминогенной семьи, в которой имеется эффект десоциализации. Десоциализирующая семья – разновидность криминогенной семьи, в которой имеется эффект десоциализации.

К эффективным формам и методам предупреждения конфликтов и преступлений в сфере семейно-брачных отношений относятся:

- 1) Создание реабилитационных центров или служб социально-психологической помощи семьям, с целью профилактики и устранения семейных конфликтов; реализация различных программ психологической помощи;

- 2) Создание приютов (убежищ) временного пребывания, в частности для жертв семейного насилия;

3) Создание «горячих линий», «телефонов доверия», пунктов психологической помощи, так как данные службы могли бы оказывать психологическую, психотерапевтическую, социальную, медицинскую помощь;

4) Организация тренингов по самообороне, с целью обучения начальным и действенным приемам самообороны, а также психологической подготовки к возможному факту насилия.

5) Проведение консультаций по регулированию взаимоотношений в семье, в том числе между пострадавшими и насильниками; организация поддержки со стороны лиц, переживших факт насилия в семье.

На современном этапе к основным функциям социально-правовой профилактики семейных конфликтов относятся:

1. Обеспечение соблюдения норм семейного права в рамках сложившейся законодательной базы;
2. Укрепление и трансляция базовых ценностей традиционных семейно-брачных отношений;
3. Контроль и предупреждение семейно-брачных конфликтов и их последствий.

Выводы по II главе.

Особенности традиционного института семьи и брака коренных этносов Южной Сибири были обусловлены единством бытовой и хозяйственной сфер жизни. Преобразование данного социального института повлияло на традиционные семейные ценности, которые, с одной стороны, потеряли свою актуальность в связи с переходом к новым условиям жизни, а с другой, находятся в процессе становления.

На наш взгляд, в настоящее время социально-правовая профилактика семейно-брачных конфликтов в национальных регионах Южной Сибири должна осуществляться в отношении распространенных деструктивных явлений, таких как несоблюдение прав ребёнка, агрессивное и насильственное поведение, внутрисемейные убийства и др. Профилактика

семейно-бытовых конфликтов у коренных народов Саяно-Алтайского региона, осуществляется как государственными службами, так и традиционными нормами и обычаями. Это связано с тем, что деструктивные семейные отношения, влияя на поведение супругов и детей, не могут не привлекать внимание общества.

Вместе с тем, анализ данной ситуации позволил нам выделить следующие формы и методы предупреждения конфликтов и преступлений в сфере семейно-брачных отношений: создание реабилитационных центров или служб социально-психологической помощи семьям; создание убежищ временного пребывания; создание «горячих линий», «телефонов доверия», пунктов психологической помощи; организация тренингов по самообороне; проведение консультаций по регулированию взаимоотношений в семье.

Особенности трансформации семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири:

- разрушение традиционных (родовых) связей в семейно-брачных отношениях коренных этносов;
- увеличение бытовой, внутрисемейной конфликтности;
- увеличение социальной занятости женщин в ущерб традиционным нормам морали;
- деформация социальных ролей вследствие влияния негативных сторон жизни общества в течение XX в. – алкоголизма, наркомании, а также влияния массовой культуры;
- сохраняющаяся устойчивость традиционного уклада семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири;
- позитивные влияния основ народной (традиционной) культуры на семейно-брачные отношения – социальный оптимизм, историческая преемственность (историческая память), а также повышение уровня образования и воспитания как дополнения к культурно-исторической динамике бытия коренных народов Южной Сибири.

Заключение

Семья как социокультурный институт обеспечивает стабильность в обществе коренных народов Южной Сибири посредством важнейших традиционных ценностей и норм. На современном этапе традиционная культура подвергается деформациям, определяемым целым рядом факторов. В этой связи, достаточно актуальной является перспектива выработки мер, способствующих адаптации коренных народов Южной Сибири к новым социокультурным условиям.

Проблема нашего исследования заключалась в рассмотрении противоречий между патриархальной (традиционной) формой семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири и современными тенденциями в ее функционировании. Существование данных противоречий ставит вопросы о вариативности форм адаптации традиции к изменениям социокультурной среды и различных следствиях подобных процессов.

Методологическую основу исследования семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири составили социокультурный и ценностный подходы. Первый позволяет рассматривать проблему исследования в контексте взаимозависимости индивида, социума и культуры. Второй базируется на идее преемственности и устойчивости традиционной аксиологической системы.

В связи с этим, значение самобытно-патриархального уклада семейно-брачных отношений как социокультурного института коренных народов Южной Сибири определяется преемственностью традиционных форм брака в рамках сложившейся системы ценностей, норм поведения и обрядовых элементов, определяющих нравственные, психологические и ритуальные аспекты национальной культуры.

Термин «культурно-историческая динамика семейно-брачных отношений» определяется нами как траектория развития систем родства, внутрисемейных ролей и связанных с ними ценностей, морально-этических

норм, общих и для других аспектов традиционной культуры коренных этносов. Исследование условий и факторов рассматриваемой динамики позволило выявить влияние внешней социально-культурной среды на развитие семейных ценностей, что позволило раскрыть характер трансформации традиционных моральных и мировоззренческих установок коренных этносов. Этнокультурная специфика динамики семейно-брачных отношений коренных народов Южной Сибири определяется сакральным характером, выражающимся в ритуальных практиках, традиционных морально-этических установках и нормах поведения.

Особенности развития семейно-брачных отношений коренных этносов Южной Сибири рассматривались нами в культурно-историческом контексте. Так, в дореволюционный период традиционный уклад рассматриваемых этносов полностью патриархальные установки, основанные на особенностях традиционного мировоззрения и менталитета. Нивелирующий характер советской национальной политики в целом повлиял на обесценивание этнических ценностей семейных отношений. На рубеже XX-XXI вв. понимание и осознание базисных основ культурного кода привело к возрождению системы традиционных ценностей коренных этносов.

Исторически, морально-правовое регулирование конфликтных прецедентов в семейно-брачных отношениях у коренных народов опиралось на систему норм, сложившуюся в рамках традиционных институтов управления и власти. Для современного этапа были выявлены ключевые функции социально-правовой профилактики семейных конфликтов, действующие в рамках сложившегося законодательства, на основе базовых ценностей традиционных отношений и регулирующие контроль и предупреждение семейно-брачных конфликтов и их последствий.

Рассмотрев характер процессов десоциализации традиционных семейно-брачных отношений, сущность десоциализирующей семьи, нами были выделены наиболее эффективные формы и методы предупреждения конфликтов и преступлений в сфере семейно-брачных отношений.

Результаты исследования в Саяно-Алтайском регионе показали значимую роль традиционных норм и обычаев наряду с государственными службами, в профилактике семейно-бытовых конфликтов у коренных народов.

Перспективами дальнейшей разработки проблем диссертационного исследования может стать изучение проблем интеграции традиционных ценностей в современную систему регулирования социальных отношений в среде коренных этносов Южной Сибири. Данная тематика может рассматриваться в контексте текущих социокультурных процессов на территории Сибири, включая комплекс проблем, порождаемых межэтническими браками, взаимовлиянием и трансформацией культурных парадигм. Необходимо отметить, что актуальность изучения процессов трансформации этнических ценностей семейно-брачных отношений определяется их значимостью в условиях современной глобализации, рационального, разумного и целесообразного, заложенного в традиционной культуре коренных народов Южной Сибири.

Список литературы и источников

1. Адлыкова, А. Памяти ученого / А. Адлыкова. – Текст : непосредственный // Звезда Алтая. - 2002. – 5 апр.
2. Алексеева, А. Г. Традиционно-патриархальные основы семейно-брачных отношений коренных народов Сибири : определение ценностных идеалов и целей / А. Г. Алексеева. - Текст : непосредственный // Этнокультурная деятельность в современных образовательных организациях и учреждениях культуры : опыт, проблемы, перспективы : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 25 марта 2017 г.) / редкол. : Т. И. Бакланова [и др.]. – Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – С. 74-77.
3. Алтай и тюрко-монгольский мир : тезисы, статьи / отв. ред. Т. М. Садалова. - Горно-Алтайск, 1995. – 164 с. – Текст : непосредственный.
4. Алтай и Центральная Азия : культурно-историческая преемственность : к 350-летию ойрот. письменности : материалы Международной научной конференции (Горно-Алтайск, 5-7 окт. 1998 г.) / редкол. : А. С. Суразаков (отв. ред.) [и др.]. - Горно-Алтайск : Горно-Алтайский институт гуманитарных исследований, 1999. - 288 с. – Текст : непосредственный.
5. Анжиганова, Л. В. Мир женщин современной Тувы / Л. В. Анжиганова, С. М. Ак-Лама. - Текст : электронный // Новые исследования Тувы. - 2016. - № 2. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mir-zhenschin-sovremennoy-tuvu> (дата обращения: 15.06.2018). - Режим доступа: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка».
6. Антология мировой политической мысли : в 5 томах. Том 1. Зарубежная политическая мысль : истоки и эволюция / Национальный общественно-научный фонд ; Академия политической науки ; ред.-

- науч. совет : Г. Ю. Семигин [и др.]. – Москва : Мысль, 1997. – 830 с. – Текст : непосредственный.
7. Антонов, А. И. Кризис семьи и пути его преодоления : научный доклад / А. И. Антонов, В. А. Борисов. – Москва : ИС, 1990. – 36 с. – Текст : непосредственный.
 8. Антонов, А. И. Социология семьи / А. И. Антонов, В. М. Медков. – Москва : Издательство МГУ, 1996. – 303 с. – Текст : непосредственный.
 9. Антонов, А. И. Судьба семьи в России XXI века / А. И. Антонов, С. А. Сорокин. – Москва : Издательский дом «Грааль», 2000. – 416 с. – Текст : непосредственный.
 10. Антонян, Ю. М. Преступность среди женщин : монография / Ю. М. Антонян. – Москва : Российское право, 1992. – 254 с. – Текст : непосредственный.
 11. Ахматов, А. А. Внутрисемейное преступное поведение и противодействие ему в Республике Мордовия : специальность : 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ахматов Александр Александрович ; Санкт-Петербургский университет МВД России. – Санкт-Петербург, 2008. – 26 с. – Место защиты: Санкт-Петербургский университет МВД России. – Текст : непосредственный.
 12. Базаров, Б. В. Монгольские народы в XX веке : к проблеме социально-культурной и политической трансформации (в контексте Центрально-Азиатского развития) / Б. В. Базаров. – Текст : непосредственный // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии : материалы Международной научной конференции / редкол. : Б. В. Базаров (отв. ред.) [и др.]. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – Т. 2. – С. 3-9.
 13. Биче-оол, С. М. Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их изменения в связи с социалистическими

- преобразованиями в Туве : 07.00.07 «Этнография, этнология и антропология» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Биче-оол Светлана Монгушевна ; Ленинградский ордена Ленина и ордена трудового красного знамени государственный университет имени А. А. Жданова. - Ленинград, 1974. – 20 с. – Место защиты: Ленинградский ордена Ленина и ордена трудового красного знамени государственный университет имени А. А. Жданова. – Текст : непосредственный.
14. Большая Советская Энциклопедия : в 51 томах / гл. ред. С. И. Вавилов. - 2-е изд. - Москва : Советская энциклопедия, 1957. – Т. 46. - 672 с. – Текст : непосредственный.
15. Будегечи, Т. Б. Художественное наследие тувинцев : судьбы искусств, жизнь традиции, диалог культур, от традиционного к современному / Т. Б. Будегечи ; Министерство культуры Республики Тува ; Союз художников Республики Тува. – Москва : Внешторгиздат, 1995. – 151 с. – Текст : непосредственный.
16. Бутанаев, В. Я. Из истории семьи и семейного права хакасов / В. Я. Бутанаев. – Новосибирск : Наука, 1987. - 165 с. – Текст : непосредственный.
17. Бутанаев, В. Я. Хакасы : этнографический очерк / В. Я. Бутанаев. - Текст : непосредственный // Иллюстрированная этнография хакасов : альбом фотоматериалов Минусинского музея им. Н. М. Мартьянова. – Абакан ; Новосибирск : Наука, 2004. - С. 6-30.
18. Бутанаев, В. Я. Этническая культура хакасов : учебное пособие / В. Я. Бутанаев. – Абакан : Издательство ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1998. – 352 с. – Текст : непосредственный.
19. В России – «третья волна» беспризорности, безнадзорности, неграмотности и преступности подростков (Статистика). – Текст : электронный // NEWSru.com. - 2005. - URL:

<http://www.newsru.com/russia/01jun2005/generation.html> (дата обращения: 22.06.2018).

20. Вайнштейн, С. И. Мир кочевников Центра Азии / С. И. Вайнштейн. – Москва : Наука, 1991. - 296 с. – Текст : непосредственный.
21. Варламова, С. Н. Семья и дети в жизненных установках россиян / С. Н. Варламова, А. В. Носкова, Н. Н. Седова. - Текст : непосредственный // Социологические исследования. - 2006. - № 11. – С. 61-73.
22. Вербицкий, В. И. Алтайские инородцы : сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера, протоиерея В. И. Вербицкого, изданный Этнографическим отделом Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете / под ред. А. А. Ивановского ; послесл. В. А. Муйтуевой. - Горно-Алтайск : Ак-Чечек, 1993. - 268 с. – Текст : непосредственный.
23. Вербицкий, В. И. Алтайские инородцы : сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера, протоиерея В. И. Вербицкого, изданный Этнографическим отделом Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете / под ред. А. А. Ивановского. - Москва : Скоропеч. А. А. Левенсон, 1893. - 221 с. – Текст : непосредственный.
24. Верещагина, А. В. Эволюция государственного регулирования семьи и семейно-брачных отношений в России / А. В. Верещагина. - Текст : непосредственный // Вестник ИИАЭ. - 2013. - № 4 (36). – С. 101-107.
25. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1995. - 639 с. – Текст : непосредственный.
26. Гаврилук, В. В. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) / В. В. Гаврилук, Н.

- А. Трикоз. - Текст : непосредственный // Социологические исследования. - 2002. - № 1. – С. 96-105.
27. Гайер, Е. А. Традиционная бытовая обрядность нанайцев в конце XIX - начале XX в. / Е. А. Гайер. – Москва : Мысль, 1991. – 126 с. – Текст : непосредственный.
28. Герасимова, К. М. Обряды защиты жизни в буддизме Центральной Азии / К. М. Герасимова. – Улан-Удэ : Издательство БНЦ СО РАН. 1999. – 138 с. – Текст : непосредственный.
29. Герасимова, К. М. Традиционная культура бурят : учебное пособие / К. М. Герасимова, Г. Р. Галданова, Г. Н. Очирова. - Улан-Удэ : Бэлиг, 2000. – 136 с. – Текст : непосредственный.
30. Голод, С. И. Семья и брак : историко-социологический анализ / С. И. Голод. – Санкт-Петербург : ТОО ТК «Перополис», 1998. – 270 с. – Текст : непосредственный.
31. Голод, С. И. Современная семья : мачизм, феминизм, трибадизм / С. И. Голод. - Текст : непосредственный // Человек. - 2006. - № 6. - С. 69-82.
32. Гончарова, Г. С. Изменение семейно-брачных отношений и проблема устойчивости этнокультурных традиций / Г. С. Гончарова. - Текст : непосредственный // Новые исследования Тувы. – 2010. - № 3 (7). – С. 117-131.
33. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. - Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2016. - 447 с. – Текст : непосредственный.
34. Дармодехин, С. В. О состоянии и неотложных мерах по развитию государственной семейной политики / С. В. Дармодехин. - Текст : непосредственный // Уровень жизни населения регионов России. – 2005. - № 10. – С. 20-27.
35. Движение АК ЯАНГ (Белая вера) – Бурханизм на Алтае : взгляд через столетие : материалы научной конференции, посвященной 100-летию событий в долине Теренг / под ред. Н. В. Екеева. - Горно-Алтайск :

- Горно-Алтайская республиканская типография, 2004. – 282 с. – Текст :
непосредственный.
36. Дементьева, И. Ф. Социальное самочувствие семьи / И. Ф. Дементьева.
- Текст : непосредственный // Социологические исследования. - 2008. -
№ 9. - С. 102-109.
37. Денисова, Л. Н. Русская крестьянка в XX веке / Л. Н. Денисова. - Текст
: непосредственный // Гендер и общество в истории / под ред. : Л. П.
Репиной, А. В. Стоговой, А. Г. Суприянович. – Санкт-Петербург :
Алетейя, 2007. - С. 382-405.
38. Добреньков, В. И. Социология : в 3 томах. Том 3. Социальные
институты и процессы / В. И. Добреньков, А. И. Кравченко. – Москва :
ИНФРА-М, 2000. – 519 с. – Текст : непосредственный.
39. Долбик-Воробей, Т. А. Студенческая молодежь о проблемах брака и
рождаемости / Т. А. Долбик-Воробей. - Текст : непосредственный //
Социологические исследования. - 2003. - № 11. – С. 78-83.
40. Домострой / Российская академия наук ; изд. подгот. : В. В. Колесов, В.
В. Рождественская. – Санкт-Петербург : Наука, 1994. – 399 с. – Текст :
непосредственный.
41. Дулов, В. И. Пережитки общинно-родового строя и родового быта у
тувинцев в XIX — начале XX в. (до 1917 г.) / В. И. Дулов. - Текст :
непосредственный // Советская этнография. - 1951. - № 4. - С. 57-76.
42. Духовная Шория : шорский фольклор в записях и из архива профессора
А. И. Чудоякова / отв. ред. А. В. Правда. - Кемерово : Кузбасс, 2008. -
352 с. – Текст : непосредственный.
43. Дыренкова, Н. П. Культ огня у алтайцев и телеут / Н. П. Дыренкова. -
Текст : непосредственный // Сборник Музея антропологии и
этнографии. – 1927. – Т. VI. - С. 63-78.
44. Дьяконова, В. П. Алтайцы : материалы по этнографии теленгитов
Горного Алтая / В. П. Дьяконова. - Горно-Алтайск : Юч-Сумер, 2001. -
224 с. – Текст : непосредственный.

45. Дюмон, Ф. Культурные преобразования в философии / Ф. Дюмон. - Текст : непосредственный // Общество и культура : философское осмысление культуры. – Москва : Одиссей, 1988. – Ч. 1. – С. 15.
46. Енчинов, Э. В. Семейные ценности алтайцев : трансформация обычного права в современной культуре : специальность : 24.00.01 «Теория и история культуры» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Енчинов Эркин Валериевич ; Российский государственный гуманитарный университет. - Москва, 2009. - URL: <https://dlib.rsl.ru/01004250555> (дата обращения: 22.06.2018). - Место защиты: Российский государственный гуманитарный университет. - Текст : электронный.
47. Ершов, П. П. Сузге : поэма / П. П. Ершов. - Тобольск : Содействие, 2016. - 141 с. – Текст : непосредственный.
48. Жалинский, А. Э. Эффективность профилактики преступлений и криминологическая информация / А. Э. Жалинский, М. В. Костицкий. – Львов : Вища шк. ; Издательство при Львовском университете, 1980. - 212 с. – Текст : непосредственный.
49. За Алтаем Алтай : материалы великих русских исследователей об Алтае / сост. Б. Я. Бедюров. - Горно-Алтайск : БУ РА Литературно-издательский Дом «Алтын-Туу», 2015. - 376 с. – Текст : непосредственный.
50. Иваненков, С. П. Российская молодежь : современные семейно-брачные ценности и установки / С. П. Иваненков. - Текст : электронный // Кредо. - 2007. - № 4. – URL: <http://credonew.ru/content/view/641/59/> (дата обращения 2.11.2018).
51. Информационный центр МВД по Республике Тыва – Текст : электронный // Министерство внутренних дел по Республике Тыва : [официальный сайт]. – Кызыл, 2021. – URL: https://17.мвд.рф/MVD_po_RT/структура/подра/информационный-центр-мвд-по-республике-т (дата обращения 09.04.2021).

- 52.Исакова, Н. В. Культура народов Севера : философско-социологический анализ / Н. В. Исакова. – Новосибирск : Наука, 1989. – 206 с. – Текст : непосредственный.
- 53.Исследователи Горного Алтая (XVII – середина XX в.) : библиографический справочник / сост. : А. А. Иркитова, Т. К. Майчикова. - Горно-Алтайск : [Б. м.], 2003. - 136 с. – Текст : непосредственный.
- 54.История и культура народов Центральной Азии. Источниковедение : сборник статей / отв. ред. Б. В. Базаров. - Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1993. – 138 с. – Текст : непосредственный.
- 55.История Хакасии с древнейших времен до 1917 года / Л. Р. Кызласов, К. Г. Копкоев, Г. Ф. Быконя [и др.] ; отв. ред. Л. Р. Кызласов ; Хакасский НИИ языка, литературы и истории. - Москва : Наука ; Издательская фирма «Восточная литература», 1993. - 523 с. – Текст : непосредственный.
- 56.Каган, М. С. Философская теория ценностей / М. С. Каган. – Санкт-Петербург : ТК «Петрополис», 1997. – 205 с. – Текст : непосредственный.
- 57.Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии : годовой цикл / отв. ред. : Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков. – Москва : Наука. 1989. – 360 с. – Текст : непосредственный.
- 58.Катанов, Н. Ф. Избранные научные труды. Тексты хакасского фольклора и этнографии / Н. Ф. Катанов. – Абакан : Айра, 2000. – 547 с. – Текст : непосредственный.
- 59.Катанов, Н. Ф. Очерки Урянхайской земли : дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии наук и Императорского Русского географического общества / Н. Ф. Катанов ; подгот., вступ. слово А. К. Кужугет ; отв. ред. К. А. Бичелдей ; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) ; Тувинский институт гуманитарных исследований. – Кызыл :

- Тувинский институт гуманитарных исследований, 2011. - 384 с. – Текст : непосредственный.
60. Каташ, С. С. Лик Алтая. Литература. История. Культура / С. С. Каташ. - Горно-Алтайск : Горно-Алтайское республиканское книжное издательство «Юч-Сумер», 2000. - 176 с. – Текст : непосредственный.
61. Каташ, С. С. Мифы, легенды Горного Алтая / С. С. Каташ. - Горно-Алтайск : Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1978. – 112 с. – Текст : непосредственный.
62. Кацюба, Д. В. Алтайская духовная миссия : вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности : монография / Д. В. Кацюба. - Кемерово : Кемеровский государственный университет, 1998. - 155 с. – Текст : непосредственный.
63. Кацюба, Д. В. Духовная культура телеутов / Д. В. Кацюба. – Кемерово : Кемеровский государственный университет, 1993. – 190 с. – Текст : непосредственный.
64. Кенин-Лопсан, М. Б. Традиционная культура тувинцев / М. Б. Кенин-Лопсан. – Кызыл : Тувинское книжное издательство, 2006. – 230 с. – Текст : непосредственный.
65. Кляшторный, С. Г. Тюркский мир и евразийский симбиоз / С. Г. Кляшторный. - Текст : непосредственный // Государства и народы Евразийских степей : от древности к Новому времени / Институт восточных рукописей. – Санкт-Петербург, 2002. - С. 5.
66. Ковалевский, М. М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения права / М. М. Ковалевский. - Текст : непосредственный // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. - 2017. - № 4 (32). – С. 178-181.
67. Кокова, И. Ф. Николай Федорович Катанов : документальная повесть о выдающемся российском востоковеде / И. Ф. Кокова ; Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории ; Общество востоковедов Республики Хакасия. - 2-е изд., доп. - Абакан :

- Хакасское книжное издательство, 2012. - 172 с. – Текст : непосредственный.
- 68.Кон, Ф. Я. За пятьдесят лет : собрание сочинений / Ф. Я. Кон. - Москва : Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1936. – 293 с. – Текст : непосредственный.
- 69.Корнеев, А. В. Религии мира. Шаманизм / А. В. Корнеев. - Москва : ООО «ТД «Изд-во Мир книги», 2006. – 192 с. – Текст : непосредственный.
- 70.Котожеков, Г. Г. Культура народов Саяно-Алтайского нагорья / Г. Г. Котожеков. – Абакан : [Б. м.], 1992. – 192 с. – Текст : непосредственный.
- 71.Кужугет, А. К. Духовная культура тувинцев : структура и трансформация / А. К. Кужугет. – Кемерово : Издательство КемГУКИ, 2006. – 320 с. – Текст : непосредственный.
- 72.Кужугет, А. К. Зрелищно-игровые элементы в культовых обрядах тувинцев : монография / А. К. Кужугет. – Кызыл : Республиканская типография, 2002. – 80 с. – Текст : непосредственный.
- 73.Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии : региональные особенности и международное сотрудничество : материалы VII Международной научно-практической конференции / науч. ред. : И. С. Цыремпилова, Е. С. Манзырева. - Улан-Удэ : ИПК ФГБОУ ВО ВСГИК, 2017. – 567 с. – Текст : непосредственный.
- 74.Курбатский, Г. Н. Тувинцы в своем фольклоре : историко-этнографические аспекты тувинского фольклора / Г. Н. Курбатский ; Российская академия наук. Сибирское отделение. Ин-т археологии и этнографии. - Кызыл : Тувинское книжное издательство, 2001. - 462 с. – Текст : непосредственный.
- 75.Кызласов, Л. Р. История Южной Сибири в средние века / Л. Р. Кызласов. - Москва : Высшая школа, 1984. - 167 с. – Текст : непосредственный.

- 76.Кызласов, Л. Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии : монография / Л. Р. Кызласов. – Красноярск : Издательство Красноярского университета, 1992. – 225 с. – Текст : непосредственный.
- 77.Ламажаа, Ч. К. Тува между прошлым и будущим / Ч. К. Ламажаа ; Институт фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета. - Москва : Восход-А, 2008. - 497 с. – Текст : непосредственный.
- 78.Лаппо, Д. Е. Об изучении степного права / Д. Е. Лаппо. - Текст : непосредственный // Обычное право и общественное управление минусинских «инородцев» : исследования разных лет (XIX - начало XXI в.). – Абакан : Хакасское книжное издательство, 2009. - С. 52-72.
- 79.Липина, С. А. Накануне трагедии / С. А. Липина. - Текст : непосредственный // Реформирование России : мифы и реальность. - 1994. - № 1. - С. 42.
- 80.Лисовский, В. Т. Молодежь : любовь, брак, семья : социологическое исследование / В. Т. Лисовский. – Санкт-Петербург : Наука, 2003. - 365 с. – Текст : непосредственный.
- 81.Лурье, С. В. Психологическая антропология : история, современное состояние, перспективы : учебное пособие для вузов / С. В. Лурье. - Москва : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. - 622 с. – Текст : непосредственный.
- 82.Лысова, А. В. Женская агрессия и насилие в семье / А. В. Лысова. - Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 2008. - № 3. - С. 167-176.
- 83.Мамаева, А. Н. Параметры и правила функционирования семьи и их влияние на жизнь / А. Н. Мамаева. - Текст : электронный // Психологи на b17.ru : [сайт]. - [Б. м.], 2018. – URL: <http://www.b17.ru/article/17852/> (дата обращения 17.05.2018).

84. Миллер, Г. Ф. История Сибири : в 2 томах / Г. Ф. Миллер ; отв. ред. И. Н. Винников. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1941. – Т. 2. - 637 с. – Текст : непосредственный.
85. Миллер, Г. Ф. Описание сибирских народов : проблемы брака и семьи у народов Сибири / Г. Ф. Миллер. - Текст : электронный // Наука их первых рук. - 2007. - № 6 (18). – URL: <https://scfh.ru/papers/opisanie-sibirskikh-narodov-problemy-braka-i-semi-u-narodov-sibiri/> (дата обращения 21.02.2019).
86. Монгуш, М. В. История буддизма в Туве : вторая половина VI – конец XX в. / М. В. Монгуш. – Новосибирск : Наука, 2001. – 200 с. – Текст : непосредственный.
87. Монгуш, М. В. Тувинцы России, Монголии и Китая : этнические и этнокультурные процессы, современная идентичность : специальность : 07.00.07 «Этнография, этнология и антропология» : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Монгуш Марина Васильевна ; Отдел азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН. - Москва, 2005. – 361 с. – Место защиты: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – Текст : непосредственный.
88. Морган, Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации : со статьей Фр. Энгельса «К доистории семьи (Бахофен, Мак Леннан, Морган)» : прил. : предисл. Л. Г. Моргана к книге Л. Файсона и А. Хауитта «Камиларои и курнаи» / Льюис Г. Морган ; пер. с англ. под ред. М. О. Косвена ; предисл. Я. П. Алькора. - Ленинград : Издательство Института народов Севера ЦИК СССР, 1934. - 350 с. – Текст : непосредственный.
89. Муйтуева, В. А. Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев : монография / В. А. Муйтуева. - Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2004. – 166 с. – Текст : непосредственный.

90. Народная художественная культура : учебник / под ред. : Т. И. Баклановой, Е. Ю. Стрельцовой. – Москва : МГУКИ, 2000. – 344 с. – Текст : непосредственный.
91. Народонаселение : энциклопедический словарь / редкол. : Г. Г. Меликьян (гл. ред.) [и др.]. - Москва : Большая российская энциклопедия, 1994. - 639 с. – Текст : непосредственный.
92. Наумкина, В. В. Обычное право кочевых народов Восточной Сибири в правовой системе Российского государства XIX - начала XX вв : специальность : 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Наумкина Валентина Владимировна ; Московский университет МВД России. - Москва, 2005. - 347 с. - Место защиты: Московский университет МВД России. – Текст : непосредственный.
93. Николаев, В. В. Семейно-брачные отношения коренного населения предгорий Северного Алтая на рубеже XIX-XX вв. (по данным метрических книг) / В. В. Николаев. - Текст : непосредственный // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая : материалы региональной научно-практической конференции. – Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2007. - Вып. XVI. – С. 230-234.
94. Об итогах Всероссийской переписи населения 2002 года. – Текст : электронный // Чувашская Республика : [официальный портал органов власти]. – Чебоксары, 2018. – URL: gov.cap.ru>home/5/2006/Votvper.doc (дата обращения: 25.08.2018).
95. Обручев, В. А. Григорий Николаевич Потанин : краткий очерк жизни и научной деятельности / В. А. Обручев. - Текст : электронный. – URL: <http://ogrik2.ru/b/aleksandra-viktorovna-potanina/sibir-mongoliya-kitaj-tibet-puteshestviya-dlinoyu-v-zhizn-velikie-puteshestviya/4567/v-a-obruchev-grigorij-nikolaevich-potanin/0> (дата обращения: 09.01.2017).

96. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под ред. Л. И. Скворцова. - 26-е изд., испр. и доп. - Москва : Оникс, 2010. - 1357 с. – Текст : непосредственный.
97. Онгудайский районный суд Республики Алтай : [официальный сайт]. - с. Онгудай, 2006-2018. – URL: <http://ongudaisky.ralt.sudrf.ru/> (дата обращения: 30.09.2018). - Текст : электронный.
98. Основы ювенального права : учебное пособие : в 3 томах / Министерство внутренних дел Российской Федерации ; Воронежский институт МВД России ; А. В. Заряев [и др.]. - Воронеж : ВИ МВД России, 2001. – Т. 1. - 320 с. – Текст : непосредственный.
99. Ответственность родителей за оставление детей без присмотра. – Текст : электронный // РИА Новости : [сайт]. – Москва, 2018. – URL: <https://ria.ru/spravka/20080313/101244581.html> (дата обращения: 14.010.2017).
100. Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. : архивные материалы / Академия наук СССР. Дагестанский филиал ; сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. - Москва : Наука, 1965. - 279 с. – Текст : непосредственный.
101. Парсонс, Т. О социальных системах / Талкотт Парсонс ; под общ. ред. : В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. – Москва : Академический Проект, 2002. - 830 с. – Текст : непосредственный.
102. Патачаков, К. М. К вопросу о влиянии русской культуры на культуру и быт хакасов в XVIII - XIX вв. / К. М. Патачаков. - Текст : непосредственный // Записки ХакНИИЯЛИ. - Абакан, 1956. – Вып. IV. – С. 47-62.
103. Поддубиков, В. В. Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов : методы прикладной этнологии : монография / В. В. Поддубиков, А. Н. Садовой,

- М. В. Белозерова. – Кемерово : ИНТ, 2014. – 358 с. – Текст : непосредственный.
104. Попков, Ю. В. Базисные ценности народов Евразийской цивилизации в условиях глобализации / Ю. В. Попков. - Текст : электронный // Новые исследования Тувы. - 2009. - № 1-2. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bazisnye-tsennosti-narodov-evraziyskoj-tsivilizatsii-v-usloviyah-globalizatsii> (дата обращения: 23.12.2017). - Режим доступа: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка».
105. Попова, Ю. А. Семейно-бытовые отношения. Профилактика и борьба с алкоголизмом, и семейными дебоширами / Ю. А. Попова. – Текст : электронный // Молодой ученый. - 2017. - № 17. - С. 185-187. – URL: <https://moluch.ru/archive/151/42686/> (дата обращения: 14.12.2017).
106. Потанин, Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии : результаты путешествия, исполненного в 1979 г. по поручению Императорского Русского Географического Общества членом-сотрудником оного Г. Н. Потаниным / Г. Н. Потанин. – Санкт-Петербург : тип. В. Киршбаума, 1883. – 1026 с. – Текст : непосредственный.
107. Потапов, Л. П. Очерки народного быта тувинцев / Л. П. Потапов. – Москва : Наука, 1969. – 402 с. – Текст : непосредственный.
108. Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии : материалы Международной научной конференции / редкол. : Б. В. Базаров (отв. ред.) [и др.]. - Улан-Удэ : Издательство БНЦ СО РАН, 2000. – 247 с. – Текст : непосредственный.
109. Рабжаева, М. В. Историко-социальный анализ семейной политики в России XX века / М. В. Рабжаева. - Текст : непосредственный // Социологические исследования. - 2004. - № 6. - С. 89-97.
110. Радлов, В. В. Из Сибири : страницы дневника / В. В. Радлов. – Москва : Наука, 1989. – 749 с. – Текст : непосредственный.

111. Руссо, Ж. Об общественном договоре или принципы политического права / Ж. Руссо. - Текст : непосредственный // Антология мировой политической мысли : в 5 томах. / Национальный общественно-научный фонд ; Академия политической науки ; ред.-науч. совет : Г. Ю. Семигин [и др.]. – Москва : Мысль, 1997. - Том 1. - С. 437-438.
112. Рязановский, В. А. Обычное право монгольских племен. Часть 2. Обычное право бурят / В. А. Рязановский. – Чита : Управление Бурят-Монг. автоном. обл., 1921. - 121 с. – Текст : непосредственный.
113. Сагды, К. Ч. История возникновения тувинского театра / К. Ч. Сагды. – Кызыл : Тувинское книжное издательство, 1973. - 109 с. – Текст : непосредственный.
114. Санжиев, Г. Л. Цивилизации в евразийском пространстве в XIII - XX вв. и место Бурятии в них / Г. Л. Санжиев. - Текст : непосредственный // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии : материалы Международной научной конференции / редкол. : Б. В. Базаров (отв. ред.) [и др.]. - Улан-Удэ : Издательство БНЦ СО РАН, 2000. – С. 21-22.
115. Семенов, Ю. И. Формы общественной воли в доклассовом обществе : табуитет, мораль и обычное право / Ю. И. Семенов. - Текст : непосредственный // Этнографическое обозрение. - 1997. - № 4. - С. 3-23.
116. Семенова, А. Год семьи принес больше радости чиновникам, чем родителям и детям / А. Семенова. - Текст : электронный // Частный Корреспондент. - 2018. – URL: <http://www.chaskor.ru/p.php?id=2326> (дата обращения: 02.02.2019).
117. Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Республике Хакасия : [официальный сайт]. – Абакан, 2018. – URL: <http://hakasia.sledcom.ru/> (дата обращения: 01.04.2019). - Текст : электронный.

118. Смирнова, Н. С. Казахская народная поэзия / Н. С. Смирнова. - Алма-Ата : Наука, 1967. – 134 с. – Текст : непосредственный.
119. Советская историческая энциклопедия : в 15 томах. Том 14. Таанах - Фелео / гл. ред. Е. М. Жуков. - Москва : Советская энциклопедия, 1973. - 1038 с. – Текст : непосредственный.
120. Сорокин, П. Социальная и культурная динамика : исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П. Сорокин. - Санкт-Петербург : Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2000. - 1054 с. – Текст : непосредственный.
121. Старынкевич, И. Д. Формы заключения брака у турецких племен Сибири и у кочевников Средней Азии / И. Д. Старынкевич. - Текст : непосредственный // Сборник МАЭ. – Ленинград, 1930. – Т. IX. – С. 222-223.
122. Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен / Российская академия наук. Центр по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая ; сост., авт. вступ. ст., коммент. и глоссария А. А. Никищенко ; под ред. Ю. И. Семенова. - Москва : Старый сад, 2000. - 288 с. – Текст : непосредственный.
123. Суразаков, С. С. Алтай албатынын оос поэтический творчествозы / С. С. Суразаков. - Горно-Алтайск : Горно-Алтайское книжное издательство, 1960. - 174 с. – Текст : непосредственный.
124. Тадышева, Н. О. Свадебная обрядность народов Саяно-Алтая : общее и особенное / Н. О. Тадышева. - Текст : непосредственный // Вестник ТГУ. История. - 2015. - № 6 (38). - С. 133-138.
125. Тарбастаева, И. С. Тувинская семья : традиции и современность / И. С. Тарбастаева. - Текст : непосредственный // Новые исследования Тувы. – 2010. - № 2. – С. 259-267.

126. Телеутская земля и ее коренные жители / отв. ред. Е. И. Убрятова. – Кемерово : [Б. и.], 1990. – 35 с. – Текст : непосредственный.
127. Телеутские народные напевы. Частушки / сост. : И. М. Потапова, Е. С. Филкова. – Кемерово : [Б. и.], 2018. – 119 с. – Текст : непосредственный.
128. Токарев, С. А. Пережитки родовых отношений у хакасов в XIX веке / С. А. Токарев. - Текст : непосредственный // Сибирский этнографический сборник. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1952. – Т. 1. - С. 108-141.
129. Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX - начало XX в. : сборник статей / отв. ред. : И. Н. Гемуев, А. М. Сагалаев. – Новосибирск : Наука, 1987. - 202 с. – Текст : непосредственный.
130. Тугельбаева, Б. Г. Проблемы предупреждения преступного насилия в отношении женщин : монография / Б. Г. Тугельбаева ; Кыргызско-Российский Славянский университет. - Бишкек, 2003. - 375 с. – Текст : непосредственный.
131. Тутаркова, Н. В. Положение хакасской женщины в традиционном и современном обществе : XIX - XXI вв. : специальность : 07.00.07 «Этнография, этнология и антропология» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Тутаркова, Наталья Валерьевна ; Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова. - Абакан, 2007. - 218 с. – Место защиты: Томский государственный университет. – Текст : непосредственный.
132. Ултургашева, Н. Т. Календарно-обрядовые традиции народов Саяно-Алтая / Н. Т. Ултургашева. - Текст : непосредственный // Музыка и ритуал : структура, семантика, специфика : материалы Международной научной конференции (3–6 октября 2002 г.) / отв. ред. Г. Б. Сыченко ; Новосибирская государственная консерватория

- (академия) им. М. И. Глинки ; Римский университет «Тор Вергата». – Новосибирск, 2004. – С. 318–324.
133. Ултургашева, Н. Т. Народная художественная культура в системе трансляции ценностей народов Саяно-Алтая : монография / Н. Т. Ултургашева. – Абакан : Издательство ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2002. – 91 с. – Текст : непосредственный.
134. Устав об управлении инородцев от 22 июля 1822 года. - Текст : непосредственный // Полное собрание законов Российской империи с 1849 г. – Т. 38. - № 29. - С. 394-416.
135. Философский энциклопедический словарь / редкол. : С. С. Аверинцев [и др.]. - 2-е изд. - Москва : Советская энциклопедия, 1989. - 814 с. – Текст : непосредственный.
136. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм ; пер. Э. М. Телятниковой. - Москва : Республика, 1994. – 446 с. – Текст : непосредственный.
137. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. – Москва : АСТ «Ермак», 2004. – 588 с. – Текст : непосредственный.
138. Функ, Д. А. Миры шаманов и сказителей : комплексное исследование телеутских и шорских материалов / Д. А. Функ. – Москва : Наука, 2005. - 399 с. – Текст : непосредственный.
139. Хакасские народные тахпахи / сост. М. А. Унгвицкая. – Абакан : Красноярское книжное издательство. Хакасское отделение, 1980. – 131 с. – Текст : непосредственный.
140. Хольшина, М. А. Семейно-брачные отношения у населения республики Тыва / М. А. Хольшина, Ю. В. Бутанаев. - Текст : непосредственный // Молодой ученый. - 2011. - № 11. – Т. 2. - С. 55-58.
141. Хубиев, Б. Б. Семья в современном обществе / Б. Б. Хубиев. - Текст : непосредственный // Хубиев Б. Б. Семья как социально-

- ценностная общность форм бытия человека : монография. - Нальчик, 2007. - С. 63-67.
142. Чебодаев, И. П. Традиционная семейная обрядность хакасов / И. П. Чебодаев. – Абакан : Хакаское книжное издательство, 1996. – 70 с. – Текст : непосредственный.
143. Чудояков, А. И. Этюды шорского эпоса / А. И. Чудояков. – Кемерово : Книжное издательство, 1995. - 223 с. – Текст : непосредственный.
144. Шашков, С. С. Исторические этюды С. С. Шашкова / С. С. Шашков. – Санкт-Петербург : издание Н. А. Шигина ; Типография А. Моригеровскаго, 1872. – Т. 2. – 349 с. – Текст : непосредственный.
145. Шерстова, Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири : этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII - начала XX века / Л. И. Шерстова. – Новосибирск : Издательство ИАЭ СО РАН, 2005. – 311 с. – Текст : непосредственный.
146. Шестаков, Д. А. Введение в криминологию семейных отношений / Д. А. Шестаков. – Ленинград : ЛГУ, 1980. – 81 с. – Текст : непосредственный.
147. Шестаков, Д. А. Дессоциализирующая семья как фактор формирования личности преступника / Д. А. Шестаков. - Текст : непосредственный // Вестник ЛГУ. – 1985. - № 6. - С. 84-88.
148. Шестаков, Д. А. Семейная криминология : криминофамилистика / Д. А. Шестаков. - 2-е изд. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. - 384 с. – Текст : непосредственный.
149. Шестаков, Д. А. Семья и предупреждение преступности / Д. А. Шестаков. - Текст : непосредственный // Правоведение. - 1993. - № 6. - С. 110-114.
150. Шорский героический эпос / сост., подг. к изд. Д. А. Функ. – Кемерово : ООО «Примула», 2010. – Т. 1. - 392 с. – Текст : непосредственный.

151. Щербакова, Е. М. Демографические итоги I полугодия 2015 года (часть II) / Е. М. Щербакова. - Текст : электронный // Демоскоп Weekly. - 2015. - № 655-656. - URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0655/barom01.php> (дата обращения: 26.07.2018)
152. Элерт, А. Х. По следам академического отряда Великой Северной экспедиции / А. Х. Элерт. - Текст : непосредственный // Наука из первых рук. - 2007. - № 6 (18). – С. 6-12.
153. Элиасов Л. Е. Русский фольклор Восточной Сибири : в 3 частях / Л. Е. Элиасов ; Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. - Улан-Удэ, 1958. – Ч. 1. - 182 с. – Текст : непосредственный.
154. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс. - Текст : непосредственный // К. Маркс, Ф. Энгельс Избранные произведения : в 3 томах. – Москва : Политиздат, 1986. – Т. 3. - С. 28-178.
155. Ядринцев, Н. М. Культурное и промышленное состояние Сибири : доклад по случаю торжества 300-летия Сибири / Н. М. Ядринцев. – Санкт-Петербург : тип. А. С. Суворина, 1884. - 32 с. – Текст : непосредственный.
156. Ядринцев, Н. М. Сибирь как колония : к юбилею трехсотлетия : современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее / Н. М. Ядринцева. - Санкт-Петербург : тип. М. М. Стасюлевича, 1882. - 472 с. – Текст : непосредственный.
157. Яковлев, Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог Этнографического отдела Музея / Е. К. Яковлев. - Минусинск : изд. на средства В. А. Данилова, 1900. - 357 с. – Текст : непосредственный.
158. Kluckhohn, C. Values and Value Orientations in the Theory of Actions / C. Kluckhohn. - Text : direct // T. Parsons E. Shils Toward General

Theory of Action. Cambridge> Mass. - Harvard University Press, 1951. – P. 395.

159. Loving, N. Responding to Spouse Abuse and Wife Beating / N. Loving ; Law Enforcement Assistance Administration (Dept. of Justice). – Washington, 1980. – 196 p. – Text : direct.
160. Thamas, W. Cholp poliskiw Europe I Ameryce / W. Thamas, F. Znaniecki. – Warszawa : Lud. Spold. Wyd, 1976. - V.1. – Text : direct.